

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета

Основан в 2008 г.

№ 3 (37)
2016

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор:

Криштал Михаил Михайлович, д.ф.-м.н., профессор

Заместитель главного редактора по общим вопросам:

Коростелев Александр Алексеевич, д.п.н.

Заместитель главного редактора по техническому направлению, секция «Машиностроение и машиноведение»:

Шайкин Александр Петрович, д.т.н., профессор

Заместитель главного редактора по техническому направлению, секция «Металлургия и материаловедение»:

Мерсон Дмитрий Львович, д.ф.-м.н., профессор

Заместитель главного редактора по техническому направлению, секция «Химическая технология»:

Остапенко Геннадий Иванович, д.х.н., профессор

Заместитель главного редактора по гуманитарному направлению, секция «Социологические науки»:

Иванова Татьяна Николаевна, д.соц.н., доцент

Заместитель главного редактора по гуманитарному направлению, секция «Языкознание»:

Тараносова Галина Николаевна, д.п.н., профессор

Муранова Екатерина Валентиновна – ответственный секретарь

Входит в систему «Российский индекс научного цитирования» и перечень российских рецензируемых научных журналов.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36741 от 1 июля 2009 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020,
Самарская обл., г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14
Тел./факс: (8482) 54-63-64
vektornaukitgu@yandex.ru
<http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.09.2016.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 8,0.
Тираж 500 экз. Заказ 3-535-16.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора по общим вопросам

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора по техническому направлению, секция «Машиностроение и машиноведение»

Шайкин Александр Петрович, доктор технических наук, профессор кафедры «Энергетические машины и системы управления» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора по техническому направлению, секция «Металлургия и материаловедение»

Мерсон Дмитрий Львович, доктор физико-математических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института перспективных технологий Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора по техническому направлению, секция «Химическая технология»

Остапенко Геннадий Иванович, доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой «Химия, химические процессы и технологии» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора по гуманитарному направлению, секция «Социологические науки»

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора по гуманитарному направлению, секция «Языкознание»

Тараносова Галина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык и литература» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Редколлегия:

Андреюшкина Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика перевода» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык, культура речи и методика их преподавания» Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Борисова Елена Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Бочкарев Петр Юрьевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Проектирование технических и технологических комплексов» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Россия).

Бржозовский Борис Максович, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры «Проектирование технических и технологических комплексов» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Россия).

Буранок Олег Михайлович, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Верещака Анатолий Степанович, доктор технических наук, профессор кафедры «Технология машиностроения» Московского государственного технологического университета «СТАНКИН» (Москва, Россия).

Виноградов Алексей Юрьевич, доктор технических наук, замдиректора по научной работе Научно-исследовательского института перспективных технологий Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Гаврюшин Сергей Сергеевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Компьютерные системы автоматизации производства» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Москва, Россия).

Глезер Александр Маркович, доктор физико-математических наук, профессор, директор института металловедения и физики металлов имени Г.В. Курдюмова ФГУП «Центральный научно-исследовательский институт имени И.П. Бардина» (Москва, Россия).

Горбунов Юрий Иванович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика перевода» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Готлиб Анна Семеновна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Методология социологических и маркетинговых исследований» Самарского государственного университета (Самара, Россия).

Денисенко Александр Федорович, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Автоматизированные станочные и инструментальные системы» Самарского государственного технического университета (Самара, Россия).

Звоновский Владимир Борисович, доктор социологических наук, директор Самарской региональной общественной организации «Фонд социальных исследований» (Самара, Россия).

Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык, культура речи и методика их преподавания» Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Казakov Александр Анатольевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Металлургические технологии» института металлургии, машиностроения и транспорта Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Санкт-Петербург, Россия).

Карпов Михаил Иванович, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией Института физики твердого тела Российской академии наук (Черноголовка, Россия).

Кострова Ольга Андреевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Кудря Александр Викторович, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры металловедения и физики прочности Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва, Россия).

Кузьминский Анатолий Иванович, член-корреспондент НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики высшей школы и образовательного менеджмента Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Черкассы, Украина).

Кулинич Марина Александровна, доктор культурологии, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Ларшин Василий Петрович, доктор технических наук, профессор кафедры «Технология машиностроения» Одесского национального политехнического университета (Одесса, Украина).

Лодатко Евгений Александрович, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики высшей школы и образовательного менеджмента Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Черкассы, Украина).

Макаров Алексей Викторович, доктор технических наук, заведующий отделом материаловедения и лабораторией механических свойств Института физики металлов имени М.Н. Михеева Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия).

Морозова Алевтина Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка и методики преподавания иностранных языков Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара, Россия).

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

Наймарк Олег Борисович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией «Физические основы прочности» Института механики сплошных сред Уральского отделения Российской академии наук (Пермь, Россия).

Носов Николай Васильевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Технология машиностроения», декан факультета машиностроения и автомобильного транспорта Самарского государственного технического университета (Самара, Россия).

Орлова Людмила Викторовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Управление персоналом» Самарской академии государственного и муниципального управления (Самара, Россия).

Пилинский Александр Вениаминович, кандидат технических наук, доцент, MSME (Master of Science in Mechanical Engineering), менеджер компании «Реймер Металс Корпорейшн» (Лос-Анджелес, США).

Плахова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Романов Алексей Евгеньевич, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник сектора теории твердого тела Физико-технического института имени А.Ф. Иоффе Российской академии наук, заведующий кафедрой светодиодных технологий Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург, Россия).

Рубаник Василий Васильевич, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор технических наук, доцент Института технической акустики Национальной академии наук Беларуси (Витебск, Беларусь).

Старобинский Рудольф Натанович, доктор технических наук, профессор, научный консультант инженерного бюро «Prof. Starobinski. Silencers. Consulting and Engineering» (Гамбург, Германия).

Табаков Владимир Петрович, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Металлорежущие станки и инструменты» Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия).

Тарский Юрий Иванович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социология и социальная политика» Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (Саратов, Россия).

Тарская Ольга Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социология и социальная политика» Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (Саратов, Россия).

Худобин Леонид Викторович, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор кафедры «Технология машиностроения» Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия).

Шиняева Ольга Викторовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Политология, социология и связь с общественностью» Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Россия).

Шишков Владимир Александрович, доктор технических наук, начальник технического отдела ООО «Рекар» (Тольятти, Россия).

Щербакова Галина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Журналистика» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Эстрин Юрий Захарович, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия), почетный доктор РАН, профессор кафедры материаловедения Университета имени Монаша (Мельбурн, Австралия).

Явон Снежана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные технологии» Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти, Россия).

Ярыгин Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Информатика и вычислительная техника» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОЦЕНКА ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ

СОЕДИНЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ КУЗОВА АВТОМОБИЛЯ

А.Ю. Краснопевцев, И.А. Гуренков, К.А. Матосов, И.В. Краснопевцева.....9

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕОМЕТРИИ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЖУЩЕГО ИНСТРУМЕНТА С ХВОСТОВИКОМ *Capto*

Л.А. Резников, А.Т. Касимов, И.О. Бочкарёва.....16

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕЙТ-ОБРАЗОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

И.В. Гурова.....23

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ X (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.В. Дьякова.....28

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Мамедов.....32

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО

М.Ю. Михайлова.....41

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ: СУТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

В.А. Никонов.....46

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ НА ПРИМЕРЕ ПЯТИ ЯЗЫКОВ

Е.С. Ошанова.....52

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ОБЪЕКТНО НЕ ОРИЕНТИРОВАННЫХ АКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Л.В. Стахова.....56

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА

А.В. Худяков.....60

НАШИ АВТОРЫ.....66

CONTENT

TECHNICAL SCIENCES

ENGINEERING AND ECONOMIC EVALUATIONS OF VARIOUS METHODS OF JOINING CAR BODY PARTS

A.Yu. Krasnopevtsev, I.A. Gurenkov, K.A. Matosov, I.V. Krasnopevtseva.....9

THE STUDY OF GEOMETRY AND THE APPLICATION AREA OF CUTTING TOOL WITH *Capto* SHANK

L.A. Reznikov, A.T. Kasimov, I.O. Bochkareva.....16

HUMANITIES

SEMANTIC-GRAMMATICAL CHARACTERISTIC OF GATE-FORMATIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

I.V. Gurova.....23

CIVIL IDENTITY OF MODERN RUSSIAN GENERATION X (ON THE EXAMPLE OF ASTRAKHAN REGION)

V.V. Diakova.....28

EXTERNAL LABOUR MIGRATION AS A FACTOR OF HUMAN DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

A.A. Mamedov.....32

DENOTATIVE FIELD FEATURE OF SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE

M.Yu. Mikhailova.....41

SOCIAL SECURITY: ESSENCE AND SIGNIFICANCE

V.A. Nikonov.....46

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF MODAL PARTICLES ON THE EXAMPLE OF FIVE LANGUAGES

E.S. Oshanova.....52

SOME SEMANTIC CLASSES OF NON-OBJECT ORIENTED ACTION VERBS

L.V. Stakhova.....56

LINGUOCOGNITIVE FEATURES OF PRESIDENTIAL DISCOURSE

A.V. Khudyakov.....60

OUR AUTHORS.....66

**ТЕХНИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ОЦЕНКА ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ СОЕДИНЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ КУЗОВА АВТОМОБИЛЯ

© 2016

А.Ю. Краснопецев, кандидат технических наук, доцент,
заведующий секцией «Пайка» кафедры «Сварка, обработка материалов давлением и родственные процессы»

И.А. Гуренков, инженер, магистрант
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

К.А. Матосов, магистр, инженер
ОАО «АВТОВАЗ», Тольятти (Россия)

И.В. Краснопецева, доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры «Управление инновациями и маркетинг»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: кузов автомобиля; способы соединения узлов кузова; сварка и пайка; технико-экономические показатели.

Аннотация: Широко применяемые в зарубежном автомобилестроении и обладающие рядом технических преимуществ новые способы соединения узлов кузова на Волжском автозаводе не используются. Среди основных причин этого, как правило, называется применение дорогостоящих материалов и оборудования. В связи с этим в данной работе приводятся результаты укрупненных расчетов ряда удельных экономических показателей, которые позволяют сравнить традиционные и перспективные способы соединения между собой. Сравнивались удельные показатели трудоемкости, производительности, капитальных вложений, а также технологическая себестоимость получения одного метра соединения при использовании точечной контактной сварки, сварки в углекислом газе, газопламенной пайки, лазерной сварки, дуговой и лазерной пайки. Расчеты проводились отдельно для соединений малой и большой протяженности. Показано, что новые для отечественного автомобилестроения способы соединения экономически вполне конкурентоспособны по отношению к традиционно используемым способам. С учетом технических показателей сформулированы рекомендации по выбору способа соединения.

Наблюдающаяся тенденция замены газопламенной пайки может быть объяснена высокой трудоемкостью и технологической себестоимостью этого способа соединения. Однако замена газопламенной пайки на сварку в углекислом газе является неравноценной, прежде всего с точки зрения качества. Наиболее подходящим способом соединения деталей кузова для коротких участков, где требуется герметичность, хороший внешний вид и качество шва, является дуговая пайка.

Для получения соединений большой протяженности перспективным способом является лазерная пайка, обеспечивающая максимальную производительность и минимальную технологическую себестоимость из всех рассмотренных способов соединения, при этом удельные капитальные вложения сопоставимы с другими рассмотренными способами.

ВВЕДЕНИЕ

Автомобиль должен обеспечивать три основные группы показателей, связанные с удобством перемещения (скоростью, маневренностью), безопасностью и комфортом. Применительно к кузову автомобиля это означает выполнение многих, иногда противоречивых требований, например снижения массы и повышения жесткости конструкции. С другой стороны, автопроизводители руководствуются стремлением снизить себестоимость изготовления автомобиля и кузова в частности. Основными направлениями, позволяющими совершенствовать конструкцию кузова, являются применение новых материалов и применение новых технологий соединения деталей кузова [1; 2]. В современном автомобилестроении при изготовлении узлов кузова и их соединении между собой используются различные способы сварки и пайки. На Волжском автомобильном заводе это прежде всего точечная контактная сварка, а также дуговая сварка в CO_2 и газопламенная пайка, как правило, с газовым флюсом [3]. В зарубежном автомобилестроении все большее применение находят новые технологии, такие как дуговая пайка, лазерная сварка и пайка [4–11]. В связи с высокой концентрацией нагрева, а при пайке – и с более низкими температу-

рами, эти способы соединения позволяют обеспечить высокую производительность при малых деформациях и минимальном воздействии на поверхность соединяемых деталей. Данные способы находят применение и при соединении новых материалов в однородном и разнородном сочетаниях [12–15], и особенно – деталей из материалов с предварительно нанесенными покрытиями [16–21].

На Волжском автозаводе работы зарубежных автопроизводителей хорошо известны, неоднократно проводились и собственные исследования возможностей применения новых способов соединения [22–25], получен ряд положительных результатов, однако до их серийного применения дело не доходит. Причинами этого, кроме известных трудностей предприятия, обычно называются недостаточная точность заготовок (следует отметить, что в последние годы, в связи с переходом на математическое моделирование, точность существенно повысилась), а также большие затраты на оборудование и высокая стоимость применяемых материалов. Для сравнительной оценки традиционных и перспективных способов соединения были проведены расчеты ряда удельных экономических показателей.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнивались между собой шесть способов соединения деталей кузова: точечная контактная сварка, сварка в CO₂, газопламенная пайка, лазерная сварка, дуговая пайка, лазерная пайка. В качестве показателей для сравнения были выбраны удельная трудоемкость, максимальная годовая производительность одного комплекта оборудования, удельные капитальные затраты и удельная технологическая себестоимость. Удельные показатели определялись на 1 погонный метр соединения. При расчете затрат учитывали конструктивные особенности соединений: при точечной контактной сварке необходимо увеличение нахлестки для обеспечения расстояния от оси сварной точки до края листа не менее полутора диаметров точки во избежание краевого эффекта, при пайке и сварке плавлением этого не требуется. Все указанные способы соединения предусматривают местный нагрев, т. е. перемещение источника энергии относительно линии шва. Максимальная производительность при этом будет достигаться для длинномерных швов. При необходимости перехода от одного места соединения к другому производительность снижается. Поэтому расчеты проводили для двух случаев (условно для коротких и длинных швов): в первом случае считали, что соединение осуществляется без перерывов, а во втором, что после получения соединения на длине 100 мм происходит перемещение оборудования на следующий такой же участок. При проведении расчетов для каждого способа соединения принимали наиболее характерные для данной протяженности шва виды оборудования. Данные приведены в ценах 2014 года. Расчет проводился по методике [26].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Удельная трудоемкость, т. е. время, необходимое для получения 1 метра шва при использовании того или

иного способа, зависит от времени, затрачиваемого на нагрев зоны соединения до требуемой температуры, формирование соединения, а также перемещение рабочего инструмента (горелки, клещей и др.) вдоль шва и от одного участка соединения к другому. Наиболее трудоемким способом (рисунок 1) оказалась газопламенная пайка, так как в связи со сравнительно низкой концентрацией вводимого в изделие тепла нагрев зоны соединения происходит медленнее, чем при использовании других источников нагрева. Наименее трудоемкими за счет высокой концентрации нагрева оказались лазерная пайка и лазерная сварка. Трудоемкость дуговой пайки ниже трудоемкости сварки в углекислом газе за счет более низкой температуры нагрева и большей скорости перемещения горелки. Для длинных швов выявленные закономерности проявляются более резко.

Производительность – показатель, обратный трудоемкости, поэтому, сравнивая годовую производительность одного комплекта оборудования для указанных способов соединения (рисунок 2), видим, что наиболее высокая производительность обеспечивается при лазерной пайке, далее в порядке убывания производительности следуют лазерная сварка, точечная контактная сварка, дуговая пайка, сварка в углекислом газе и газопламенная пайка.

Внедрение лазерной сварки и пайки требует больших капитальных затрат (рисунок 3). Современное универсальное оборудование для механизированной дуговой сварки в защитных газах, в том числе и выпускаемое в нашей стране, позволяет осуществлять и дуговую пайку. Поэтому внедрение дуговой пайки коротких швов не требует больших капитальных вложений. Для обеспечения высокой производительности при дуговой пайке длинномерных швов требуется также оборудование для перемещения горелки, и затраты возрастают; впрочем, аналогичная ситуация имеет место при сварке

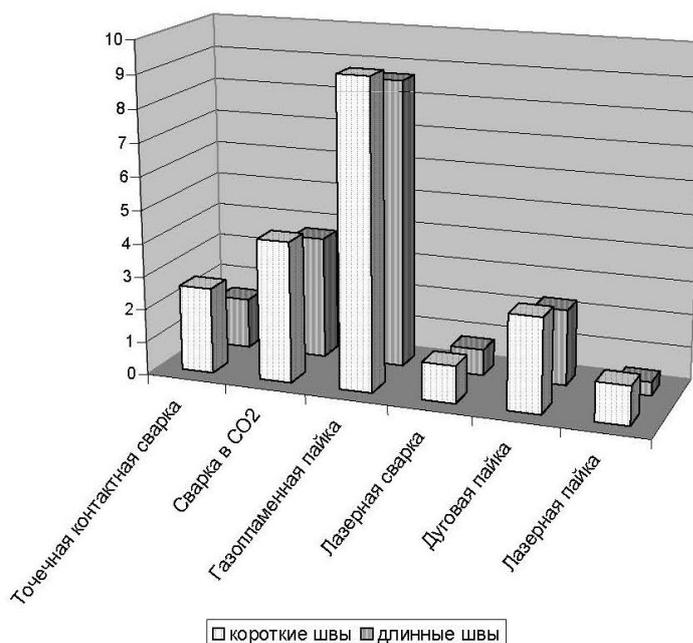

Рис. 1. Удельная трудоемкость получения соединения, мин./м

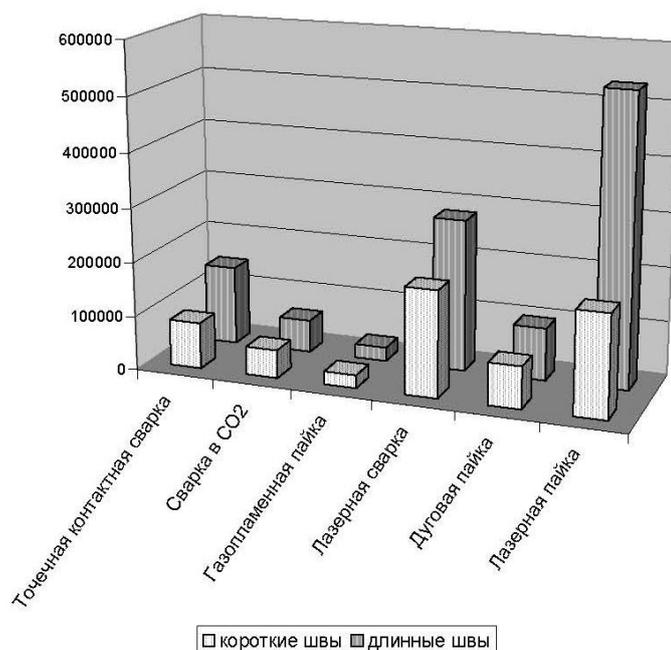

Рис. 2. Производительность одного комплекта оборудования, м/год

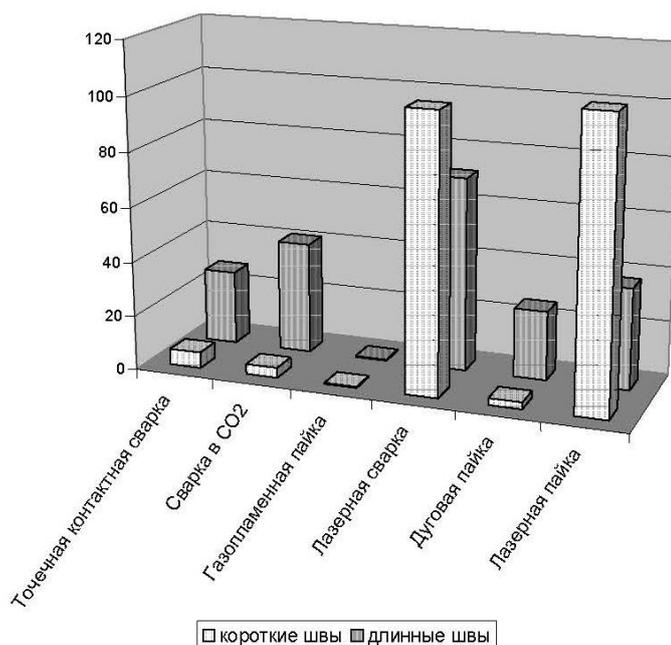

Рис. 3. Удельные капитальные затраты, руб./м

в углекислом газе и точечной контактной сварке. Минимальные затраты на оборудование – при газопламенной пайке.

Удельная технологическая себестоимость, т. е. стоимость одного метра шва, включает затраты на основной, технологические и вспомогательные материалы, технологическую энергию, воду для охлаждения, амортизацию, содержание и эксплуатацию оборудования, инструмента и приспособлений, занимаемую оборудованием площадь, заработную плату основных производственных рабочих с отчислениями на социальные нужды. В качестве условного изделия взято соединение

двух стальных полос толщиной 0,8 мм и шириной 125 мм (под контактную точечную сварку – 135 мм).

Большая доля затрат связана со стоимостью основного материала, поэтому различия между способами соединения по технологической себестоимости меньше, чем по другим рассмотренным показателям (рисунок 4). Тем не менее определенные выводы сделать можно. Так, выясняется, что, вопреки распространенному мнению, новые для российского автомобилестроения способы пайки в рассматриваемых случаях является вполне конкурентоспособными, а иногда и более экономически выгодными по отношению к традиционным

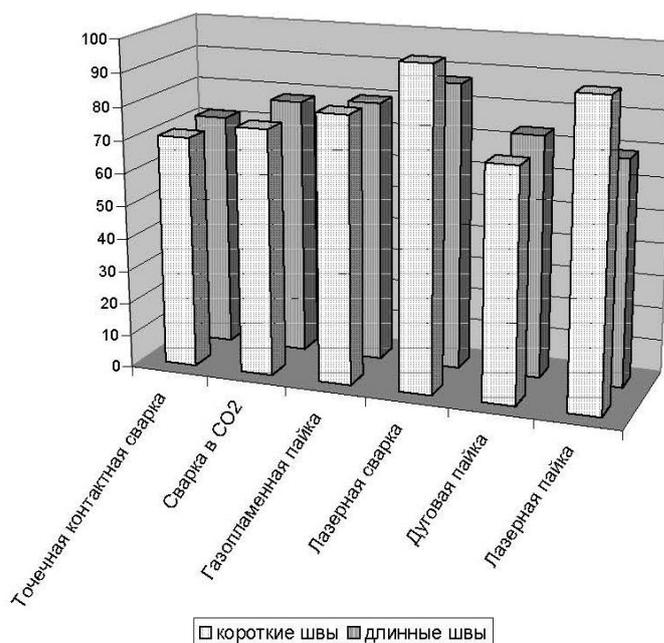

Рис. 4. Удельная технологическая себестоимость, руб./м

способам соединения. Для длинномерных швов минимальную технологическую себестоимость из всех рассмотренных способов обеспечивает лазерная пайка, а для коротких – контактная точечная сварка и дуговая пайка.

Пайка имеет и ряд технических преимуществ по сравнению со сваркой: меньшие остаточные напряжения и деформации, меньшие изменения свойств основного материала и покрытий, хороший внешний вид соединений (не требуется доработки перед окраской); по сравнению с точечной контактной сваркой – обеспечение герметичности.

При выборе оптимального способа соединения в каждом конкретном случае необходимо учитывать условия эксплуатации и требования к соединению. Пайка соединений кузова на Волжском автомобильном заводе обычно использовалась для участков, где требуется герметичность и защита от попадания влаги. В настоящее время, вероятно, в связи с высокой трудоемкостью и технологической себестоимостью газопламенной пайки, в ОАО «АВТОВАЗ» наблюдается тенденция замены этого способа соединения другими, в частности сваркой в углекислом газе. Такая замена является неравноценной прежде всего с точки зрения обеспечения качества, учитывая такие традиционные недостатки сварки в СО₂, как повышенное разбрызгивание и потери электродного металла, коробление, нарушение свойств покрытия [24]. Гораздо более логичным представляется переход на дуговую пайку. Можно возразить, что современные способы управления переносом металла через дуговой промежуток, в частности СМТ-технология (Cold Metal Transfer) [27], существенно уменьшают разбрызгивание, но ведь их можно применять и при дуговой пайке [28], сохраняя все ее преимущества, – такой вариант на заводе успешно опробован.

С появлением технологии и оборудования для лазерной пайки в автомобилестроении появилась реаль-

ная альтернатива точечной контактной сварке для получения длинномерных швов. Следует отметить, что для некоторых соединений, выполненных точечной контактной сваркой, предусматривается герметизация мастикой или установка дополнительных облицовочных элементов – эти затраты в расчетах не учитывались.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Обладающие рядом технических преимуществ новые для нашего автомобилестроения способы соединения деталей кузова являются экономически конкурентоспособными по отношению к традиционно используемым.

2. Наиболее подходящим способом соединения деталей кузова для коротких участков, где требуется герметичность, хороший внешний вид и качество шва, является дуговая пайка. При дуговой пайке затрачивается меньше времени, чем при газопламенной; производительность выше, чем у сварки в СО₂ и газопламенной пайки; удельная технологическая себестоимость на уровне контактной сварки и ниже, чем у всех других рассмотренных способов; для внедрения не требуются большие капитальные вложения.

3. Перспективным способом получения соединений большой протяженности является лазерная пайка. Производительность этого способа максимальная, а технологическая себестоимость для длинномерных швов минимальная из всех рассмотренных способов соединения; удельные капитальные вложения ниже, чем при лазерной сварке, и сопоставимы с другими рассмотренными способами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Победин А.В., Поляничков Ю.Н., Косов О.Д., Тескер Е.И. Технология автомобиле- и тракторостроения. М.: Академия, 2009. 352 с.
2. Кудрявцев С.М., Пачурин Г.В., Соловьев Д.В., Власов В.А. Основы проектирования, производства

- и материалы кузова современного автомобиля. Н. Новгород: НГТУ, 2010. 236 с.
3. Четверов О.Г. Состояние пайки на Волжском автозаводе // Пайка–2005: сб. трудов Междунар. науч.-техн. конф. Тольятти: ТГУ, 2005. С. 146–147.
 4. Opperbecke T., Fortain J.M., Ollig A. Neue Lösungen zum Fügen von verzinkten Feiblechen im Automobilbau durch Lichtbogenlöten und –schweißen // DVS-Ber. 2003. № 225. S. 353–360.
 5. Damschen K. MIG-Löten am OPEL Vectra C // Verkehrsunfall und Fahrzeugtechn. 2003. № 9. S. 207–210.
 6. Autohaus ersetzt erfolgreich MAG-Schweißen durch MIG-Löten // Schweiss & Prüftechnik. 2005. № 7. S. 105.
 7. Dilthey U. Latest developments and applications of GMA brazing // BID ISIM. 2005. № 3. P. 2–12.
 8. Mucha M., Dubský R. MIG spajkovanie pozinkovaných plechov v automobilovom priemysle // ZVARANIE – SVAROVANI. 2003. № 9-10. P. 200–204.
 9. Schubert H., Hauser S. Laserstrahlhartlöten mit Festkörperlaser – Status und Ausblick // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 205–206.
 10. Hoffmann P., Kugler P., Schwab J. Prozess- und Systemtechnik für das Laserstrahlhartlöten // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 207–210.
 11. Wilden J. Löten als Schlüssel zum ressourcen- und energieeffizienten Fügen im Produktlebenszyklus // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 9 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2010. S. 159–163.
 12. Wesling V., Schram A., Kessler M. Auswirkungen von Prozessbedingungen beim Lichtbogenlöten auf die Schwingfestigkeit hochfester Stahlfeibleche // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 9 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2010. S. 164–168.
 13. Bruckner J., Himmelbauer K., Hackl H. Der CMT-Prozess und seine Möglichkeiten, im speziellen das Fügen von Stahl mit Aluminium Leichtbauwerkstoffen // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 201–204.
 14. Haferkamp H., Engelbrecht L., Ostendorf A., Bunte J., Cordini P. Laserstrahlhärten von Tailored-Hybrid-Blanks aus nicht artgleichen Leichtbauwerkstoffen // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 211–216.
 15. Saida K., Song W., Nishimoto K. Laser brazing of aluminum alloy to steels with aluminum filler metals // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 232–237.
 16. Wilden J., Bergmann J.P. Niedrigtemperatur-Laserstrahlhärten von verzinkten Stählen // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 217–222.
 17. Kreimeyer M., Wagner F., Vollertsen F. Einfluß von Zinkbeschichtungen beim Laserstrahlhärten von Aluminium-Stahl-Überlappverbindungen // Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums. Aachen, 2004. S. 223–227.
 18. Sejc P. Optimalizácia vybraných parametrov oblúkového MIG/MAG spájkovania pozinkovaných plechov // ZVARANIE – SVAROVANI. 2004. № 3. P. 57–63.
 19. Bilić D., Jardas V., Lazarić N. Tvrdo lemljenje pocinčanih cijevi bez oštećenja sloja cinka (Strukovni članak) // ZAVARIVANJE. 2003. № 5-6. P. 163–166.
 20. Chejchman Z., Klimek L. Złącza blach ocynkowanych lutospawane metodą MIG // PRZEGLAD SPAWALNICTWA. 2004. № 12. P. 13–14.
 21. Rozanski M., Gawrysiuk W. Lutospawanie MIG/MAG blach ocynkowanych i przykłady trudno spawalnych układów materiałowych // PRZEGLAD SPAWALNICTWA. 2007. № 9. P. 7–12.
 22. Гугунов А.А., Рузаев Д.Г. Поиск способов соединения горловины и трубок с корпусом автомобильного топливного бака из горячешламинированной стали // Пайка–2005: сб. трудов Междунар. науч.-техн. конф. Тольятти: ТГУ, 2005. С. 20–27.
 23. Поливанов Ю.В., Рузаев Д.Г., Краснопецев А.Ю. Возможности применения аргонодуговой пайки при изготовлении кузова автомобиля в ОАО «АВТОВАЗ» // Пайка–2005: сб. трудов Междунар. науч.-техн. конф. Тольятти: ТГУ, 2005. С. 120–122.
 24. Черников Е.М., Четверов О.Г., Гребенников А.В. MIG-пайка на ОАО «АВТОВАЗ» // Пайка–2008: сб. материалов Междунар. науч.-техн. конф. Тольятти: ТГУ, 2008. С. 175–181.
 25. Черников Е.М., Краснопецев А.Ю. Оценка применимости технологии аргонодуговой пайки при производстве кузова автомобилей марки “LADA” // Пайка–2013: сб. материалов междунар. науч.-техн. конф. Тольятти: ТГУ, 2013. С. 278–287.
 26. Краснопецева И.В. Экономическая часть дипломного проекта. Тольятти: ТГУ, 2008. 40 с.
 27. Холодный перенос металла. Сварочная система для наиболее ответственных областей применения. URL: tctena.ru/stati/cmt.
 28. Хорунов В.Ф., Машковский Д.П., Зволинский И.В. Дуговая пайка припоями на основе цинка // Пайка–2013: сб. материалов междунар. науч.-техн. конф. Тольятти: ТГУ, 2013. С. 271–275.

REFERENCES

1. Pobedin A.V., Polyanchikov Yu.N., Kosov O.D., Tesker E.I. *Tekhnologiya avtomobile- i traktorostroeniya* [The technology of motor and tractor industry]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 352 p.
2. Kudryavtsev S.M., Pachurin G.V., Solovyev D.V., Vlasov V.A. *Osnovy proektirovaniya, proizvodstva i materialy kuzova sovremennogo avtomobilya* [The basics of designing, manufacturing and the materials of a modern car body]. N. Novgorod, NGTU Publ., 2010. 236 p.
3. Chetverov O.G. The quality of soldering at the Volzhsky automobile plant. *Sbornik trudov*

- mezhdunar. nauch.-tekhn. konferentsii "Payka-2005".* Togliatti, TGU Publ., 2005, pp. 146–147.
4. Opperbecke T., Fortain J.M., Ollig A. Neue Lösungen zum Fügen von verzinkten Feinblechen im Automobilbau durch Lichtbogenlöten und –schweißen. *DVS-Ber.*, 2003, no. 225, ss. 353–360.
 5. Damschen K. MIG-Löten am OPEL Vectra C. *Verkehrsunfall und Fahrzeugtechn.*, 2003, no. 9, ss. 207–210.
 6. Autohaus ersetzt erfolgreich MAG-Schweißen durch MIG-Löten. *Schweiss & Prüftechnik*, 2005, no. 7, ss. 105.
 7. Dilthey U. Latest developments and applications of GMA brazing. *BID ISIM*, 2005, no. 3, pp. 2–12.
 8. Mucha M., Dubský R. MIG spajkovanie pozinkovaných plechov v automobilovom priemysle. *ZVARANIE – SVAROVANI*, 2003, no. 9-10, pp. 200–204.
 9. Schubert H., Hauser S. Laserstrahlhartlöten mit Festkörperlaser – Status und Ausblick. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 205–206.
 10. Hoffmann P., Kugler P., Schwab J. Prozess- und Systemtechnik für das Laserstrahlhartlöten. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 207–210.
 11. Wilden J. Löten als Schlüssel zum ressourcen- und energieeffizienten Fügen im Produktlebenszyklus. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 9 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2010, ss. 159–163.
 12. Wesling V., Schram A., Kessler M. Auswirkungen von Prozessbedingungen beim Lichtbogenlöten auf die Schwingfestigkeit hochfester Stahlfeinbleche. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 9 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2010, ss. 164–168.
 13. Bruckner J., Himmelbauer K., Hackl H. Der CMT-Prozess und seine Möglichkeiten, im speziellen das Fügen von Stahl mit Aluminium Leichtbauwerkstoffen. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 201–204.
 14. Haferkamp H., Engelbrecht L., Ostendorf A., Bunte J., Cordini P. Laserstrahllöten von Tailored-Hybrid-Blanks aus nicht artgleichen Leichtbauwerkstoffen. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 211–216.
 15. Saida K., Song W., Nishimoto K. Laser brazing of aluminum alloy to steels with aluminum filler metals. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 232–237.
 16. Wilden J., Bergmann J.P. Niedrigtemperatur-Laserstrahllöten von verzinkten Stählen. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 217–222.
 17. Kreimeyer M., Wagner F., Vollertsen F. Einfluß von Zinkbeschichtungen beim Laserstrahlfügen von Aluminium-Stahl- Überlappverbindungen. *Hart- und Hochtemperaturlöten und Diffusionsschweißen: Vorträge und Posterbeiträge des 7 Internationalen Kolloquiums.* Aachen, 2004, ss. 223–227.
 18. Sejc P. Optimalizácia vybraných parametrov oblúkového MIG/MAG spajkovania pozinkovaných plechov. *ZVARANIE – SVAROVANI*, 2004, no. 3, pp. 57–63.
 19. Bilić D., Jardas V., Lazarić N. Tvrdo lemljenje pocinčanih cijevi bez oštećenja sloja cinka (Strukovni članak). *ZAVARIVANJE*, 2003, no. 5-6, pp. 163–166.
 20. Chejchman Z., Klimek L. Złącza blach ocynkowanych lutospawane metodą MIG. *PRZEGLAD SPAWALNICTWA*, 2004, no. 12, pp. 13–14.
 21. Rozanski M., Gawrysiuk W. Lutospawanie MIG/MAG blach ocynkowanych i przykłady trudno spawalnych układów materiałowych. *PRZEGLAD SPAWALNICTWA*, 2007, no. 9, pp. 7–12.
 22. Gugunov A.A., Ruzaev D.G. The search of methods of joining the neck and the tubes with the body of vehicle fuel tank made of hot aluminized steel. *Sbornik trudov mezhdunar. nauch.-tekhn. konferentsii "Payka-2005".* Togliatti, TGU Publ., 2005, pp. 20–27.
 23. Polivanov Yu.V., Ruzaev D.G., Krasnopevtsev A.Yu. The applicability of argon-arc soldering when producing a vehicle body at the PJSC "AVTOVAZ". *Sbornik trudov mezhdunar. nauch.-tekhn. konferentsii "Payka-2005".* Togliatti, TGU Publ., 2005, pp. 120–122.
 24. Chernikov E.M., Chetverov O.G., Grebennikov A.V. MIG-soldering at the PJSC "AVTOVAZ". *Sbornik materialov mezhdunar. nauch.-tekhn. konferentsii "Payka-2008".* Togliatti, TGU Publ., 2008, pp. 175–181.
 25. Chernikov E.M., Krasnopevtsev A.Yu. The assessment of applicability of argon-arc soldering technology when manufacturing the body of a "LADA" car. *Sbornik materialov mezhdunar. nauch.-tekhn. konferentsii "Payka-2013".* Togliatti, TGU Publ., 2013, pp. 278–287.
 26. Krasnopevtseva I.V. *Ekonomicheskaya chast' diplomnogo proekta* [The economic part of a diploma project]. Togliatti, TGU Publ., 2008. 40 p.
 27. Cold metal transfer. Welding system for critical application areas. URL: tctena.ru/stati/cmt.
 28. Khorunov V.F., Mashkovsky D.P., Zvolinsky I.V. Zinc brazing alloys arc soldering. *Sbornik materialov mezhdunar. nauch.-tekhn. konferentsii "Payka-2013".* Togliatti, TGU Publ., 2013, pp. 271–275.

**ENGINEERING AND ECONOMIC EVALUATIONS OF VARIOUS METHODS
OF JOINING CAR BODY PARTS**

© 2016

A.Yu. Krasnopevtsev, PhD (Engineering), Associate Professor,
Head of section “Soldering” of Chair “Welding, pressure materials processing and related processes”

I.A. Gurenkov, engineer, graduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

K.A. Matosov, master, engineer
Public Joint-Stock Company “AVTOVAZ”, Togliatti (Russia)

I.V. Krasnopevtseva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor,
professor of Chair “Innovation management and marketing”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: car body; methods of joining the body units; welding and brazing; technical and economic performance.

Abstract: New methods of joining the body units widely used in foreign automotive industry and having a number of technical advantages are not used at the Volzhsky automobile plant. Among the major reasons, usually, the application of expensive materials and equipment are named. In this regard, this paper presents the results of the aggregated estimation of a number of specific economic indicators that allow comparing the traditional and the advanced methods of joining. The authors compared the indices of labor intensity, efficiency, and capital investments per unit, as well as the production cost of one meter of joining when applying spot welding, carbon dioxide welding, flame brazing, laser welding, arc and laser brazing. The calculations were carried out separately for short and elongated joints. It is shown, that the methods of joining new for the domestic automotive industry are quite competitive economically in relation to the traditionally used methods. Taking into account technical indicators, the authors formulated the recommendations on the selection of a method of joining.

The current tendency to replace flame brazing can be explained by the high labor intensity and production cost of this method of joining. However, the replacement of flame brazing with welding in carbon dioxide is unequal, principally in terms of quality. Arc brazing is the most suitable method of body parts joining for short sections where the leak tightness, good appearance and the quality of the weld are required.

To get the elongated joinings, laser brazing is the advanced method ensuring the maximum performance and minimum production cost in comparison with all the methods of joining considered, and the specific capital investments are comparable to other methods considered.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕОМЕТРИИ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЖУЩЕГО ИНСТРУМЕНТА С ХВОСТОВИКОМ *Capto*

© 2016

Л.А. Резников, кандидат технических наук,

доцент кафедры «Оборудование и технологии машиностроительного производства»

А.Т. Касимов, студент кафедры «Оборудование и технологии машиностроительного производства»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

И.О. Бочкарёва, ведущий инженер разработки ходовой части автомобиля

NISSAN Manufacturing Russia, Санкт-Петербург (Россия)

Ключевые слова: конус Морзе; соединение *Capto*; сверло; прочность.

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос целесообразного применения инструмента с хвостовиком *Capto*, а также условия возникновения зазора в соединении «инструмент – инструментальный шпиндель» и зависимость этого зазора от погрешности изготовления отверстия в шпинделе станка.

Были проведены расчеты момента трения и крутящего момента при сверлении отверстий инструментом со стандартным хвостовиком Морзе и хвостовиком *Capto*. На основе этих расчетов было получено первое техническое ограничение – зависимость предельного значения подачи, обеспечивающего отсутствие проворачивания сверла в шпинделе станка, от диаметра инструмента. С учетом максимальных касательных напряжений в сверле было получено второе техническое ограничение – зависимость предельного значения подачи от диаметра сверла, основанная на требуемой прочности инструмента. Указанные технические ограничения были положены в основу определения областей целесообразного использования стандартных хвостовиков (в частности, конусов Морзе) и хвостовиков *Capto*.

С помощью аппарата аналитической геометрии была проанализирована геометрия соединения *Capto* и выявлены области появления максимального зазора в соединении. В первом приближении поперечное сечение соединения было представлено в виде треугольников со скругленными вершинами, а суммарная погрешность изготовления соединения была отнесена к углу при вершине отверстия в шпинделе. Это позволило математически обосновать область появления максимального зазора и получить зависимость максимального зазора от погрешности изготовления отверстия в шпинделе станка.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наиболее распространенным является закрепление осевого режущего инструмента в шпинделе станка и придание ему крутящего момента с помощью гладких конических хвостовиков, как правило, выполненных в виде конусов Морзе. Основным недостатком гладкого конического соединения является весьма высокая вероятность проворачивания инструмента в шпинделе под действием сил резания.

Компанией *Sandvik* для повышения надежности закрепления осевого инструмента и эффективной передачи на него крутящего момента было предложено использовать хвостовики в виде так называемого конуса *Capto* [1].

Способ соединения хвостовика со шпинделем при применении конуса *Capto* основан на том, что две контактные поверхности – конус треугольного профиля (рис. 1), обеспечивающий самоцентрирование соединения, и фланец, ограничивающий осевое перемещение, – используются одновременно. Для повышения стабильности соединения используется посадка с натягом [2; 3]. Это позволяет отказаться от съемных элементов (штифтов, шпонок и т. п.) и снизить вероятность радиального и осевого смещения инструмента [4–6]. Эта вероятность, однако, возрастает при нарушении геометрии соединения вследствие погрешностей изготовления инструмента [7–10].

Сложная конфигурация соединения существенно удорожает инструмент с хвостовиком *Capto* по сравнению с инструментом, оснащенным стандартным хвостовиком Морзе.

В данной работе рассмотрены два вопроса: 1) как максимальный зазор в соединении *Capto* зависит от угловой погрешности изготовления отверстия в шпинделе станка и 2) каковы условия рационального применения инструментов с хвостовиком *Capto*.

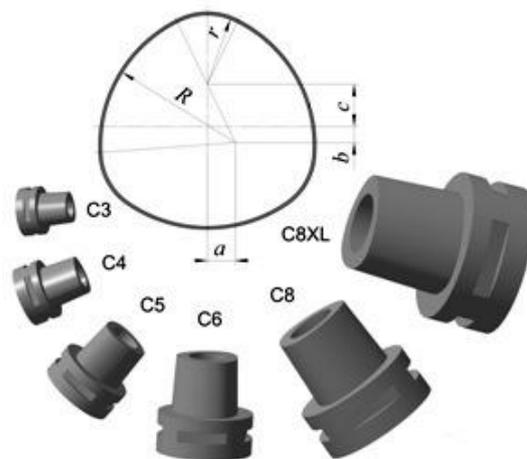

Рис. 1. Конструкция и размеры конусов *Capto* [1]

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования проводились аналитическим путем.

При точностных расчетах использовались положения аналитической геометрии на плоскости.

При определении областей рационального применения стандартных конусов Морзе и конусов *Capto* использовались силовые соотношения из теории резания материалов и эмпирические зависимости силовых факторов от элементов режима резания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При исследовании зазора в соединении *Capto* была принята следующая схематизация соединения:

1. В первом приближении поперечное сечение соединения было представлено в виде треугольников со скругленными вершинами.

2. Суммарная погрешность изготовления соединения была отнесена к углу $2\delta > 60^\circ$ при вершине отверстия в шпинделе, а профиль хвостовика инструмента считали равнобедренным треугольником (рис. 2).

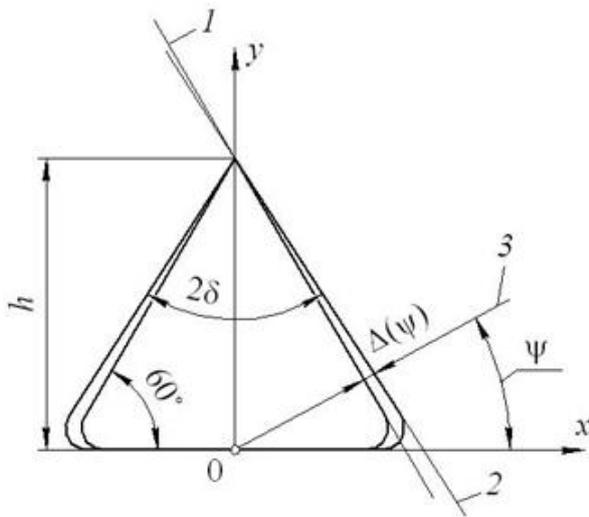

Рис. 2. К расчету максимального зазора в соединении

При такой схематизации уравнение боковой поверхности профиля хвостовика в системе координат xOy (рис. 2, прямая 1) имеет вид

$$y = -x\sqrt{3} + h, \quad (1)$$

а уравнение боковой поверхности профиля отверстия в шпинделе (рис. 2, прямая 2) имеет вид

$$y = -x \operatorname{ctg} \delta + h, \quad (2)$$

где h – теоретическая высота профиля.

Для нахождения текущего зазора в соединении проведем из начала координат луч 3 (см. рис. 2), который составляет с осью x некоторый угол $\psi \in [0; 90]$ и описывается зависимостью

$$y = x \operatorname{tg} \psi. \quad (3)$$

Расстояние между точками пересечения луча 3 с прямыми 1 и 2 будет являться текущим зазором $\Delta(\psi)$. Решая совместно (1), (2) и (3), получаем

$$\Delta(\psi) = \frac{h(\sqrt{3} - \operatorname{ctg} \delta) \sqrt{\operatorname{tg}^2 \psi + 1}}{(\operatorname{tg} \psi + \operatorname{ctg} \delta)(\operatorname{tg} \psi + \sqrt{3})}. \quad (4)$$

Максимальный зазор в соединении отвечает условию $d\Delta/d\psi = 0$. Взяв производную от (4), приравняв ее к нулю и отбросив посторонние корни, не отвечающие условию $\psi \in [0; 90]$, получаем, что при принятой схематизации соединения максимальный зазор в нем возникает при текущем угле

$$\psi_o = \operatorname{arctg} \sqrt{\sqrt{3} - 1}. \quad (5)$$

Подстановка (5) в (4) позволяет получить зависимость максимального зазора от суммарной погрешности изготовления угла 2δ :

$$\Delta_{\max}(\delta) = \frac{h^4 \sqrt{3}}{\sqrt{\sqrt{3} - 1} + \sqrt{3}} \cdot \frac{\sqrt{3} - \operatorname{ctg} \delta}{\sqrt{\sqrt{3} - 1} + \operatorname{ctg} \delta}. \quad (6)$$

Расчет по формуле (6) показывает, что при суммарной погрешности изготовления угла 2δ в пределах $1^\circ (\pm 30')$ наибольший относительный зазор в соединении *Capto* составляет $\Delta_{\max}/h = 0,0135$.

К вопросу об области целесообразного применения хвостовиков *Capto* при работе осевого инструмента подойдем, основываясь на известном из теории резания положении, что проворачивание инструмента, оснащенного стандартными «гладкими» конусами в шпинделе станка происходит, если

$$M \geq M_{mp}, \quad (7)$$

то есть крутящий момент на инструменте в процессе резания превышает момент трения хвостовика инструмента в шпинделе станка [11; 12].

Неравенство (7) фактически представляет собой условие целесообразного применения конусов *Capto*. Конкретизируем величины, входящие в (7).

Момент трения (Н·м) на стандартном конусе со средним диаметром \bar{d} и конусностью ρ описывается соотношением

$$M_{mp} = 10^{-3} \xi (1 - 0,04\Delta) P_o \frac{\bar{d}}{\rho}, \quad (8)$$

где ξ – коэффициент трения скольжения (для трения стали по стали можно принять $\xi = 0,15$);

Δ – угловая погрешность изготовления конуса (для конусов Морзе среднее значение $\Delta = 20'$);

P_o – осевая сила, действующая на инструмент.

В [13–15] приведено выражение для осевой силы (в ньютонах) в виде

$$P_o = 10 C_p D^{q_p} s^{y_p} K_p, \quad (9)$$

где D – диаметр инструмента, мм; s – подача, мм/об. При сверлении значения коэффициентов и показателей

степени в выражении (9) составляют: $C_p=68$; $q_p=1$; $y_p=0,7$; $K_p=1$.

С учетом (9) и приведенных выше значений ξ , Δ , C_p , q_p , y_p и K_p выражение (8) принимает вид

$$M_{mp} = 0,02 D s^{0,7} \frac{\bar{d}}{\rho}. \quad (10)$$

Крутящий момент (Н·м) при сверлении

$$M = 10 C_M D^{q_M} s^{y_M} K_p, \quad (11)$$

где $C_M=0,0345$;

$q_M=2$; $y_M=0,8$;

$K_p=1$ [13–15].

Подставляя (10) и (11) в (7), имеем

$$s^{0,1} \geq \frac{0,058}{D} \frac{\bar{d}}{\rho}. \quad (12)$$

Из выражения (12) может быть найдено минимальное значение подачи на один оборот сверла диаметром D , при котором имеет смысл оснащать инструмент и шпиндель станка конусами *Capto*. (Напомним, что это же значение подачи будет максимально допустимым при работе инструментом с «гладким» коническим хвостовиком.) Зависимость $s(D)$ для конуса Морзе 4 ($\bar{d}/\rho = 547$) показана на рис. 3. Ниже кривой $s(D)$ – зона целесообразного использования конуса Морзе 4, а выше – зона целесообразного использования конуса *Capto*.

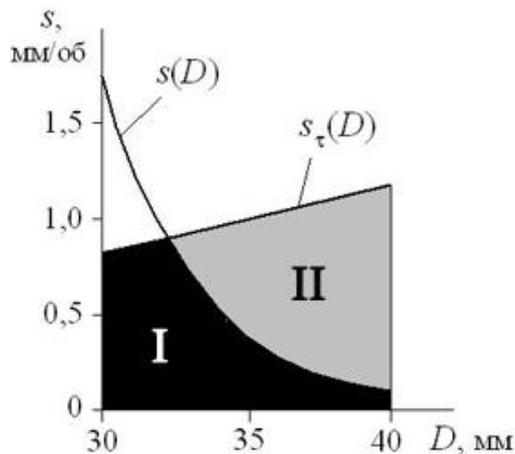

Рис. 3. Зоны целесообразного использования хвостовиков в виде конусов Морзе 4 (I) и *Capto* (II)

Однако применение конуса *Capto* не означает, что сверло с таким хвостовиком может работать с любой подачей свыше минимальной, рассчитанной по формуле (12). При больших подачах и, как следствие, больших крутящих моментах ограничение на значение подачи накладывает прочность инструмента [16; 17].

Сверла рассчитывают на кручение [18–20]. Из курса сопротивления материалов известно, что в круглом

стержне диаметром D (мм), на который действует крутящий момент M (Н·м), возникают наибольшие касательные напряжения (МПа):

$$\tau_{\max} = \frac{16 \cdot 10^3 M}{\pi D^3}. \quad (13)$$

Из-за стружечных канавок сечение сверла меньше сечения сплошного круглого стержня, поэтому, как показывает анализ, наибольшие касательные напряжения в сверле $\tau_{\max}^{ce} \approx 5 \tau_{\max}$.

Записывая ограничение по прочности сверла в виде $\tau_{\max}^{ce} \leq [\tau]$, где $[\tau] \approx 250$ МПа – допускаемое напряжение кручения, с учетом (11) и (13) получаем

$$s_{\tau} \leq 0,0117 D^{1,25}. \quad (14)$$

Неравенство (14), определяющее область подач, допускаемых прочностью сверла, на рис. 3 описывается зоной ниже кривой $s_{\tau}(D)$.

Таким образом, на рис. 3 (и аналогичных ему, построенных для других разновидностей «гладких» инструментальных конусов) можно отметить зону целесообразного использования стандартных конусов (выделена черным цветом и обозначена римской цифрой I) и зону целесообразного использования конусов *Capto* (выделена серым цветом и обозначена цифрой II).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИСЛЕДОВАНИЙ

В работе предложена методика оценки зазоров в соединении *Capto* и пути определения диапазона подач осевого инструмента (в частности, сверл), при котором это соединение целесообразно использовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McClarence E. Be a time bandit: make tool changing quicker // *Metalworking world*. 2007. Vol. 3. P. 6–7.
2. Livia D., Paul D. A generalized approach of the holder systems for cutting tools // *Academic Journal of Manufacturing Engineering*. 2011. Vol. 9. № 2. P. 12–17.
3. Xiang-yun S., Hong J., Hong-da Z., Shu-lin W. Determination of *Capto* C5 shank's key dimensions // *Materials Science Forum*. 2014. Vol. 800–801. P. 417–423.
4. Прогрессивные режущие инструменты и режимы резания металлов / под. ред. В.И. Баранчикова. М.: Машиностроение, 1990. 400 с.
5. *Mechanical Engineering* / ed. M. Gokcek. Rijeka: InTech, 2012. 682 p.
6. Технология машиностроения. В 2 кн. Кн. 1. Основы технологии машиностроения / под ред. С.Л. Мурашкина. М.: Высшая школа, 2005. 278 с.
7. Ермолаев В.В. Технологическая оснастка. Лабораторно-практические работы и курсовое проектирование. М.: Академия, 2012. 320 с.
8. Маслов А.Р. Инструментальные системы машиностроительных производств. М.: Машиностроение, 2006. 335 с.
9. Григорьев С.Н., Кохомский М.В., Маслов А.Р. Инструментальная оснастка станков с ЧПУ. М.: Машиностроение, 2006. 544 с.

10. Левашкин Д.Г. Размерный анализ процесса обработки базирующих отверстий автоматически сменных узлов призматической формы // Теплофизические и технологические аспекты управления качеством в машиностроении: труды II Международной научно-технической конференции (Резниковские чтения). Тольятти: ТГУ, 2008. Т. 1. С. 212–219.
11. Резников Л.А. Проектирование сложнопрофильного режущего инструмента. Тольятти: ТГУ, 2016. 208 с.
12. Развитие науки о резании металлов / под ред. Н.Н. Зорева. М.: Машиностроение, 1967. 415 с.
13. Справочник технолога-машиностроителя. В 2-х тт. Т. 2 / под ред. А.Г. Косиловой, Р.К. Мещерякова. М.: Машиностроение, 1985. 496 с.
14. Справочник технолога-машиностроителя. В 2-х тт. / под ред. А.М. Дальского. М.: Машиностроение, 2003. Т. 1. 912 с. Т. 2. 944 с.
15. Режимы резания металлов / под ред. А.Д. Корчемкина. М.: НИИТавтопром, 1995. 456 с.
16. Бочкарёва И.О., Резников Л.А. Целесообразность применения режущего инструмента, оснащенного конусом *Capto* // Теплофизические и технологические аспекты повышения эффективности машиностроительного производства: труды III Международной научно-технической конференции (Резниковские чтения). Тольятти: ТГУ, 2011. С. 213–225.
17. Johnson G.R., Cook W.H. A constitutive model and data for metals subjected to large strains, high strain rates and high temperatures // Proceedings of the 7th International Symposium on Ballistic. Hague: Netherlands, 1983. P. 541–547.
18. Романенко А.М. Режущий инструмент. Кемерово: КузГТУ им. Т.Ф. Горбачева, 2012. 103 с.
19. Сахаров Г.Н., Арбузов О.Б., Боровой Ю.Л. Металлорежущие инструменты. М.: Машиностроение, 1989. 328 с.
20. Старков В.К. Физика и оптимизация резания материалов. М.: Машиностроение, 2009. 640 с.
7. Ermolaev V.V. *Tekhnologicheskaya osnastka. Laboratorno-prakticheskie raboty i kursovoe proektirovanie* [Technological equipment. Laboratory and practical works and course projecting]. Moscow, Akademiya Publ., 2012. 320 p.
8. Maslov A.R. *Instrumentalnye sistemy mashinostroitelnykh proizvodstv* [Tooling systems of mechanical engineering productions]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 2006. 335 p.
9. Grigorev S.N., Kokhomskiy M.V., Maslov A.R. *Instrumentalnaya osnastka stankov s ChPU* [Tool equipment of CNC machines]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 2006. 544 p.
10. Levashkin D.G. The dimensional analysis of processing of the basing apertures of automatically replaceable knots of a prismatic form. *Teplofizicheskie i tekhnologicheskie aspekty upravleniya kachestvom v mashinostroenii: trudy II Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii (Reznikovskie chteniya)*. Togliatti, TGU Publ., 2008. Vol. 1, pp. 212–219.
11. Reznikov L.A. *Proektirovanie slozhnoprofilnogo rezhushchego instrumenta* [Designing of geometrically-complex cutting tool]. Togliatti, TGU Publ., 2016. 208 p.
12. Zorev N.N., ed. *Razvitie nauki o rezanii metallov* [The development of the science of cutting metals]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1967. 415 p.
13. Kosilova A.G., Meshcheryakova R.K. *Spravochnik tekhnologa-mashinostroitelya* [Handbook of technologist-mechanician]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1985. Vol. 2, 496 p.
14. Dal'skiy A.M., ed. *Spravochnik tekhnologa-mashinostroitelya* [Handbook of technologist-mechanician]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 2003. Vol. 1, 912 p. Vol. 2, 944 p.
15. Korchemkin A.D., ed. *Rezhimy rezaniya metallov* [Metal cutting modes: handbook]. Moscow, NIITavtoprom Publ., 1995. 456 p.
16. Bochkareva I.O., Reznikov L.A. Reasonability of application of cutting tool equipped with *Capto* cone. *Teplofizicheskie i tekhnologicheskie aspekty povysheniya effektivnosti mashinostroitel'nogo proizvodstva: trudy III Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii (Reznikovskie chteniya)*. Togliatti, TGU Publ., 2011, pp. 213–225.
17. Johnson G.R., Cook W.H. A constitutive model and data for metals subjected to large strains, high strain rates and high temperatures. *Proceedings of the 7th International Symposium on Ballistic*. Hague, Netherlands Publ., 1983, pp. 541–547.
18. Romanenko A.M. *Rezhushchiy instrument* [Cutting tool]. Kemerovo, KuzGTU im. T.F. Gorbacheva Publ., 2012. 103 p.
19. Sakharov G.N., Arbutov O.B., Borovoy Yu.L. *Metallorazhushchie instrumenty* [Metal cutting tools]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1989. 328 p.
20. Starkov V.K. *Fizika i optimizatsiya rezaniya materialov* [Physics and optimization of cutting materials]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 2009. 640 p.

REFERENCES

1. McClarence E. Be a time bandit: make tool changing quicker. *Metalworking world*, 2007, vol. 3, pp. 6–7.
2. Livia D., Paul D. A generalized approach of the holder systems for cutting tools. *Academic Journal of Manufacturing Engineering*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 12–17.
3. Xiang-yun S., Hong J., Hong-da Z., Shu-lin W. Determination of *Capto* C5 shank's key dimensions. *Materials Science Forum*, 2014, vol. 800–801, pp. 417–423.
4. Baranchikov V.I., ed. *Progressivnye rezhushchie instrumenty i rezhimy rezaniya metallov* [Advanced cutting tools and cutting metals: handbook]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1990. 400 p.
5. Gokcek M., ed. *Mechanical Engineering*. Rijeka, InTech Publ., 2012. 682 p.
6. Murashkina S.L., ed. *Tekhnologiya mashinostroeniya. Osnovy tekhnologii mashinostroeniya* [Manufacturing technology. Fundamentals of manufacturing technology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. Kn. 1. 278 p.

THE STUDY OF GEOMETRY AND THE APPLICATION AREA
OF CUTTING TOOL WITH *Capto* SHANK

© 2016

L.A. Reznikov, PhD (Engineering),
assistant professor of Chair “Equipment and Technology of Engineering Production”
A.T. Kasimov, student of Chair “Equipment and Technology of Engineering Production”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
I.O. Bochkareva, Chassis Senior Engineer
Nissan Manufacturing Russia, Saint Petersburg (Russia)

Keywords: Morse cone; *Capto* joint; drilling tool; strength.

Abstract: The paper covers the issue of rational application of a tool with *Capto* shank, as well as the conditions for clearance occurrence in the “tool – tool spindle” joint and the dependence of this clearance on the error of manufacturing a hole in the machine spindle.

The authors carried out the calculations of friction and torsion moment when drilling holes using the tool with standard Morse taper shank and *Capto* shank. Based on these calculations, the first technical limitation was obtained – the dependence of feed threshold ensuring the absence of drill turning in machine spindle on the tool diameter. Taking into account the maximum value of tangential stresses in the drilling tool, second technical limitation was obtained – the dependence of feed threshold on a drill diameter based on the necessary tool strength. These technical limitations were used as a principle to define the areas of rational application of standard tool shanks (Morse taper shank in particular) and *Capto* shank.

Using the analytic geometry method, the geometry of *Capto* joint was analyzed and the areas of maximum clearance occurrence in a joint were identified. At a first approximation, the cross section of a joint was displayed as the triangles with rounded corners and the joint total manufacturing error was referred to the vertex angle of a spindle hole. It allowed proving mathematically the area of maximum clearance occurrence and identifying the dependence of maximum clearance on the error of manufacturing a hole in the tool spindle.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕЙТ-ОБРАЗОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2016

И.В. Гурова, старший преподаватель кафедры дошкольного образования
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: компонент *-гейт*; *гейт*-образования; *гейт*-модели.

Аннотация: В статье последовательно дается семантическая и структурная характеристика *гейт*-образований русского языка на материале «Словаря композитов новейшего периода» Н.В. Габдреевой, М.Т. Гурчиани и составленной автором методом сплошной выборки из общероссийских и региональных газетных изданий, интернет-сайтов, художественной литературы за период с 70-х гг. XX в. по настоящее время картотеки слов с элементом *-гейт*, насчитывающей 1246 примеров: определяется их денотативная сфера; описываются возникающие парадигматические отношения; обосновывается возможность дополнения словаря анализируемого словаря *гейт*-образованиями денотативных сфер спорта и науки; высказывается мнение о необходимости фиксации в словарных статьях синонимических рядов названий политических скандалов: *Ирангейт* – *контрасгейт* – *Иран-контрасгейт*; *Моникагейт* – *Левинскигейт* – *сексгейт* – *зиппергейт*; *Картергейт* – *букгейт*; *Рейгангейт* – *брифингейт*; делаются выводы о принадлежности слов с финалью *-гейт* к разным группам композитов по степени ассимиляции и спаянности компонентов в русском языке (с первым ассимилированным компонентом и с первым неассимилированным компонентом, представленным транслитерированной и нетранслитерированной формами); устанавливается стадия приобретения иноязычным структурным элементом *-гейт* морфемных свойств русского языка; иллюстрируется примерами функционирование компонента *-гейт* как некоторой самостоятельной лексической единицы, в результате чего он приобретает морфологические показатели числа и падежа. В исследовании рассматриваются *гейт*-модели композитов с ассимилированным первым компонентом двух ступеней раскрытости (конкретизации): первая ступень – модель общего вида: «существительное + гейт»; вторая ступень – модель «уточненная» (с учетом разрядной принадлежности), представленная двумя *гейт*-моделями: «имя собственное + гейт» и «апеллятив + гейт».

Процессы глобализации, происходящие в последние десятилетия, способствовали активизации процесса заимствования, росту аналитизма и агглютинативности в русском языке [1–5], что нашло отражение в многочисленных лексикографических пособиях, фиксирующих и толкующих новые языковые единицы [6–10].

Предмет нашего исследования – композиты с компонентом *-гейт*. Источник их происхождения – английское составное наименование *Watergate* (*Вотергейт*). Заметим, что социолингвистический контекст истории этого собственного имени и его развитие в словообразовательном направлении становились предметом ряда исследований как отечественных, так и зарубежных ученых [11–14].

В статье будет последовательно дана семантическая и структурная характеристика *гейт*-образований русского языка с опорой на «Словарь композитов русского языка новейшего периода» (авторы Н.В. Габдреева, М.Т. Гурчиани) и составленную нами методом сплошной выборки из общероссийских и региональных газетных изданий, интернет-сайтов, художественной литературы за период с 70-х гг. XX в. по настоящее время картотеку слов с элементом *-гейт*, насчитывающую 1246 примеров.

«Словарь композитов русского языка новейшего периода» представляет попытку систематизации особого вида новообразований, активно развивающегося сегодня, по мнению авторов, «и за счет иноязычных заимствованных лексем, элементов, партикул, и за счет появления в русском языке новых типологических моделей» [8, с. 6].

В качестве причин появления образований бинарной структуры составители словаря справедливо называют следующие: 1) заполнение лакун и связанная с этим

необходимость номинации новых явлений, предметов, свойств и характеристик; 2) замена словосочетаний и перифрастических оборотов однословами как проявление закона экономии языковых средств; 3) развитие родо-видовых отношений, или гипо-гиперонимических связей [8, с. 6].

В пособии представлена лексика политики, спорта, культуры, экономики, религии, информатики. Отметим, что стилистический разброс значителен – от терминов до просторечных и сленговых выражений.

Перейдем к семантической характеристике *гейт*-образований.

Как показало наше исследование, словарь Н.В. Габдреевой и М.Т. Гурчиани содержит восемь композитов с элементом *-гейт*, номинирующих политические скандалы в США: 1) *Ирангейт* – политический скандал, вызванный незаконными поставками американского оружия Ирану и другим странам и передачей части вырванных средств никарагуанским и афганским контрреволюционерам; 2) *Картергейт* – политический скандал, вызванный кражей секретных документов, в которых излагалась стратегия борьбы Картера на президентских выборах; 3) *Моникагейт* – политический скандал в США, вызванный слухами о сексуальных отношениях президента Билла Клинтона с Моникой Левински; 4) *Коллоргейт* – политический скандал в Бразилии в 1992 г., связанный с именем президента Ф. Коллора де Мелло, обвиненного в коррупции; 5) *Рейгангейт* – политический скандал во время избирательной кампании в США, в результате которого потерпели поражение противники Р. Рейгана; 6) *Трэвелгейт* (от англ. *travel* – путешествовать) – политический скандал в США, связанный с увольнением

сотрудников в отделе командировок Белого дома; 7) *Уайтуотергейт* (от англ. *Whitewater Development Corporation* – название компании, принадлежащей семьям Клинтон и Макдугалов) – политический скандал в США, вызванный слухами о незаконных махинациях семьи Клинтон и их партнеров Макдугалов в период их совместного бизнеса по торговле землей в штате Арканзас; 8) *файлгейт* (англ. *file* – досье, дело) – политический скандал в США, связанный с предполагаемым несанкционированным получением Белым домом секретного досье ФБР.

Таким образом, по мнению составителей словаря, узуальными для русского языка стали *гейт*-номинации, содержащие прецедентные имена собственные: *Картер*, *Моника* и др.

Очевидно, что первый компонент представленных в словаре *гейт*-образований обозначает либо место скандала (*Ирангейт*), либо лицо (организацию) – участника/виновника скандала (*Моникагейт*, *Коллоргейт*, *Рейгангейт*, *Уайтуотергейт*), либо предмет (объект) деятельности, связанной со скандалом (*Картергейт*, *файлгейт*), либо деятельность, которой занимаются участники скандала (*Трэвелгейт*).

Анализ языкового материала показал, что часть названий политических скандалов входит в синонимические ряды, которые, на наш взгляд, должны быть зафиксированы в соответствующих словарных статьях.

Так, синонимы *Ирангейта* – *контрасгейт*, *иран-контрасгейт*: (1) *Крупный политический скандал в США, сопоставимый с Уотергейтом (его даже иногда называют «Ирангейт» и «Контрасгейт», по аналогии), получил огласку в 1986 году* (Версии.com, 7 октября 2008 г.); (2) *Он стал активным действующим лицом того широкого политического скандала, который зовется «Иран-контрасгейтом»* (Правда, 11 мая 1987 г.).

Синонимы *Моникагейта* – *Левинскигейт*, *сексгейт*, *zipпергейт* (от англ. *zipper* – молния, ширинка); последнее слово, безусловно, является стилистически маркированным: (3) *В скандал были вовлечены все ветви власти, взаимные разоблачения и обвинения республиканцев и демократов сотрясали медиаполе, и «слоновьи» 1980-е отчасти из-за него сменились «ослиными» 1990-ми – которые, в свою очередь, завершились еще более громким скандалом, «Левинскигейтом»* (Lenta.ru, 28 января 2013 г.); (4) *И вот в феврале выйдет в свет его очередной труд, посвященный «Сексгейту», скандалу, в котором оказались замешаны занимавший в то время пост президента США Билл Клинтон и 22-летняя стажерка Моника Левински* (InoPressa, 21 декабря 2009 г.); (5) *...Zipпергейт был запущен Кеннетом Старом, независимым прокурором* // (<http://conducer.livejournal.com>, 2 апреля 2012 г.).

Синоним *Картергейта* – *букгейт* (от англ. *book* – книга): (6) *«Букгейт» – политический скандал, связанный с хищением конфиденциальных бумаг картеровской администрации, продолжает разрастаться* (Правда, 4 октября 1983 г.).

Синоним *Рейгангейта* – *брифингейт* (от англ. *briefing* – краткая информационная беседа с журналистами): (7) *По аналогии с Уотергейтом скандал стал называться «Брифингейтом»* (Известия, 15 мая 1984 г.).

Заметим, что в анализируемое лексикографическое издание не включены высокочастотные *гейт*-образо-

вания других денотативных сфер (спорт, наука и образование, культура и др.), выявленных в наших работах [15; 16]. Выскажем мнение, что дополнить состав слов с компонентом *-гейт* можно было бы, например, следующими композитами: *Моджигейт* и *диссергейт*.

Моджигейт – коррупционный скандал, в котором был замешан Лучано Моджи – генеральный директор футбольной команды «Ювентус». Слово включено в [6]; в нашей картотеке языкового материала представлено свыше 70 примеров употребления этого *гейт*-образования; от него префиксально-суффиксальным способом образовалось прилагательное *домоджигейтный*: (8) *Ювентус был низвержен в Серию Б, остальные участники тоже крепко получили по шапке, репутация итальянского футбола упало ниже плинтуса и по сей день не может вернуться на «домоджигейтный» уровень* (<http://www.sports.ru>, 20 февраля 2013 г.).

Диссергейт – скандал вокруг плагиата в диссертационных исследованиях. Подчеркнем, что бытуя первоначально только в области интернет-коммуникации (слово *диссергейт* появилось осенью 2012 г. в процессе обсуждения интернет-сообществом некорректных заимствований в кандидатских и докторских диссертациях), оно быстро получило широкое распространение в газетных текстах и устных формах реализации публицистического стиля (репортажах, интервью и др.), например: (9) *И одна из причин, почему «единороссам» и не только думцам так хочется отправить Ливанова в отставку, это известная история, которая вошла уже в нашу историю как диссергейт* (Е. Альбац в эфире передачи «Полный Альбац» на радиостанции «Эхо Москвы», 15 апреля 2013 г.); (10) *Диссергейт. Один день с охотниками на липовые диссертации* (заголовок очерка Д. Виноградова) (РИА Новости, 5 марта 2013 г.).

В нашей картотеке языкового материала представлено более 80 примеров употребления слова *диссергейт*. Кроме того, оно стало производящей основой для деривата *диссергейтная*, образованного суффиксальным способом: (11) *По данным сетевого экспертного сообщества «Диссернет» на 2014 год, МГУ является одной из наиболее крупных в России «диссергейтных корпораций»* (<http://cordedkrieg.livejournal.com>, 30 мая 2015 г.). От этого прилагательного префиксальным способом образовалось прилагательное *додиссергейтные*: (12) *Правда, это было еще в додиссергейтные времена* (Троицкий вариант – Наука, 24 декабря 2013 г.).

Компонент *-гейт*, по мнению составителей словаря, не ассимилирован русским языком. Противоположной точки зрения придерживаются В.Г. Костомаров [17] и Е.С. Отин [11]. Вслед за этими учеными мы считаем, что компонент *-гейт* усвоен русским языком; если же говорить о степени его усвоения, то, опираясь на исследование О.Н. Сологуб, можно утверждать, что элемент *-гейт* находится на пятой (предпоследней) стадии приобретения морфемных свойств русского языка, которая характеризуется таким образом: «На пятой стадии иноязычный структурный элемент уже прочно завоевывает свои позиции в системе русского языка. Это полноценная морфема, которая четко выделяется в русском языке как структурный элемент слова, имеет вполне определенное значение и функционирует в языке как продуктивный словообразующий формант, образуя новые слова и на базе русских основ» [18, с. 132].

О продуктивности форманта говорит следующее: 1) факт включения в словарь: «Гейт – вторая составная часть сложных слов, вносящая значение «политический скандал» [7, с. 22]; 2) многочисленные примеры окказионализмов из нашей картотеки, образующихся на базе русских основ: *дачагейт*, *конюшня-гейт*, *чеченгейт*, *Яблокогейт* и др. *Гейт*-образования представляют столь «последовательные, частотные и многообразные ряды или серии» [17, с. 239], что свидетельствует, по мнению Е.И. Коряковцевой, о появлении словообразовательных типов существительных с формантом *-гейт*, комплексно выражающих понятия атрибутивности и ситуативности [19].

Слова с *гейт*-составляющей в словаре Н.В. Габдреевой и М.Т. Гурчиани подразделяются на композиты с первым ассимилированным компонентом (*Ирангейт*, *Картергейт*, *Коллоргейт*, *Моникагейт*, *Рейгангейт*, *файлгейт*) и сложные слова с первым неассимилированным компонентом, представленным транслитерированной формой (*Трэвелгейт* и *Уайтуотергейт*). Дадим их структурную характеристику.

Рассмотрим *гейт*-модели группы образований с ассимилированным первым компонентом по степени раскрытости (конкретизации). Они располагаются по ступеням: первая ступень – модель общего вида: «существительное + гейт»; вторая ступень – модель «уточненная» (с учетом разрядной принадлежности), представленная двумя *гейт*-моделями: «имя собственное + гейт» и «апеллятив + гейт».

Охарактеризуем модель «имя собственное + гейт». Она имеет две разновидности: 1) «антропоним + гейт»: а) «фамилия + гейт» (*Картергейт*, *Рейгангейт*); б) «имя + гейт» (*Коллоргейт*, *Моникагейт*) и 2) «хороним (название государства) + гейт»: *Ирангейт*. Полагаем, что окказионализмы могут быть построены по *гейт*-модели «эргоним + гейт» (*ЦРУ-гейт*, *ФБР-гейт*, «*Речник*»-*гейт*, *ЮКОС-гейт* и др.).

Модель «апеллятив + гейт» представлена одной разновидностью: «конкретное существительное + гейт» (*файлгейт*). Проиллюстрируем другие разновидности примерами из нашей картотеки *гейт*-образований: 1) «вещественное существительное + гейт» (*нефтегейт*, *угольгейт*); 2) «абстрактное существительное + гейт» (*страхгейт*).

К группе *гейт*-образований с первым неассимилированным компонентом (*Трэвелгейт* и *Уайтуотергейт*) могут быть отнесены композиты с нетранслитерированной составляющей: *BP-гейт* и *Google-гейт*.

Отметим, что если рассматривать спаянность компонентов *гейт*-образований (одно из оснований предлагаемой авторами словаря классификации), то следует констатировать, что *-гейт* может функционировать как некоторая самостоятельная лексическая единица (окказиональный коннотативный субстантивант, по Е.С. Отину [20]), например: (13) *В принципе все последние американские администрации вели двуличную политику, носили маски... Сколько было всяких «гейтов»!* (Известия, 18 декабря 1986 г.); (14) *«Гейт» писателя Шишкина* (Правда.Ру, 11 марта 2013 г.); (15) *Два «гейта» – одна мораль... «Уотергейт» сегодня – история. «Ирангейт» – злоба дня. Между ними пролегла целая анфилада всевозможных «гейтов»* (Московская правда, 21 июня 1987 г.); (16) *Не*

надо залезать в дебри истории нынешней администрации, чтобы убедиться: «Ирангейт» не исключение, а правило, что всевозможные «гейты», разные по степени скандальности и масштабам последствий, случаются чуть ли не каждый месяц (Известия, 18 ноября 1986 г.); при этом он приобретает морфологические показатели числа и падежа.

Таким образом, считаем, что наше изыскание может быть полезным в лексикографической практике. Предметом отдельного исследования должен стать коннотативный компонент лексического значения композитов с *гейт*-составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е.А. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке // Жизнь языка: сборник статей к 80-летию М.В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 68–76.
2. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
3. Складаревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул: Корейская ассоциация славистов, 2001. № 6. С. 177–202.
4. Демидов Д.Г. Тенденции к агглютинации в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 650–658.
5. Янович Е.И. Словообразовательные новации современной русской речи в свете исторических тенденций развития русского языка (на материале текстов СМИ) // Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2009. № 2. С. 36–41.
6. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
7. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: Астрель, 2011. 413 с.
8. Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М.: ФЛИНТА, 2012. 280 с.
9. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2015. 3312 с.
10. Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С. Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет. М.: Флинта, 2016. 148 с.
11. Отин Е.С. Об «Уотергейте» и прочих «-гейтах» // Русская речь. 1996. № 5. С. 109–114.
12. Байков В.Г. Приключения скандального суффикса: роль заимствования одной словообразовательной модели в создании политического имиджа // Східнослов'янська філологія: зб. наук.пр. Вип. 21. Мовзнавство. Горлівка: ГДПШМ, 2011. С. 24–41.
13. Rohrdantz C., Niekler A., Hautli A., Butt M., Keim D.A. Lexical semantics and distribution of suffixes: a visual analysis // Proceedings for the EACL 2012 Joint Workshop of LINGVIS & UNCLH. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2012. P. 7–15.

14. Ayto J. *Movers and shakers: a chronology of words that shaped our age*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 256 p.
15. Гурова И.В. Гейт-образования 2013–2014 гг. // Современная наука: теоретический и практический взгляд: материалы I Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2014. С. 97–103.
16. Гурова И.В. Особенности гейт-образований XXI века // Межкультурная↔интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы III Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 137–142.
17. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
18. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. 2002: материалы III научной конференции. Новосибирск: НГЭиУ, 2002. С. 130–134.
19. Коряковцева Е.И. Язык современных СМИ в эпоху глобализации: к вопросу об инновациях и инновационных процессах // Многомерные миры языка: избранные труды международной научной конференции. М.: РУДН, 2015. С. 108–123.
20. Отин Е.С. *Словарь коннотативных собственных имен*. М.: АТемп, 2006. 440 с.
7. Shagalova E.N. *Samyy noveyshiy tolkovyy slovar russkogo yazyka XXI veka* [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century]. Moscow, Astrel' Publ., 2011. 413 p.
8. Gabdreeva N.V., Gurchiani M.T. *Slovar kompozitov russkogo yazyka noveyshego perioda* [Dictionary of composites of the Russian language of contemporary history]. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 280 p.
9. Efremova T.F. *Samyy polnyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The most complete explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2015. 3312 p.
10. Khodzhaeldyev B.D., Shurupova O.S. *Illyustrirovannyy slovar angliyskikh zaimstvovaniy v russkom yazyke poslednikh let* [Illustrated dictionary of English borrowed words in the Russian language of last years]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 148 p.
11. Otin E.S. About “Watergate” and other “-gates”. *Russkaya rech'*, 1996, no. 5, pp. 109–114.
12. Baykov V.G. The adventures of scandal suffix: the role of a borrowed word of one word-formation model in the creation of political image. *Skhidnoslov'yanska filologiya: zb. nauk.pr. Vip. 21. Movznavstvo*. Gorlivka, GDPIIm Publ., 2011, pp. 24–41.
13. Rohrdantz C., Niekler A., Hautli A., Butt M., Keim D.A. Lexical semantics and distribution of suffixes: a visual analysis. *Proceedings for the EACL 2012 Joint Workshop of LINGVIS & UNCLH*. Stroudsburg, Association for Computational Linguistics Publ., 2012, pp. 7–15.
14. Ayto J. *Movers and shakers: a chronology of words that shaped our age*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2006. 256 p.
15. Gurova I.V. Gate-formations of 2013-2014. *Sovremennaya nauka: teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Pero Publ., 2014, pp. 97–103.
16. Gurova I.V. Peculiarities of gate-formations of the XXI century. *Mezhkulturnaya↔intrakulturnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ufa, RITs BashGU Publ., 2014, pp. 137–142.
17. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language taste of the era: from observations of speech practice of the media]. Sankt Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
18. Sologub O.P. The acquisition of foreign-language structural elements in the Russian language. *Nauka. Universitet. 2002: materialy III nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, NGEiU Publ., 2002, pp. 130–134.
19. Koryakovtseva E.I. The language of modern mass media in the era of globalization: to the issue of innovations and innovative processes. *Mnogomernye miry yazyka: izbrannyye trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, RUDN Publ., 2015, pp. 108–123.
20. Otin E.S. *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [The dictionary of connotative proper names]. Moscow, АТемп Publ., 2006. 440 p.

REFERENCES

1. Zemskaya E.A. Emigrants' speech as an evidence of the growth of analytism in the Russian language. *Zhizn yazyka: sbornik statey k 80-letiyu M.V. Panova*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2001, pp. 68–76.
2. Krysin L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovanie po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word: ours and theirs: research on the modern Russian language and social-linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. 888 p.
3. Sklyarevskaya G.N. A word in changing world: the Russian language of the beginning of XXI century: state, problems, prospects. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. Seul, Koreyskaya assotsiatsiya slavistov Publ., 2001, no. 6, pp. 177–202.
4. Demidov D.G. The tendency for agglutination in the Russian language. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremenost: trudy i materialy II Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka*. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 2004, pp. 650–658.
5. Yanovich E.I. Word-formation novations of modern Russian speech in view of historical tendencies of development of the Russian language (on the material of mass media texts). *Vesnik BDU. Seryya 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2009, no. 2, pp. 36–41.
6. Sklyarevskaya G.N. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktualnaya leksika* [The explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century. Current vocabulary]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 1136 p.

SEMANTIC-GRAMMATICAL CHARACTERISTIC OF GATE-FORMATIONS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE

© 2016

I.V. Gurova, senior lecturer of Chair of preschool education
Samara State University of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Keywords: -gate component; gate-formations; gate-models.

Abstract: The paper gives successively the semantic and structural characteristics of *gate*-formations of the Russian language on the material of “Dictionary of composites of Contemporary history” of N.V. Gabdreeva, M.T. Gurchiani and the card index of words with -gate element prepared by the author using the method of continuous sampling from All-Russia and regional newspapers, internet-sites, fiction for the period from the 70th of the XX century to the present day. The card index contains 1246 examples: the author defines their denotative sphere; describes the occurring paradigmatic relations; proves the possibility of updating vocabulary of the analyzed dictionary with the *gate*-formations of sport and science spheres. The author offers her opinion on the necessity of fixation of synonymic rows of political scandals’ names in the dictionary articles: *Irangate – contrasgate – Irancontrasgate; Monicagate – Lewinskigate – sexgate – zippergate; Cartergate – bookgate; Reagangate – briefinggate*; makes the conclusions on the belonging of words with -gate final to different groups of composites according to the degree of assimilation and cohesion of the components in the Russian language (with first assimilated component and with first unassimilated component represented by transliterated and non-transliterated forms). The author defines the stage when the foreign-language -gate structural element attains the morpheme’s characteristics of the Russian language and illustrates with the examples the functioning of -gate component as some independent lexical unit, in the result of which it attains morphological indices of number and case. The study considers *gate*-models of composites with assimilated first component of two stages of opening (substantiation): first stage – a model of general view: “a noun + gate”; second stage – a “specified” model (with the account of class belonging) represented by two *gate*-models: “a proper noun + gate” and “an appellative + gate”.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ X (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2016

В.В. Дьякова, ассистент кафедры «Социология и психология»
Астраханский государственный технический университет, Астрахань (Россия)

Ключевые слова: гражданская идентичность; гражданская идентификация; поколение X; российские поколения; патриотические ценности; теория поколений.

Аннотация: Одна из важнейших характеристик демократического и стабильного развития российского государства на современном этапе – степень сплоченности населения на общегражданской основе. Современное российское поколение X – это граждане, родившиеся в Советском Союзе в период с 1963 по 1984 годы, их процесс социализации (его основной этап) совпал с такими событиями, как перестройка, распад СССР, «лихие» 1990-е; сегодня они составляют треть населения и основу трудовых ресурсов страны, именно поэтому актуальным является анализ гражданской идентичности этой возрастной когорты россиян.

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного на территории Астраханской области с целью изучения особенностей гражданской идентичности населения региона, в частности представителей поколения X. Рассмотрены отдельные уровни идентичности (общегражданский, региональный и этнический), ценностные установки и ориентации, патриотические настроения, способы реализации гражданских прав.

В статье дается анализ условий формирования российского поколения X и оценка его гражданской идентичности. Данные, полученные в результате исследования в Астраханском регионе, позволили сделать выводы о гражданской идентичности изучаемой когорты населения, о составных компонентах анализируемой научной категории, таких как когнитивный, ценностный, деятельностный; отдельное внимание уделено патриотическому аспекту.

В рамках изучения актуального вопроса консолидации населения, а также дальнейшего развития российской демократии важными являются сделанные в статье выводы о превалировании гражданской идентичности у поколения X, о доминировании электорального участия в способах реализации гражданских прав.

Двадцатипятилетний период существования России как «демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления» [1, с. 4], наряду с описанием особенностей экономического, политического, культурного и социального реформирования, подведением промежуточных итогов модернизации и прогнозированием дальнейшего общественного развития, также актуализирует вопрос гражданской идентичности населения страны. Каким образом идентифицируют себя отдельные личности и различные социальные группы и общности, какую позицию занимают во взаимодействии с государством, каков характер этих отношений – все это не просто злободневные темы для анализа, а показатели степени демократичности российского общества и гарантий его стабильного развития.

Гражданская идентичность – это результат осознания себя в качестве члена гражданской общности в процессе приобретения и усвоения норм, идеалов, ценностей, ролей и моральных качеств, свойственных той гражданской общности, к которой принадлежит индивид, а также характеристика личности как гражданина. Анализ этой категории посвящены работы как зарубежных (Г. Тэджфел [2], Дж. Тернер [3], С. Московичи [4] и др.), так и отечественных (Ю.А. Левада [5], В.А. Ядов [6], О.В. Попова [7], Н.Л. Балич [8], Р.Ю. Шикова [9], Т.В. Водолажская [10] и др.) ученых.

Малоизученным является поколенческий аспект гражданской идентичности, который становится особенно важным в современной российской ситуации одновременного сосуществования представителей различных возрастных генераций – от тех, кто все еще считает себя «советским человеком», до тех, кто уже все больше воспринимает себя, благодаря глобализации и, в частности, развитию Интернета, гражданином мира. Изуче-

нию категории «поколения» посвящены работы М.Б. Глотова [11], Е.И. Иванова [12], В.В. Семенова [13], Н.Л. Кацук, Т.В. Водолажской [14] и др.

Статья посвящена описанию условий формирования и особенностей гражданской идентичности российского поколения X, которое составляет треть населения страны и половину экономически активного населения (согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года). Американские ученые Н. Хоув и В. Штраус создали теорию поколений, описывая историю США как череду сменяющихся когорт, совокупностей людей, рожденных в промежутках времени примерно в 20 лет, объединенных одной исторической эпохой и сталкивающимися с ключевыми для данного отрезка истории событиями и веяниями, разделяющих определенные общие модели поведения и убеждения. Поколение X – тринадцатое поколение с момента появления американской нации, рожденные в период с 1961 по 1981 год, на формирование ценностей которых повлияли такие события, как окончание войны во Вьетнаме, кризис власти, мировой кризис и последующая разрядка [15]. Теория поколений была адаптирована в разных странах в соответствии с их особенностями исторического развития. Согласно адаптации теории поколений в России, российское поколение X – это люди, рожденные в период с 1963 по 1984 год, а ключевыми событиями, повлиявшими на их становление, стали продолжение холодной войны, перестройка, наркотики, война в Афганистане. Для российских «иксов» характерны следующие черты: индивидуализм, готовность к изменениям, возможность выбора, техническая грамотность, стремление учиться в течение всей жизни, надежда на себя, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, равноправие полов, глобальная информированность [16].

Н. Хоув и В. Штраус также пришли к выводу, что существует четыре исторических «сезона», последовательно сменяющих друг друга в общей сложности в течение 80 лет: Кризис – зима, Подъем – весна, Пробуждение – лето и Распад – осень. В зависимости от того, в какой из исторических сезонов сформировалось поколение, выделяются четыре архетипа: Кочевники, Герои, Художники и Пророки [15]. Поколение X соответствует архетипу Кочевника, который рождается «летом», во времена стабильности, позже проявляет себя в поиске простых и понятных подходов и ценностей, создании связей между различными реалиями мира в ответ на устаревающие и уже не работающие в обществе идеалистичные моральные ценности, востребованные ранее предыдущими поколениями, но уже недостаточно подкрепленные практикой. В этом случае, по мнению Е. Шамис, главной задачей поколения с таким архетипом становится «показать, что старая мораль не работает, и подготовить почву» для следующего поколения с архетипом Героя, т. е. поколения Y, тех, кто рожден в период с 1985 по 2000 год [16].

Процесс первичной социализации современного российского поколения X происходил в уже не существующем государстве. В Советском Союзе и два важнейших канала социализации детей и молодежи – Российский коммунистический союз молодежи и детское пионерское движение, – и непосредственно КПСС особое внимание уделяли формированию «советского человека», новой личности «социалистического типа», для которой характерны следующие черты: идейная убежденность – преданность идеалам коммунизма, гражданственность, политическая активность, патриотизм, интернационализм, любовь к труду, коллективизм, социальный оптимизм и др. [17].

Кризис 1980–90 годов запустил для всех поколений процесс ресоциализации, а у поколения X еще и совпал с периодом молодости, когда прежние устаревшие навыки, ценности и нормы недостаточно усвоены, а уже нужно переориентироваться на новые, причем в условиях, когда эти новые социальные нормы и культурные ценности еще не сформулированы ни обществом, ни властью в силу ряда объективных причин (новое государство, новая государственность, отсутствие идеологии и другое). Согласно результатам различных социологических исследований в 1990-х годах, у «иксов», в отличие от представителей других поколений, нет четкой позиции ни по вопросу возможности возврата в СССР, ни в оценке экономической и политической ситуации, ни в отношении личных и общественных перспектив [18, с. 95; 19, с. 53, 83, 102, 126, 165]. В целом можно сделать вывод, что в отношениях с государством поколение X заняло позицию стороннего, недоверчивого наблюдателя. Однако трансформационные процессы, начавшиеся в конце прошлого столетия и продолжающиеся до сих пор, провозгласили демократическую основу для дальнейшего развития общественной системы и, в частности, функционирования властных структур, отдали роль «носителя суверенитета и единственного источника власти» [1, с. 4] народу, открыв широкие возможности для реального участия граждан во всех сферах общественной жизни. И сегодня, спустя четверть века, охарактеризовать качественные особенности социальной системы, оценить степень ее демократизма возможно посредством изуче-

ния одного из важных индикаторов – гражданской идентичности в целом и направленности гражданского участия в сторону всеобщности, свободы изъяснения, равноправия и инициативности в частности.

В данной работе использованы результаты инициативного социологического исследования, реализованного под руководством автора и направленного на изучение гражданской идентичности населения Астраханской области ($N=682$, метод исследования – опрос, тип выборки – многоступенчатая, возраст респондентов – 18–75 лет, статистическая погрешность не превышает 3,1 %). Этот регион отличается социально-демографическим составом и электоральным поведением, сходными со среднероссийскими показателями [20]. Согласно данным последних четырех переписей (Всероссийские переписи населения 2010 и 2002 года, Всесоюзные переписи населения 1989 и 1979 года) процентное распределение современных российских поколений по стране практически совпадает с показателями по Астраханскому региону. Следовательно, Астраханскую область можно рассматривать еще и как репрезентативную модель по социально-демографическим характеристикам, что становится особенно актуальным в данном исследовании, где поколение выступает одной из центральных категорий изучения.

Для поликультурного государства и региона актуальным является вопрос совместимости нескольких видов социальной идентичности – гражданской, региональной и этнической. У поколения X доминирует гражданский компонент в структуре идентичностей: 52,6 % на вопрос «Кем вы ощущаете себя в первую очередь?» выбрали вариант «Я – россиянин». Второе место занимает региональная идентичность («Я – астраханец» – 19,9 %), третье – этническая (13,5 %). Следует отметить, что доминанта гражданской идентичности характерна не только для этого поколения, но и для населения региона в целом, что соответствует как общероссийским тенденциям (согласно результатам различных социологических опросов исследовательских центров за последнее десятилетие), так и тенденциям Юга России [21, с. 17–24].

Анализ ценностной составляющей гражданской идентичности позволяет сделать следующие выводы. «Иксы», активный этап вступления во взрослую и общественную жизнь которых пришелся на беспокойные 1990-е годы, считают, что наиболее важным для сохранения стабильности в стране являются «сильная власть» (36,8 %) и «обеспечение порядка» (26,4 %). Значение этих показателей у представителей других поколений ниже. В то же время поколению X более близки либеральные и демократические ценности, а вот чужды консервативные и просоветские, которые оказались более значимыми для всех остальных. Большинство «иксов» отмечают высокую важность «свободного рынка» (65,4 %) и «частной собственности» (64,1 %), «самоорганизации граждан» (61,3 %) и «личных интересов» (57,3 %).

76,1 % представителей поколения X считают себя патриотами и объясняют это тем, что гордятся своим Отечеством, символами своего государства и своим народом, с уважением относятся к историческому прошлому и культуре страны. Каждый десятый не может назвать себя патриотом. По оценкам самих респондентов,

наряду с причинами «не интересуюсь жизнью своей страны», «не готов отстаивать интересы своей страны», «не поддерживаю политический курс России», основной является «хотелось бы переехать жить за границу».

«Иксы» вкладывают в понятие «патриотизм» следующий смысл: любовь к Родине (31,5 %), работа и деятельность для ее процветания (15,9 %), защита от любых обвинений и нападков (18,1 %), стремление к изменению положения дел в стране с целью обеспечения достойного развития (13,1 %).

Для подавляющего большинства представителей поколения X основным способом реализации гражданских прав является голосование на выборах (73,5 %). 17,6 % никак не реализуют свои гражданские права – это самый высокий показатель среди всех когорт.

Выборы не только важный фактор легитимации власти, оценки деятельности органов государственной власти, их эффективности, но и один из основных аспектов в процессе формирования гражданской идентичности. В целом различие в электоральной активности между поколениями не является разительным. Возраст, согласно результатам различных социологических опросов, не становится фактором, влияющим на показатель явки на голосование, однако существуют некоторые различия в мотивации. Так, «иксы» участвуют в голосовании на выборах, потому что воспринимают это как гражданский долг (28,6 %), так как им небезразлично будущее страны (26,7 %). 17,1 % респондентов признали, что участвовали в выборах, так как на них оказывали влияние («обязали») представители местных властей и администрации предприятий.

Таким образом, поколению X свойственна идентичность на общегражданской основе: каждый второй в первую очередь называет себя россиянином. Большой части представителей этой генерации близки либеральные и демократические ценности. В то же время они отмечают, что стабильное развитие государства связано главным образом с сохранением «сильной власти» в стране. Подавляющее большинство российских «иксов» считают себя патриотами и определяют для себя это качество прежде всего как «любовь к Родине». Каждый десятый респондент не может назвать себя патриотом и добавляет, что хотел бы жить в другой стране. В целом у представителей этой возрастной когорты сформированы когнитивный и ценностный структурные компоненты гражданской идентичности, а вот деятельностный элемент слабо развит и проявляется преимущественно в электоральной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2002. 52 с.
2. Tajfel H. Instrumentality, identity and social comparisons // *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 483–507.
3. Turner J.C. Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*. 1975. Vol. 5. № 1. P. 5–34.
4. Moscovici S. Notes toward a description of social representations // *European Journal Social Psychology*. 1988. Vol. 18. P. 211–250.
5. Левада Ю.А. Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // *Мониторинг общества*

венного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 7–15.

6. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России: социология, этнология*. 1995. № 3-4. С. 158–181.
7. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2002. 258 с.
8. Балич Н.Л. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа // *Социологический альманах*. 2013. № 4. С. 214–220.
9. Шикова Р.Ю. Идентичность молодежи России в условиях социокультурной трансформации // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2010. № 1. С. 109–113.
10. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // *Образовательная политика*. 2010. № 5-6. С. 140–141.
11. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 42–48.
12. Иванова Е.И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 42–57.
13. Семенова В.В. Социальный портрет поколений // *Россия реформирующаяся*. М.: Академия, 2002. С. 184–212.
14. Водолажская Т.В., Кацук Н.Л. Поколения как субъекты социокультурного пространства: постановка проблемы и возможности исследования // *Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе: сб. статей V межинститутской научно-практической конференции молодых ученых*. Минск: Институт социологии, 2005. С. 30–42.
15. Howe N., Strauss W. *Generations: the history of America's future. 1584 to 2069*. New York: Quill William Morrow, 1991. 544 p.
16. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // *Маркетинг Менеджмент*. 2007. № 6. URL: old.e-executive.ru/publications/specialization/newfolder8086/article_5457/.
17. Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М.: Ин-т молодежи, 1996. 224 с.
18. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // *Социологические исследования*. 1998. № 5. С. 90–98.
19. Козлов А.А. Молодые патриоты и граждане новой России: социологический очерк. СПб.: ОМ-Экспресс, 1999. 542 с.
20. Зелетдинова Э.А., Дьяков О.Ю., Дьякова В.В. Власть-опозиционные отношения и стабильность социально-политического развития. Астрахань: АГТУ, 2014. 240 с.
21. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Многоуровневая идентичность населения Юга России: соотношение общероссийского, регионального и этнического компонентов // *Российский академический журнал*. 2011. Т. 18. № 4. С. 17–24.

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow, AST Publ., 2002. 52 p.

2. Tajfel H. Instrumentality, identity and social comparisons. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1982, pp. 483–507.
3. Turner J.C. Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior. *European Journal of Social Psychology*, 1975, vol. 5, no. 1, pp. 5–34.
4. Moscovici S. Notes toward a description of social representations. *European Journal Social Psychology*, 1988, vol. 18, pp. 211–250.
5. Levada Yu.A. Frames of References for Man. Summing up the Study of “Homo Sovieticus”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2001, no. 1, pp. 7–15.
6. Yadov V.A. The social and socio-psychological mechanisms of person’s social identity formation. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, 1995, no. 3-4, pp. 158–181.
7. Popova O.V. *Politicheskaya identifikatsiya v usloviyakh transformatsii obshchestva* [Political identity in the transformation of society]. Sankt Petersburg, Sankt-Petersburgskiy universitet Publ., 2002. 258 p.
8. Balich N.L. Social identity: theoretical and methodological grounds of sociological analysis. *Sotsiologicheskii almanakh*, 2013, no. 4, pp. 214–220.
9. Shikova R.Yu. Identity of Russian youth in conditions of sociocultural transformation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya*, 2010, no. 1, pp. 109–113.
10. Vodolazhskaya T.V. Civil identity. *Obrazovatel'naya politika*, 2010, no. 5-6, pp. 140–141.
11. Glotov M.B. Generation as a category of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2004, no. 10, pp. 42–48.
12. Ivanova E.I. Generation problem and population reproduction. Theoretical approaches vs realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 4, pp. 42–57.
13. Semenova V.V. Social portrait of generations. *Rossiia reformiruyushchayasya*. Moscow, Akademiya Publ., 2002, pp. 184–212.
14. Vodolazhskaya T.V., Katsuk N.L. Generations as subject of social and cultural environment: problem setting and opportunities for research. *Sotsiologicheskoe znanie i sotsialnye protsessy v sovremennom belorusskom obshchestve: sb. statey V mezhhinstitutskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh*. Minsk, Institut sotsiologii Publ., 2005, pp. 30–42.
15. Howe N., Strauss W. Generations: the history of America’s future. 1584 to 2069. New York, Quill William Morrow Publ., 1991. 544 p.
16. Shamis E., Antipov A. The theory of generations. *Marketing Menedzhment*, 2007, no. 6. URL: old.executive.ru/publications/specialization/newfolder8086/article_5457/.
17. Kovaleva A.I. *Sotsializatsiya lichnosti: norma i otklonenie* [Personality's socialization: norm and deviation]. Moscow, In-t molodezhi Publ., 1996. 224 p.
18. Ruchkin B.A. Youth and formation of a new Russian. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1998, no. 5, pp. 90–98.
19. Kozlov A.A. *Molodye patrioty i grazhdane novoy Rossii: sotsiologicheskii ocherk* [Young patriots and citizens of new Russia: sociological essay]. Sankt Petersburg, OM-Ekspres Publ., 1999. 542 p.
20. Zeletdinova E.A., Dyakov O.Yu., Dyakova V.V. *Vlast-oppozitsionnye otnosheniya i stabilnost sotsialno-politicheskogo razvitiya* [Regime-oppositional relations and stability of social and political development]. Astrakhan', AGTU Publ., 2014. 240 p.
21. Denisova G.S., Klimenko L.V. Multilevel identity of the population of the south of Russia: the parity of the all-Russian, regional and ethnic components. *Rossiyskiy akademicheskii zhurnal*, 2011, vol. 18, no. 4, pp. 17–24.

CIVIL IDENTITY OF MODERN RUSSIAN GENERATION X (ON THE EXAMPLE OF ASTRAKHAN REGION)

© 2016

V.V. Diakova, assistant of Chair “Sociology and psychology”
Astrakhan State Technical University, Astrakhan (Russia)

Keywords: civil identity; civil identification; generation X; Russian generations; patriotic values; theory of generations.

Abstract: One of the key characteristics of democratic and sustained development of the Russian state in modern times is the degree of population cohesion on the general civil basis. Modern Russian Generation X is represented by the citizens who were born in the Soviet Union between 1963 and 1984. Their socialization process (its main stage) concurred with such events as restructuring, disintegration of the USSR, “dashing” 1990s; today they make up a third of the population and the basis of the labor force of the country; that is why the analysis of the civil identity of Russians in this age group is so important.

The paper presents the results of a sociological survey conducted in the Astrakhan region to study the characteristics of the civil identity of the region population, in particular the representatives of Generation X. Certain levels of identity (civil, regional and ethnic) have been considered, as well as value system and orientations, patriotic feelings, and ways to implement the civil rights.

The author analyzes the conditions for the development of the Russian Generation X and the assessment of its civil identity. Data obtained as a result of research in Astrakhan region led to the conclusion of the civil identity of the studied population group, of such components of the analyzed scientific category as cognitive, evaluative, and activity; special attention is paid to the patriotic aspect.

As a part of the study of the current issue of population consolidation, as well as the further development of Russian democracy, important are the conclusions made in the paper about the overrepresentation of civil identity in Generation X, the dominance of electoral participation in the processes of civil rights implementation.

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016

А.А. Мамедов, аспирант кафедры «Теория и история социологии» факультета социологии, экономики и права
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия)

Ключевые слова: миграция; внешняя трудовая миграция; миграционные процессы; структура миграционного притока; миграционная политика.

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ внешней трудовой миграции из стран ближнего зарубежья, перспективы и проблемы ее регулирования на территории Российской Федерации. Автор отмечает роль миграционных процессов в социально-экономической и общественно-политической жизни нашей страны, их влияние на демографическую ситуацию (как источника пополнения трудовых ресурсов), на развитие производства, рынок труда, а также на социально-экономические характеристики уровня жизни. Не вызывает сомнения тот факт, что возместить потерю численности трудоспособного населения только за счет повышения производительности труда, реструктуризации экономики, вывода на рынок труда части экономически неактивного населения (домохозяек, пенсионеров, инвалидов) не представляется возможным. В этой связи подчеркивается, что России в ближайшее десятилетие не обойтись без использования иностранной рабочей силы, причем во все более возрастающих масштабах. Как показывает статистический анализ, высокая концентрация трудящихся-мигрантов, как правило, не повышает уровень безработицы среди местного населения, так как они занимают рабочие места, не востребованные местными жителями, и даже способствует улучшению социально-статусной структуры занятости в стране. Что же касается государственной политики в отношении внешних трудовых мигрантов, то в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. приоритетными ее направлениями считаются: привлечение квалифицированных иностранных специалистов, создание цивилизованных условий для труда и жизни мигрантов в России, защита их гражданских прав. Таким образом, становится очевидным, что в условиях рыночной экономики на фоне негативных демографических процессов внешняя трудовая миграция становится одним из важных стратегических факторов развития человеческого потенциала России.

В Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. отмечается значимая роль миграционных процессов в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. Обращается внимание на то, что за последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития [1].

Как полагает Т.Н. Юдина, в связи с естественной убылью населения России миграция по меньшей мере до середины века станет почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов страны. Влияя на общую численность населения и на его социально-экономическую структуру, миграция является чрезвычайно важным фактором для оценки перспектив развития общества [2].

Итак, в настоящее время усилился интерес к проблемам трудовой миграции населения, международной и нелегальной миграции, а также миграционной политике, которая приобретает первостепенное значение.

Миграция населения (от лат. migration) означает перемещение, переселение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на более или менее длительное время [3].

По рекомендации ООН мигрантами считаются те, кто живет не в стране рождения более одного года, в том числе и студенты. Различают миграцию внешнюю и внутреннюю, трудовую, постоянную, временную,

сезонную, маятниковую. Миграция выделяется и по формам реализации: организованная (при участии государственных и общественных организаций) и неорганизованная (самостоятельная: добровольная, принудительная, вынужденная, переселенческая). Особое место занимает этническая миграция. Миграционные потоки людей в зависимости от формы могут называться беженцами, вынужденными переселенцами, репатриантами, трудовыми мигрантами [4, с. 110].

Современные исследователи рассматривают проблемы миграции с экономической, социальной и иных точек зрения. С экономической точки зрения наиболее значимым в миграционных процессах является становление мирового рынка труда. В отечественной социологической науке проблемы миграции исследовались в работах Т.Н. Заславской [5], Л.Л. Рыбаковского [6], Б.С. Хорева [7], В.Н. Чапека [8], И.А. Даниловой [9], В.А. Ионцева [10], Ж.А. Зайончковской [11], Т.Н. Юдиной [2], Ж.Т. Тощенко [12], Е.Е. Немерюк [13] и др.

В рамках настоящей статьи рассматриваются основные формы, тенденции и специфика современной трудовой миграции, ее влияние на характер функционирования общероссийского рынка труда, а также проводится анализ политики в отношении трудовой миграции, осуществляемой в последние годы. Основное внимание уделяется внешней трудовой миграции, представленной иностранцами из стран ближнего зарубежья, работающими в России. Население данных стран обладает возможностью мигрировать в Российскую Федерацию и соответствует геополитически и социально-экономически заданным критериям отбора (страновому и этническому), предъявляемым к иммигрантам.

Современная внешняя миграция складывается из трех основных миграционных потоков: иммиграция в Россию населения из стран ближнего зарубежья; более слабый поток выезда эмигрантов из России в страны ближнего зарубежья; эмиграция из России в страны дальнего зарубежья (ДЗ) [14, с. 93].

Под трудовой миграцией в Россию мы понимаем внешнюю трудовую миграцию, т. е. временную миграцию экономически активного населения зарубежных стран в Россию с целью трудоустройства на ее территории. Соответственно, трудовой мигрант, или трудящийся-мигрант, – «лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [15]. В широком смысле к трудовой миграции можно отнести всех международных мигрантов трудоспособного возраста, так как их въезд и выезд непосредственно изменяет численность трудовых ресурсов России.

В 2014 г. в Россию прибыло 578 511 тыс. международных мигрантов трудоспособного возраста, а выбыло 308 475 тыс. (миграционный прирост – 270 036 тыс. чел.). Лица трудоспособных возрастов составили в 2014 г. 74,6 % (201 595 тыс. чел.) всего миграционного прироста, в том числе среди мужчин доля лиц трудоспособных возрастов составила 43,7 % (118 068 тыс. чел.) от миграционного прироста, а среди женщин – 30,9 % (83 527 тыс. чел.) [16]. В соответствии с данными фактами международная миграция, регистрируемая по месту жительства, по-видимому, в большой степени является именно трудовой миграцией.

Иностранная рабочая сила привлекается в современную Россию более чем из 140 стран. Трудовые мигранты составляют большую часть от числа всех мигрантов, въехавших в РФ. Характер и интенсивность внешней трудовой миграции обусловлены целым рядом разнообразных и взаимосвязанных факторов, таких как неравномерность мирового экономического развития, неравенство доходов и возможностей между промышленно развитыми и развивающимися странами, географические условия, уровень безработицы, численность населения, показатели рынка жилья и т. д.

Объективными причинами притока иммигрантов из ближнего зарубежья являются более стабильное экономико-социальное положение и высокий уровень жизни населения в России по сравнению со странами СНГ, общность менталитета, культуры, языка, безвизовый режим пересечения границы, а также емкость российского рынка труда. Отметим, что главная трансформация специфики миграционных процессов, происходящих на постсоветской территории, обусловлена тем, что ранее, в период существования единого государства, они подпадали под определение внутренней миграции. Теперь же это внешние миграционные процессы, происходящие между государствами – участниками СНГ на фоне достаточно активного внешнего миграционного обмена между странами Содружества и другими государствами. В бывших союзных республиках, ныне независимых государствах нового (ближнего) зарубежья высока распространенность и знание русского языка.

Российская Федерация проявляет свою заинтересованность в приеме мигрантов, что обусловлено демографической ситуацией, а также недостатком кадров

в ряде производств по отдельным профессиям и специальностям. Внешняя трудовая миграция начиная с 2000-х гг. стала наиболее многочисленным миграционным потоком на фоне всех других (миграции на постоянное место жительства, переселения соотечественников, беженцев и ищущих убежище). Существенно выросла официальная часть миграционного трудового потока. Данный рост потока трудовой миграции был связан с изменениями миграционного законодательства – либерализацией 2007 г. (был существенно изменен основной закон, определяющий пребывание и труд мигрантов в РФ [17]; разрешения на работу стали получать сами трудовые мигранты из безвизовых стран, а не их работодатели, а миграционный учет из разрешительного стал уведомительным [18]) и нововведениями 2010 г. (появлением патентов, дающих право на работу у физических лиц, и преференций для высококвалифицированных специалистов) [19, с. 59–60].

Для осуществления легальной трудовой деятельности в России внешние мигранты должны получить один из следующих видов разрешительных документов:

- разрешение на работу в РФ (предназначено для работы у юридических лиц; для мигрантов как из визовых, так и из безвизовых стран; выдается в пределах квот, получаемых работодателями);

- патент (предназначен для работы только у физических лиц; выдается лишь мигрантам из безвизовых стран; не квотируется);

- разрешение на работу для квалифицированных специалистов (предназначено для работы у юридических лиц; для мигрантов как из визовых, так и из безвизовых стран; выдается строго в рамках перечня профессий/специальностей, ежегодно утверждаемого Минтрудом; не квотируется);

- разрешение на работу для высококвалифицированных специалистов (предназначено для работы у юридических лиц; для мигрантов как из визовых, так и из безвизовых стран; выдается по критерию годовой зарплаты определенного уровня; не квотируется).

Экономический кризис несколько сократил число легальных трудовых мигрантов в 2009–2010 гг. (1 473 и 1 640,8 тыс. чел. соответственно). Несмотря на послекризисное восстановление российской экономики, по данным ФМС России, количество оформленных разрешений на работу в 2010 г. составило только 1,64 млн [20]. Численность трудовых мигрантов, оформивших разрешение на работу в 2011–2012 гг., составила 1 219,8 и 1 403,6 тыс. чел. соответственно. В 2013 г. в РФ трудилось в совокупности около 3 млн иностранных трудовых мигрантов, получивших различные разрешительные документы для легального трудоустройства, что составляет примерно 4 % от занятого населения в РФ. Еще столько же, по оценкам экспертов, трудилось нелегально.

По данным Минтруда России, потребность в привлечении иностранных работников, заявленная органами исполнительной власти субъектов РФ на 2013 г., составляла 1 224 185 чел., в 2014 г. – 1 142 110 чел. Однако для обеспечения возможности корректировки объемов квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу на следующий год предусмотрено установление резерва объема квоты в размере 30 % от общего объема квот – 489 476 разрешений на работу.

Таким образом, предлагалось определить потребность РФ в привлечении иностранных работников на 2014 г. в размере 1 631 586 чел., что составляет 93,5 % от соответствующей квоты на 2013 г. В связи с повышением спроса на квалифицированную рабочую силу, в 2014 г. квалифицированные рабочие кадры из числа иностранцев составили 82,4 % от общей потребности в иностранных работниках, в то время как в 2013 г. этот показатель составил 79 %.

Данные ЦБДУИГ (Центрального банка данных учета иностранных граждан), опубликованные на сайте ФМС, свидетельствуют о том, что на 2 октября 2014 г. в России одновременно находилось 3,8 млн чел., заявивших целью своего въезда работу по найму (т. е. трудовых мигрантов).

На основании Постановления Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. № 1359 [21] потребность в привлечении иностранных работников на 2016 г. определена в размере 213 929 чел. (77,6 % от потребности, определенной на 2015 г.) [22].

Состояние миграционного прироста, а также воздействие миграционных потоков на экономику России характеризуется следующими показателями:

1) миграционный приток в Россию в целом имеет тенденцию к сокращению (с 597 651 тыс. чел. в 1997 г. до 578 511 тыс. чел. в 2014 г.), цикличные периоды снижения которого совпадают с периодами экономического спада в 2003–2004, 2010 и 2014 гг.; снижению численности трудовых мигрантов способствовали и ограничения, введенные в 2014 г., в соответствии с которыми жители безвизовых стран СНГ могли работать в России не более 180 дней в течение года;

2) структура миграционного притока в РФ выглядит следующим образом: около 80 % въехавших составляют граждане СНГ; 8–10 % въехавших – граждане государств Европейского союза; остальные приходятся на Китай, США и другие страны мира. Это обусловлено значительной привлекательностью российского рынка

труда для более отсталых по уровню экономического развития стран СНГ, а не для передовых стран.

Что касается оттока трудовых ресурсов из РФ (таблица 1), то он начал сокращаться с 232 987 тыс. чел. в 1997 г. до 145 720 тыс. чел. в 2000 г. и сохранял тренд сокращения до 2011 г. (36 774 тыс. чел.). Следует отметить, что значительный рост миграционного оттока в 2012–2014 гг. (122 751–308 475 тыс. чел.) является результатом усиления институциональной структуры рынка труда, активизации мер государственного регулирования миграционных процессов, которые, по мнению А.А. Мигроняна, оказывают влияние только на легальную часть иммигрантов, что и отражает официальная статистика [23, с. 66].

Миграционный прирост из стран СНГ и Грузии в 2010–2014 гг. показан в таблице 2 [16].

Доля иммигрантов из стран СНГ и Грузии от общей суммы миграционного притока в 2010 г. составила 98,3 %, в 2011 г. – 92,2 %, в 2012 г. – 93,3 %, в 2013 г. – 94,9 %.

В современной России преобладают иммигранты из Центральной Азии. Лидерство по миграционному притоку в 2014 г. принадлежит иммигрантам из Казахстана – 15,6 % (40 768 тыс. чел.), Узбекистана – 14,1 % (36 733 тыс. чел.), Таджикистана – 7,4 % (19 340 тыс. чел.), Киргизии – 5,8 % (15 256 тыс. чел.), Туркмении – 0,9 % (2 598 тыс. чел.).

По данным Росстата [24], доля иммигрантов из Украины составила 32,6 % (84 939 тыс. чел.) от общей суммы миграционного притока из стран СНГ, из Беларуси – 2,5 % (6 722 тыс. чел.), из Республики Молдова – 6,7 % (17 498 тыс. чел.).

Также не сокращается миграционный приток из закавказских республик: из Армении – 9,2 % (23 953 тыс. чел.), Азербайджана – 4,7 % (12 350 тыс. чел.). В 2014 г. уровень иммигрантов из Грузии, которая учитывается как страна дальнего зарубежья, составил 1,6 % (4 178 тыс. чел.).

Таблица 1. Показатели международной миграции в РФ за 1997–2014 гг., тыс. чел. [16]

	1997	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Прибыло в РФ – всего	597 651	177 230	186 380	286 956	281 614	279 907	191 656	356 535	417 681	482 241	578 511
В том числе:											
из стран СНГ	547 386	163 101	170 851	263 277	261 170	261 495	171 940	310 549	363 955	422 738	517 480
из стран ДЗ	50 265	14 129	15 529	23 679	20 444	18 412	19 716	45 986	53 726	59 503	61 031
Выбыло из РФ – всего	232 987	69 798	54 061	47 013	39 508	32 458	33 578	36 774	122 751	186 382	308 475
В том числе:											
в страны СНГ	143 675	35 418	34 669	30 726	25 542	20 326	21 206	22 568	95 572	14 7853	257 324
в страны ДЗ	89 312	34 380	19 392	16 287	13 966	12 132	12 372	14 206	27 179	38 529	51 151
Миграционный прирост (сальдо) по РФ – всего	364 664	107 432	132 319	239 943	242 106	247 449	158 078	319 761	294 930	295 859	270 036
В том числе:											
по странам СНГ	403 711	127 683	136 182	232 551	235 628	241 169	150 734	287 981	268 389	274 885	260 156
по странам ДЗ	–39 047	–20 251	–3 863	7 392	6 478	6 280	7 344	31 780	26 541	20 974	9 880

Таблица 2. Миграционный прирост из стран СНГ и Грузии в 2010–2014 гг., тыс. чел.

	2010	2011	2012	2013	2014
Миграционный прирост – всего	158 078	319 761	294 930	295 859	270 036
Из стран СНГ и Грузии	155 520	294 890	275 310	280 997	264 334
Азербайджан	13 389	21 061	18 102	17 246	12 350
Армения	19 192	31 747	31 998	32 179	23 953
Беларусь	1 995	7 560	10 249	3 717	6 722
Грузия	4 786	6 909	6 927	6 112	4 178
Казахстан	20 533	30 298	36 663	40 156	40 768
Киргизия	20 260	40 586	24 108	19 812	15 256
Молдавия	11 197	18 807	18 645	20 628	17 498
Таджикистан	17 494	34 017	31 393	33 649	19 340
Туркмения	2 178	4 333	3 887	3 821	2 598
Узбекистан	23 266	62 286	56 343	67 266	36 733
Украина	21 230	37 286	36 995	36 411	84 939

Таким образом, доля иммигрантов из стран СНГ и Грузии от общей суммы миграционного притока в 2014 г. составила 97,9 % (264 334 тыс. чел.), из стран Балтии (Латвия, Литва, Эстония) – 0,39 % (1 071 тыс. чел.), из других стран – 1,71 % (4 631 тыс. чел.).

В половозрастной структуре иностранных трудовых мигрантов в России преобладают мужчины (около 90 %), причем подавляющая их часть – в возрасте от 18 до 39 лет (около 80 % всех мужчин-мигрантов). Такие показатели половозрастной структуры трудовых мигрантов связаны с тем, что на российском рынке труда из числа иностранных трудовых мигрантов востребованы прежде всего рабочие низкой квалификации в строительстве, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, транспорте. Снизилась доля занятых в торговле, но заметно выросла занятость в сфере услуг. По данным официальной статистики, доля женщин хотя и немного росла на протяжении 2000-х гг., в последние годы колеблется в районе 13–15 % (в 2000 г. женщины в потоке трудовой миграции составляли 10 %). Недоучет женщин официальной статистикой объясняется в первую очередь их занятостью в неформальных секторах экономики (например, в качестве домашних работников), а также отсутствием острой необходимости официального оформления в России, так как они значительно реже мужчин подвергаются проверкам со стороны правоохранительных органов [19, с. 68–69].

Следует отметить, что прогнозируемое сокращение и старение рабочей силы в Российской Федерации может открыть новые возможности для трудовых мигрантов, работающих в качестве врачей, медсестер, ассистентов по уходу и предоставляющих другие социальные услуги, необходимые пожилым людям. Так как эти профессии, скорее всего, будут востребованы женщинами, гендерный баланс мигрантов из Центральной Азии, работающих в Российской Федерации, может стать гораздо ближе к среднемировому соотношению 50/50, чем тот баланс, который наблюдается сегодня [25, с. 38].

В последние годы происходит тенденция «омоложения» потока трудовых мигрантов в Россию: в 2000 г. доля самой молодой группы (18–29 лет) составляла четверть от всего потока трудовых мигрантов в Россию, начиная с 2007 г. возрастная группа от 18 до 29 лет

стала преобладать над группой от 30 до 39 лет. В 2014 г. на данные возрастные группы приходилось около 54 % (313 244 тыс. чел.) общего потока иностранных трудовых мигрантов в Россию: 176 750 (30,5 %) и 136 494 (23,5 %) тыс. чел. соответственно. Это свидетельствует о том, что в странах происхождения в трудовую миграцию вовлекаются новые социальные группы – молодежь, получившая среднее и высшее образование [26].

По сравнению со структурой населения России возрастная структура иммигрантов более молодая (в 2014 г. почти 82,8 % иммигрантов составляли лица трудоспособного возраста, тогда как среди населения России в целом лиц трудоспособного возраста около 59,2 %).

Основная масса въезжающих в Россию в 2014 г. иностранных граждан по цели поездки отнесена к категории «в связи с работой» (187 500 тыс. чел.) и «по причинам личного, семейного характера» (200 153 тыс. чел.), среди последних «в связи с переменой места работы супруга(и)», «в связи с вступлением в брак», «к родителям», «к детям» и др. [16].

Удельный вес мигрантов с высшим образованием, впервые прибывших в РФ, снизился с 16,7 % в 2010 г. до 14,01 % в 2014 г. (см. таблицу 3). Аналогичная тенденция прослеживается в отношении мигрантов со специальным средним (профессионально-техническим) образованием, впервые прибывших в РФ: их доля снизилась с 23,5 % в 2010 г. до 21,3 % в 2014 г. Также снизился удельный вес рабочих, имеющих только общее среднее образование (с 33,7 до 29,4 %) и только начальное образование (с 2,3 до 1,9 %).

На российском рынке наблюдается массовая занятость иностранцев в неквалифицированном сегменте. Так, доля иностранных работников, официально занятых в качестве неквалифицированных рабочих, в 2012 г. составила 31 % от всех работавших иностранных граждан. Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что мигранты из стран СНГ и других стран, как правило, заняты на работах, предполагающих более низкий уровень квалификации, чем тот, которым они обладают, и могут не иметь возможности в полной мере использовать свои навыки, образование или квалификации. Заметно снижение уровня владения мигрантами русским языком при общении в бытовой сфере. Спрос на труд мигрантов в Российской Федерации может

Таблица 3. Распределение внешних трудовых мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования, тыс. чел.

Год	Число прибывших	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Среднее общее (полное)	Начальное общее
2010	175 590	29 495	41 286	59 299	4 149
2011	333 086	47 676	69 113	94 643	6 242
2012	390 433	56 383	85 441	112 584	7 296
2013	451 919	58 598	95 941	145 624	7 251
2014	539 743	75 655	115 034	158 968	10 619

возрастать по тем видам работ, которые ввиду неквалифицированного, сложного и опасного характера являются непривлекательными для российских рабочих. Например, такая ситуация находит отражение в отраслевом распределении разрешений на осуществление трудовой деятельности (квот), выданных мигрантам из Центральной Азии российскими властями в 2012–2014 гг. Около 70 % разрешений были выданы мигрантам на выполнение работ по рабочим специальностям в строительстве и добывающих отраслях (33 %), трудящимся-мигрантам с низким уровнем квалификации (21 %), а также мигрантам для работы в качестве операторов станков и механиков (14 %) (сравнительно нетехнологичный труд в промышленности). На фоне снижения доли занятых в торговле (с 13 % в 2009 г. до 9 % в 2012 г.) заметно выросла занятость иностранных работников в сфере услуг – с 4 % в 2009 г. до 17 % в 2012 г.

Высококвалифицированные работники, такие как менеджеры (8 %) и агрономы (6 %), составляют относительно небольшую долю от общей численности мигрантов из стран Центральной Азии в России [27, с. 43–44]. Реально оценить квалификационный состав трудовых мигрантов достаточно сложно, поскольку многие из них работают не по своей специальности и ФМС России данные сведения не собирает.

Сравнивая отраслевую структуру занятости иностранных мигрантов (по уведомлениям работодателей, заключивших договоры с мигрантами из безвизовых стран в 2013 г.) с отраслевой структурой занятости российских граждан, можно увидеть существенную разницу в долях занятых в строительстве, в торговле и на транспорте. Процент россиян, занятых в строительстве, в 4,5 раза ниже по сравнению с мигрантами из СНГ (7,6 % от всех занятых россиян против 34 % мигрантов). В то же время доли россиян, занятых в торговле и на транспорте, наоборот, заметно выше: в торговле 18,4 % против 8 %, на транспорте 9,5 % против 4 %. В 2014 г. доля иностранных мигрантов, занятых на горных и горно-капитальных, на строительном-монтажных и ремонтно-строительных работах, составила 23 % и 26 % соответственно. Существенно отличается профессиональная структура занятости российского населения и иностранных мигрантов: доля руководителей среди россиян – 7 % (при 3 % среди иностранцев); квалифицированных рабочих различной специализации – 11 % (против 35 %); операторов, аппаратчиков и машинистов – 9 % (против 12 %); неквалифицированных рабочих, общих для всех отраслей экономики, – 8 % (против 26 %) [27, с. 40–41]. Отмечается, что трудящиеся-мигранты играют роль «буфера» на рынке труда России: они первыми теряют работу по мере снижения

спроса на рабочую силу в результате экономического спада.

Что касается высококвалифицированных мигрантов, получающих разрешения на работу, то среди них преобладают граждане из визовых стран. По данным 2012 г., на первом месте были мигранты из Китая (14 % от всех оформленных разрешений ВКС), на втором – мигранты из Турции (9 %), далее – мигранты из Западной Европы (Франции, Германии, Великобритании – на долю этих трех стран пришлось 20 % разрешений для высококвалифицированных специалистов) и США (5 %). В сегменте высококвалифицированных специалистов, прибывших из стран СНГ, более двух третей приходится на граждан Украины [28].

Иностранные трудовые мигранты по территории России распределяются неравномерно. Трудовые мигранты целенаправленно выбирают регионы, экономическое развитие которых происходит опережающими темпами по сравнению с остальной территорией Российской Федерации и в которых спрос на труд превышает его предложение местными работниками и число свободных вакансий превосходит численность безработных. Можно предположить, что важную роль играет величина средней заработной платы в регионе, а также наличие устойчивых мигрантских сетей.

В России происходит процесс формирования мигрантских ниш занятости, которые «привязываются» либо к определенному виду занятий и работ, постепенно заполняя эту нишу в разных районах города, либо к определенной территории (месту, району и т. п.), постепенно «завоевая» пространство и находящиеся на нем объекты занятости и городской инфраструктуры [29, с. 108]. В некоторых регионах внешняя миграция способствует ослаблению местных кадровых ресурсов. Территориальное распределение рабочей силы должно использоваться в целях сбалансированности рынка труда [30].

В тройку лидеров среди федеральных округов по численности официально работающих внешних мигрантов входят: Центральный (11–14 % в общей численности занятых мигрантов), Северо-Западный (10–13 %) и Уральский (6–8 %) федеральные округа. Необходимо добавить, что в среднем по России оценочная максимальная доля работающих внешних мигрантов составляет около 9 % в общей численности занятого российского населения. Тройка лидеров по оформлению патентов для работы у физических лиц в 2013 г. выглядит немного иначе: на первом месте, с огромным отрывом, Центральный округ (756 тыс.), на втором и третьем – Сибирский (208 тыс.) и Приволжский (161 тыс.), далее Южный (110 тыс.), Северо-Западный (107 тыс.), Уральский (95 тыс.).

Больше половины официально работающих мигрантов устойчиво, на протяжении нескольких лет, концентрируется в пяти регионах: Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область (в миграционной статистике они рассматриваются как единое целое), Краснодарский край и Ханты-Мансийский автономный округ. К пятерке лидеров приближаются такие активно развивающиеся регионы, как Калужская область, Приморский край, Ямало-Ненецкий автономный округ [29, с. 43–45].

Численность иностранных мигрантов, работающих по различным видам документов в 2013 г., показана в таблице 4 [31].

Нельзя обойти вниманием тот факт, что продолжают оставаться острыми проблемы с внешней незаконной миграцией. По приблизительным оценкам, в том числе и ФМС России, ежегодно в Российской Федерации осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения от 3 до 5 млн иностранных граждан. Главным стимулом к найму нелегальных трудящихся-мигрантов является то, что они представляют собой для предпринимателей самую дешевую и бесправную рабочую силу. Более того, они выгодны и для отдельных предпринимателей, и для государства, поскольку являются «чистыми налогоплательщиками».

В целях противодействия нелегальной миграции используют институты административного выдворения и депортации (принудительной высылки), а также реализацию соглашений о реадмиссии. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 524-ФЗ «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию"» установил беспрецедентно жесткие сроки запрета на въезд в Российскую Федерацию для лиц, нарушивших миграционное законодательство. ФМС России располагает государственной информационной системой миграционного учета – современным инструментом управления миграционными процессами, играющим исключительную роль в реализации положений новейшего законодательства. Прежде всего, это касается рычагов воздействия на нелегальных мигрантов, таких как закрытие въезда в страну нарушителям. В 2014 г. информационная система зафиксировала в России 2,8 млн нарушителей срока пребывания, с большой долей вероятности незаконно работающих. Впервые фиксируется снижение группы риска на 11 %. За двухлетний период применения въезд закрыт для более 1,2 млн

иностранцев, нарушивших законодательство. Такая практика коренным образом поменяла правосознание мигрантов. Выросла доля мигрантов, стоящих на миграционном учете, вслед за этим все большим спросом стали пользоваться разрешительные документы на работу, в частности патент. Кроме того, проводится обязательная дактилоскопическая регистрация трудовых мигрантов.

Реформирование миграционной политики не ограничивается только совершенствованием инструментов борьбы с нелегальной миграцией. Основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации определяются в «Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г.» (утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.). В Концепции отмечается, что за последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам, востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе. Миграционная привлекательность Российской Федерации по сравнению с другими странами, принимающими мигрантов, невысока и распространяется преимущественно на мигрантов новых поколений, прибывающих в РФ из стран СНГ. По сравнению с их предшественниками они обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки [1].

Совершенствованию российского миграционного законодательства способствовало принятие Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"», который заменил механизм квотирования разрешительным порядком осуществления мигрантами трудовой деятельности по патенту. Таким образом, упрощается процедура доступа на национальный рынок труда за счет фактической отмены системы квот и разрешений на работу и расширения системы патентов, которые дают право мигранту возможность найма как у физических, так и у юридических лиц. С января 2015 г. покупка персонального патента является новым условием для

Таблица 4. Численность иностранных мигрантов, работающих по различным видам документов в 2013 г., тыс. чел.

	Москва	Московская область	Санкт-Петербург и Ленинградская область	Краснодарский край	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
Оформившие разрешения на работу	285 900	108 307	293 661	67 010	40 632
Оформившие патенты	291 390	299 039	71 595	55 660	10 946
Оформившие разрешения как квалифицированные специалисты	15 395	5 999	59 009	4 387	926
Оформившие разрешения как высококвалифицированные специалисты	7 390	560	958	231	20

всех гастарбайтеров из стран СНГ, въезжающих в Россию без визы.

Следует подчеркнуть, что Совету Федерации совместно с ФМС России пришлось участвовать в решении целого комплекса задач, связанных не только с совершенствованием миграционной политики, но и с реагированием на последствия политического кризиса и гражданской войны на Украине.

Итак, перечисленные новые подходы к регулированию миграционных процессов на фоне сложившейся в России экономической ситуации могут сыграть позитивную роль. Падение курса рубля во многом уменьшило интерес к работе в России традиционных малоквалифицированных трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Это обстоятельство, с одной стороны, оставит в России только тех мигрантов, которые действительно нужны нашей экономике, и, с другой стороны, подстегнет российских работодателей больше ориентироваться на внутренние трудовые ресурсы.

В процессе анализа внешних миграционных процессов в Российской Федерации за последнее десятилетие установлено следующее:

– в связи с естественной убылью населения России внешняя трудовая миграция в ближайшие десятилетия станет почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов страны;

– структура миграционного притока в РФ выглядит следующим образом: около 80 % от въехавших составляют граждане СНГ (лидируют Украина, Узбекистан, Казахстан и Таджикистан); 8–10 % въехавших – граждане государств Европейского союза; остальные приходятся на Китай, США и другие страны мира;

– в половозрастной структуре иностранных трудовых мигрантов в России преобладают мужчины (около 90 %), причем подавляющая их часть – в возрасте от 18 до 39 лет (около 80 % всех мужчин-мигрантов);

– возрастная структура иммигрантов, по сравнению со структурой населения России, более молодая (в 2014 г. почти 82,8 % иммигрантов приходилось на лиц трудоспособного возраста, тогда как среди населения России в целом лиц трудоспособного возраста около 59,2 %);

– мигранты новых поколений, прибывающие в РФ из стран СНГ, по сравнению с их предшественниками обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки;

– сравнивая отраслевую структуру занятости иностранных граждан с отраслевой структурой занятости российских граждан, можно увидеть, что процент россиян, занятых в строительстве, в 4,5 раза ниже по сравнению с мигрантами из СНГ, а доли россиян, занятых в торговле (18,4 % против 8 %) и на транспорте (9,5 % против 4 %), наоборот, заметно выше;

– среди высококвалифицированных мигрантов, получающих разрешения на работу, преобладают граждане из визовых стран (Китай, Турция, страны Западной Европы);

– иммигранты (за исключением высококвалифицированных специалистов) не влияют на уровень безработицы среди коренного населения в связи с тем, что занимают рабочие места, не востребованные местными жителями; они выполняют «черную работу», содейст-

вуя улучшению социально-статусной структуры занятости в стране;

– в тройку лидеров среди федеральных округов по численности официально работающих внешних мигрантов входят: Центральный (11–14 % в общей численности занятых мигрантов), Северо-Западный (10–13 %) и Уральский (6–8 %) федеральные округа;

– больше половины официально работающих мигрантов концентрируются в пяти регионах: Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), Краснодарский край и Ханты-Мансийский автономный округ;

– миграционная политика в России фокусируется преимущественно на внешней трудовой миграции; совершенствование российского миграционного законодательства направлено на реализацию двух глобальных задач: 1) упрощение базовой процедуры доступа на национальный рынок труда за счет фактической отмены системы квот и разрешений на работу и расширения системы патентов, которые дают право мигранту возможность найма как у физических, так и у юридических лиц; 2) ужесточение контроля за соблюдением миграционного и трудового законодательства, включая ужесточение ответственности мигрантов и работодателей за нарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РФ. Президент. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. : утверждена 13.06.2012.
2. Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 347 с.
3. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.
4. Суздалева Т.Р. Миграционная политика как инструмент политических решений // Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование / Т.М. Бормотова [и др.]. М.: Этносоциум, 2015. С. 110–119.
5. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 347 с.
6. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 239 с.
7. Хореев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.
8. Чапек В.Н. Миграция и стабилизация трудовых ресурсов села. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1983. 143 с.
9. Данилова И.А. Процессы миграции населения в России за 1950–1991 гг. и их оценка // Известия Русского географического общества. 1994. № 3. С. 51–57.
10. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: МГУ, 1999. 470 с.
11. Зайончковская Ж.А. Россия: миграция в разном масштабе времени. М.: Центр изуч. пробл. вынужд. миграции в СНГ, 1999. 68 с.
12. Тощенко Ж.Т. Социология труда. М.: Юнити-Дана, 2008. 423 с.
13. Немерюк Е.Е. Миграция в процессе формирования современного российского рынка труда : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2007. 40 с.

14. Рябова Е.Л., Радченко А.Ф. Управленческая функция политического прогнозирования миграции в демографических процессах России // Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование / Т.М. Бормотова [и др.]. М.: Этносоциум, 2015. С. 88–109.
15. ООН. Генеральная Ассамблея. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей : принята резолюцией 45/158 от 18.12.1990.
16. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году : статистический бюллетень. М.: Росстат, 2015. 115 с.
17. РФ. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» : федеральный закон № 2-ФЗ от 06.01.2007.
18. РФ. Правительство. О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : постановление № 9 от 15.01.2007.
19. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Дело, 2015. 108 с.
20. Федеральная миграционная служба РФ. URL: fms.gov.ru.
21. РФ. Правительство. Об определении потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2016 год : постановление № 1359 от 12.12.2015.
22. Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: rosmintrud.ru/employment/71/298.
23. Мигранян А.А. Миграция в странах единого экономического пространства // Труд и социальные отношения. 2014. № 3. С. 58–72.
24. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 543 с.
25. Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии. М.: Eurasian Development Bank, 2015. 81 с.
26. Миграция и миграционная политика Российской Федерации / под ред. С.В. Рязанцева. М.: Ин-т социально-полит. исследований, 2011. 167 с.
27. Малева Т.М., Кириллова М.К., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Ляшок В. Комплексное исследование региональных рынков труда: структурные дисбалансы и поведение участников. Мониторинг заработной платы, опыт реформирования системы оплаты труда работников бюджетной сферы. М.: Рос. акад. народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, 2015. 69 с.
28. Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Временные трудовые мигранты в России // Демоскоп-Weekly. 2013. № 579-580.
29. Методология и методы изучения миграционных процессов. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
30. Иванова Т.Н. Региональные особенности социально-трудовой мобильности молодежи (эмпирический анализ) // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № 10. С. 81–85.
31. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году : статистический бюллетень. М.: Росстат, 2015. 115 с.

REFERENCES

1. RF. President. *Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation through to 2025*, 2012. (In Russian).
2. Yudina T.N. *Migratsionnye protsessy: teoriya, metodologiya i praktika sotsiologicheskogo issledovaniya*. Diss. dokt. sotsiol. nauk [Migration processes: theory, methodology and practice of sociological research]. Moscow, 2004. 347 p.
3. *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Demographic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1985. 608 p.
4. Suzdaleva T.R. Migration policy as an instrument for making political decisions. Bormotova T.M. et al. *Upravlenie migratsionnymi protsessami sovremennoy Rossii: politicheskoe prognozirovaniye*. Moscow, Etnosotsium Publ., 2015, pp. 110–119.
5. Zaslavskaya T.I., ed. *Migratsiya selskogo naseleniya* [The migration of the rural population]. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 347 p.
6. Rybakovsky L.L. *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Migration (theory questions)]. Moscow, ISPI RAN Publ., 2003. 239 p.
7. Khoreev B.S., Chapek V.N. *Problemy izucheniya migratsii naseleniya* [Problems of studying of migration]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 254 p.
8. Chapek V.N. *Migratsiya i stabilizatsii trudovoykh resursov sela* [Migration and stabilization of rural labour force]. Rostov-na-Donu, Rostovskiy universitet Publ., 1983. 143 p.
9. Danilova I.A. Processes of the population migration in Russia for the period from 1950 till 1991 and their assessment. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1994, no. 3, pp. 51–57.
10. Iontsev V.A. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International migration of population: theory and history of research]. Moscow, MGU Publ., 1999. 470 p.
11. Zayonchkovskaya Zh.A. *Rossiya: migratsiya v raznom masshtabe vremeni* [Russia: migration at time scale]. Moscow, Tsentr izucheniya problem vyzhdennoy migratsii v SNG Publ., 1999. 68 p.
12. Toshchenko Zh.T. *Sotsiologiya truda* [Labour sociology]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2008. 423 p.
13. Nemeryuk E.E. *Migratsiya v protsesse formirovaniya sovremennogo rossiyskogo rynka truda*. Avtoref. diss. dokt. sotsiol. nauk. [Migration in the formation process of modern Russian labour market]. Saratov, 2007. 40 p.
14. Ryabova E.L., Radchenko A.F. Management function of migration political forecasting in demographic processes of Russia. Bormotova T.M. et al. *Upravlenie migratsionnymi protsessami sovremennoy Rossii: politicheskoe prognozirovaniye*. Moscow, Etnosotsium Publ., 2015, pp. 88–109.
15. *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families*.

- Adopted by General Assembly resolution 45/158 of 18 December 1990.
16. *Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 2014 godu* [Number and migration of the population of the Russian Federation in 2014]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 115 p.
 17. RF. Federal Law "On Amending the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" and the Repeal of certain provisions of the Federal Law "On amendments and additions to some legislative acts of the Russian Federation", no. 2 FZ, January 6, 2007. (In Russian).
 18. RF Government Order "On the procedure for migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation", no. 9, January 15, 2007. (In Russian).
 19. Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and the labor market]. Moscow, Delo Publ., 2015. 108 p.
 20. Federal Migration Service of the Russian Federation. URL: fms.gov.ru.
 21. RF Government Order "On determining the need for involvement to the Russian Federation of foreign workers arriving in the Russian Federation on the basis of visas, including the priority professional and qualification groups, and approval of quotas for 2016", no. 1359, December 12, 2015. (In Russian).
 22. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. URL: rosmintud.ru/employment/71/298.
 23. Migranyan A.A. Migration in the common economic space country. *Trud i sotsialnye otnosheniya*, 2014, no. 3, pp. 58–72.
 24. *Kratkiy statisticheskiy sbornik* [Short statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 543 p.
 25. *Trudovaya migratsiya, denezhnye perevody i chelovecheskoe razvitie v stranakh Tsentralnoy Azii* [Labour migration, money transactions and human development in Central Asia]. Moscow, Eurasian Development Bank, 2015. 81 p.
 26. Ryazantsev S.V., ed. *Migratsiya i migratsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii* [Migration and migration policy of the Russian Federation]. Moscow, Institut sotsialno-politicheskikh issledovaniy Publ., 2011. 167 p.
 27. Maleva T.M., Kirillova M.K., Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F., Lyashok V. *Kompleksnoe issledovanie regionalnykh rynkov truda: strukturnye disbalansy i povedenie uchastnikov. Monitoring zarabotnoy platy, opyt reformirovaniya sistemy oplaty truda rabotnikov byudzhethnoy sfery* [Complex study of regional labor markets: structural imbalances and participants behavior. Monitoring of the labor remuneration, experience of reforming compensation system for the public servants]. Moscow, Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF Publ., 2015. 69 p.
 28. Chudinovskikh O., Denisenko M., Mkrtychyan N. Temporary migrant workers in Russia. *Demoskop-Weekly*, 2013, no. 579-580.
 29. *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov* [Methodology and ways to study migration processes]. Moscow, Tsentr migratsionnykh issledovaniy Publ., 2007. 370 p.
 30. Ivanova T.N. Regional features of socio-labour youth mobility: empirical analysis. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*, 2014, no. 10, pp. 81–85.
 31. *Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 2014 godu* [Number and migration of the population of the Russian Federation in 2014]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 115 p.

EXTERNAL LABOUR MIGRATION AS A FACTOR OF HUMAN DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2016

A.A. *Mamedov*, postgraduate student of Chair "Theory and history of sociology" of Department of sociology, economics and law
Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia)

Keywords: migration; external labour migration; migration processes; migration inflow structure, migration policy.

Abstract: The paper presents a comprehensive analysis of external labour migration from neighboring countries, prospects and problems of its regulation in the Russian Federation. The author emphasizes the role of migration processes in the socio-economic and socio-political life of our country, their influence on the demographic situation as a labor replenishment source, the development of production, the labor market, as well as socio-economic characteristics of the living standards. There is no doubt that compensation for the loss of working-age population only by increasing productivity, economic restructuring and engaging economically inactive population (housewives, pensioners, and disabled) onto the labor market is not possible. In this regard, it becomes apparent that in the next decade Russia will have to use foreign labor force incrementally. As the statistical analysis shows, a high concentration of migrant workers, as a rule, does not exceed the unemployment rate among the local population, as they take jobs that are not popular among the locals, and even contributes to the improvement of social and status structure of employment in the country. As for the state policy in relation to foreign migrant workers, in accordance with the Conception of the long-term socio-economic development of the Russian Federation, till 2020 its priority areas are: attracting skilled foreign specialists, creation of civilized working conditions and life of migrants in Russia, and protection of their civil rights. Thus, it becomes clear that in market economy conditions along with negative demographic processes, external labor migration is becoming one of the most important strategic factors in the development of Russia's human potential.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО

© 2016

М.Ю. Михайлова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: функционально-семантическая категория; семантика невыразимого; мотив невыразимого; языковая мода.

Аннотация: Семантика невыразимого в статье определена как функционально-семантическая категория, обладающая самостоятельным значением и планом выражения – полем невыразимого; дается краткий обзор ее изучения в лингвистике; показано, что это объективно-субъективное значение русского языка. Денотативная область семантики невыразимого состоит из константных и переменных сфер. Константных сфер две: внутренний мир человека и мир запредельного. Показано, что в первой из константных сфер наблюдается экспансия элементов поля невыразимого, в результате чего осуществляется пересечение поля невыразимого с полем семантики предельно высокой концентрации качества. Денотативная сфера «внутренний мир человека» в XXI в. пополнилась сегментом внутрителесных ощущений. Показано, что элементы второй константной денотативной сферы семантики невыразимого «мир запредельного» в настоящее время теряют в частотности, сохраняясь в основном в языке художественной литературы. При этом во многих употреблениях элементов этой сферы наблюдается профанирование и пародирование изначально высоких смыслов. Что касается переменных сфер денотативной области семантики невыразимого, то языковые единицы невыразимого соотносятся с различными предметами в широком понимании, качествами и явлениями, применимы по отношению ко всему феноменальному – чувственно воспринимаемому и по отношению к ноуменальному – умопостигаемому, но не наблюдаемому. В частности, элементы поля невыразимого возникают в процессе оперирования неосвоенными мышлением рациональными концептами. Элемент семантики невыразимого «выразить невыразимое» как представитель константных сфер является языковой манифестацией теории немецких романтиков; на русской почве в определенные периоды времени становился элементом языковой моды в художественной литературе: русской лирике XIX в., символизме начала XX в., творчестве ОБЭРИУтов, современном русском постмодернизме. На примере творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова показано, что модный элемент художественного дискурса XIX в. «выразить невыразимое» мог оказаться востребованным или невостребованным в силу индивидуальных предпочтений мастера слова.

Данная работа выполнена в русле нашего исследования семантики невыразимого (СН). СН в русском языке не была еще предметом специального изучения, хотя в различных исследовательских парадигмах содержатся многочисленные попутные характеристики этого языкового феномена. Г.С. Сырица описывает СН в этнокультурном аспекте [1]. Е.П. Иванян пишет о СН, противопоставляя ее семантике умолчания [2]. В.В. Бабайцева говорит о невыразимых смыслах, характеризуя омок-комплекс *это* [3]. В.Г. Гак исследует способы отображения сокровенного смысла в «экстериоризации переживаний субъекта» [4, с. 84]. Подробный обзор изучения значения невыразимого в разных науках осуществлен нами в [5].

Мы исследуем СН в русле функциональной лингвистики как функционально-семантическую категорию с самостоятельным планом содержания и иерархически организованным планом выражения – полем семантики невыразимого. Цель настоящей статьи – осуществить характеристику специфики денотативной области СН.

Как показал языковой анализ, в целом языковые единицы СН соотносятся с различными предметами в широком понимании, качествами и явлениями, применимы как по отношению ко всему феноменальному – чувственно воспринимаемому, так и по отношению к ноуменальному – умопостигаемому, но не наблюдаемому. В свете сказанного можно говорить о константных и переменных денотативных сферах, составляющих денотативную область анализируемой семантики.

Константными денотативными сферами являются: 1) внутренний мир человека (мысли и чувства) и 2) то, что находится за пределами мира феноменального, не познается органами чувств – мир запредельного. Г.С. Сырица отмечает: «Рационально не постигаемое начало мира находит отражение в природе и во внутреннем мире человека» [1, с. 294].

Внутренний мир человека при помощи элементов поля невыразимого предстает «как некая значимая субстанция, сущность которой передается субстантиватами: «*Неизъяснимое свершится*» (А.С. Грибоедов «Грузинская ночь»); «*Слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое*» (Н.В. Гоголь «Скульптура, живопись и музыка»)» [1, с. 294]. Применительно к СН ученые говорят об «экстериоризации переживаний субъекта» [4, с. 489].

В настоящее время в русском языке и речи наблюдается экспансия элементов поля невыразимого, ориентированных на внутренний мир человека. Результатом этого процесса является расширение зоны периферии СН, в которой происходит пересечение с семантикой предельно высокой концентрации качества, например: *Слов нет, как без тебя скачу!*

В языковом средстве СН из приведенного примера помимо компонента ‘не могу выразить’ содержится компонент-интенсификатор ‘очень сильно’. На то, что языковые единицы СН в определенных случаях способны передавать значение интенсификации, указывается в работах [1; 6].

Денотативная сфера СН «внутренний мир человека» всегда составляла описание чувств, эмоций, мыслей,

см. пример из русской народной сказки: «Царевич *не-сказанно обрадовался, взял ее за руку, повел к отцу, к матери*» («Волшебное зеркальце»). Ср. с другим примером, в котором невыразимыми представлены размышления героя: «Он мрачно оделся, неохотно позавтракал, забыл прочитать газету и долго курил, погруженный в *невыразимый мир бесцельного напряжения; среди смутно возникающих слов бродили непризнанные желания, взаимно уничтожая себя равным усилием*» (А. Грин «Алые паруса»).

В настоящее время константная денотативная сфера СН русского языка «внутренний мир человека» расширяет свои границы, включая в свой состав ощущения. Ощущения как сферу невыразимого ученые рассматривают в аспекте наивной картины мира [7] и теории interoцепции – изучении внутрителесных ощущений [8]. Следовательно, среди элементов поля невыразимого в денотативной сфере «внутренний мир человека» происходит перераспределение приоритетов: то, что раньше было уделом описаний «жизни души» человека, то есть чувств и эмоций, сейчас все более вытесняется требованиями тела (ощущениями); тема тела активно вторгается во все сферы человеческой деятельности, «переписывает» по-новому культурные приоритеты, проявляется и в такой специфичной проблеме, как бытование СН в русском дискурсе. Заметим: сегмент внутрителесных ощущений в денотативной сфере СН «внутренний мир человека» осознается в русском дискурсе только с XXI в.

С другой стороны, элементы константной денотативной сферы СН «мир запредельного, инобытия» в настоящее время теряют в своей частотности; их бытование поддерживается в основном художественной литературой – «сферой продуцирования невыразимых смыслов» [1, с. 294]. При этом во многих употреблении элементов поля невыразимого наблюдается десакрализация, профанирование, а то и пародирование изначально высоких смыслов, например, в творчестве Ю. Буйды, В. Пелевина и др.

Переменными сферами денотативной области СН следует признать все остальные: говорящий на свое усмотрение может отметить как невыразимое тот или иной предмет речи, например: *Я понимаю, как решать эту задачу, но не могу это выразить*. СН способна проявиться в процессе оперирования неосвоенными мышлением рациональными концептами. Так, например, когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно изображают руками незамысловатые фигуры, что свидетельствует о незнании логического рационального концепта и попытке передать образное ядро концепта [9, с. 28–29]. В приведенном воронежскими учеными примере СН передается паралингвистическими средствами – жестами.

В целом, СН в русском языке – это объективно-субъективное значение. Будучи объективной, она отражает объективную констатацию невыразимости предмета речи. Будучи субъективной, СН отмечает невыразимость предмета, признака, признака признака, действия, образа действия, места или ситуации в целом с позиции говорящего и по его воле. Применительно к денотативным сферам семантики невыразимого заметим, что сфере «запредельного, инобытия» более характерен отражательный, объективный характер, тогда как

сфере «внутренний мир человека» более свойственен субъективный, интерпретационный характер.

Элементы константных денотативных сфер СН в тот или иной исторический период способны стать приметами времени, доминировать в дискурсе художественной литературы, явившись фактом языковой моды. Языковая мода представляет собой языковые предпочтения и оценки, актуальный и престижный образец речевого поведения, который признается привлекательным в данном обществе в данное время. Языковая мода – это проявление языкового вкуса эпохи, последний определяется историческими, социальными и культурными факторами. Оба понятия обладают исторической изменчивостью. Как отмечал Н.М. Карамзин, «вкус изменяется и в людях и в народах» [10, с. 236]. Изменения обусловлены тем, что, согласно внутренним атрибутивным ценностям моды, фундаментальной ценностью в структуре моды является ориентация социума на новизну [11, с. 18].

Исследователи языковой моды применяют это понятие к разным языковым явлениям: речевому этикету [12–14], произносительным нормам [15]; новым словам [16–18]; исследуют политический дискурс или семиотический аспект языковой моды [19, с. 84–85]; изучают языковую моду в художественном дискурсе [20]. Теория языковой моды в настоящее время находится на стадии формирования. Но уже сейчас лингвисты отмечают, что этот языковой феномен несводим к понятию модных слов [21].

В процессе распространения, восприятия и усвоения языковых «мод» происходит их реинтерпретация в соответствии с собственными денотативными («внешними») ценностями воспринимающих эти «моды» обществ, групп и индивидов, как определила Е.В. Клепач. Языковые моды, с одной стороны, усваиваются, с другой – модифицируются в зависимости от глубинных социальных, культурных и психических структур, в которые они включаются [22].

Мы солидаризируемся с позицией Ю.В. Бичай, отмечающей, что вопреки повседневному словоупотреблению, мода принадлежит прежде всего не миру слов, фраз, жестов и вещей, а миру людей. Фразы и вещи сами по себе не меняются под влиянием моды; их изменяют люди, приписывающие им значения. мода касается самых различных сторон жизни, сознания и поведения человека, культуры и языка массовых сообществ [22]. Для адекватного изучения феномена языковой моды исследователь предлагает создать теоретическую модель структуры данного понятия, основанную на идеализации как форме научного абстрагирования.

Применительно к нашему предмету исследования возможно говорить об идеях, которые манифестируются СН и маркируются как модные. Так, в определенный период времени в российской социально-культурной среде стали актуальными (модными) идеи немецкого романтизма, в частности лозунг йенских романтиков для мастеров слова – «выразить невыразимое». В XIX в. распространение лингвокультурных образцов вместе с идеями немецкого романтизма в России привело к тому, что в русской поэзии идея «выразить невыразимое» раскрылась в самобытной интерпретации. Многие элементы поля невыразимого покорили умы читателей русской лирики XIX в., закрепились в русском дискурсе

в качестве интертекстем: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои» (Ф.И. Тютчев “Silentium!”); «Невыразимое подвластно ль выраженью?..» (В.А. Жуковский «Невыразимое»).

Традиции немецких романтиков на русской почве испытали существенную модификацию, они отражены творческим талантом В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и многих других. Обзоры распространения теоретико-эстетических образцов йенских романтиков, представления о назначении поэта – «выразить невыразимое» даются во многих литературоведческих монографиях [6; 23]. Ученые отмечают, что мотив невыразимого явился одним из самых репрезентативных для русской романтической картины мира [24, с. 4]. Исследовав мотив невыразимого на материале романтической поэзии XIX в., В.И. Абрамова пришла к выводу: эволюционируя, романтическая картина мира в аспекте мотива невыразимого «движется» по пути потери целостности, разрушения связей между входящими в нее элементами к новому обретению целостности при ином соотношении составляющих [24, с. 8].

Для нашего исследования существенным является тот факт, что языковая мода на применение элементов поля невыразимого достигла пика в русской романтической поэзии XIX в., потом пошла на спад. В XX в. в творчестве русских символистов вновь стал модным лозунг романтиков «выразить невыразимое». Теоретик символизма Вяч. Иванов провозгласил, что поэзия есть тайнопись неизреченного [25]. Идея поэтов «выразить невыразимое» испытала модификацию в творчестве ОБЭРИУтов: осуществив разрыв отношений между искусством и жизнью, ОБЭРИУты стремились, не выразить невыразимое, а продемонстрировать невозможность этого [26]. Идея «выразить невыразимое», потеряв атрибутивный признак новизны в начале XX в., возродилась в современном русском постмодернизме, пародировании эстетики невыразимого в творчестве В. Пелевина, Дм. Емца и др.

Языковая мода не только характеризует изменения в коммуникативной деятельности общества, но и обнаруживает зависимость от воспринимающих эту моду языковых групп или индивидов. Так, согласно глубокому исследованию Е.Г. Эткинда, «Пушкин прошел мимо "Невыразимого"». «Разумеется, и Пушкину был свойствен культ поэтической тайны, однако загадочность отнюдь не была следствием бессилия что-либо выразить» [6, с. 82]. Напротив, «Лермонтов же усвоил учение немецких романтиков о «невыразимости», о бессилии рационального слова» [6, с. 112].

Очевидно, что реинтерпретация романтической идеи невыразимости поэтического чувства и мира инобытия совпала с денотативными ценностями лирического героя М.Ю. Лермонтова, тогда как для лирического героя А.С. Пушкина проблема йенских романтиков «выразить невыразимое» вызвала позыв к пародированию. Так, персонаж романа «Евгений Онегин» Ленский «шел разлуку и печаль, / И нечто, и туманну даль ...». Такая характеристика поэзии Ленского является вышучиванием идеи немецких романтиков «выразить невыразимое». В целом заметим, что изучение СН в аспекте языковой моды носит сугубо предварительный характер и нуждается в дополнительных исследованиях.

Таким образом, специфика денотативной области СН проявляется в ее константных (внутренний мир человека и мир запредельного) и переменных (всех других) сферах; константная денотативная сфера обнаруживает экспансию средств выражения; элемент константной денотативной сферы СН «выразить невыразимое» формировал языковую моду в русском художественном дискурсе разных литературных направлений, но и зависел от индивидуальных предпочтений мастера слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГОУ, 2009. С. 294–295.
2. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М.: ФЛИНТА, 2015. 328 с.
3. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М.: ФЛИНТА, 2014. 168 с.
4. Гак В.Г. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 489–496.
5. Михайлова М.Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // Вестник Башкирского государственного университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1072–1079.
6. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: очерки психопэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Языки русской культуры, 1998. 448 с.
7. Пименова М.В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24. № 4-2. С. 352–360.
8. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутри телесных ощущений. М.: Эдиториал УРСС, 2014. 320 с.
9. Попова З.Д., Стернин А.И. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
10. Карамзин Н.М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии. 5 декабря 1818 // Избранные сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 233–242.
11. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: КД Университет, 2013. 160 с.
12. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008. 145 с.
13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
14. Крылова О.А. Нормативный консерватизм против языковой моды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 9–14.
15. Ганиев Ж.В. О моде в произношении // Язык и общество: межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов: Саратовский ун-т, 1977. С. 97–108.
16. Мустайоки А., Вепрева Т.И. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.

17. Журавлёва Н.Г. Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 20 с.
 18. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Языки Славянской Культуры, 2008. 320 с.
 19. Врублевская О.В. К трактовке понятия *языковая мода* в современной лингвистике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-1. С. 84–88.
 20. Рипяхова М.М. Характеристика языковой моды в художественном дискурсе: модные жанры // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. 2014. № 1. С. 101–107.
 21. Бичай Ю.В. Атрибутивные компоненты языковой моды // Вестник Днепропетровского университета. 2007. Т. 1. С. 27–33.
 22. Клепач Е.В. Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 17 с.
 23. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, 1996. 230 с.
 24. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 233 с.
 25. Иванов Вяч. Заветы символизма // Собрание сочинений. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. С. 588–603.
 26. Тернова Т.А. ОБЭРИУ: история, эстетическая практика (проект главы учебного пособия «История русской литературы XX в.») // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 12. С. 64–73.
- REFERENCES**
1. Syritsa G.S. Semantics of inexpressible as the ethnocultural phenomenon. *Slavyanskije yazyki i kultura v sovremennom mire*. Moscow, MGOU Publ., 2009, pp. 294–295.
 2. Ivanyan E.P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke* [The semantics of the default and the means of its expression in the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., 2015. 328 p.
 3. Babaytseva V.V. *Mestoimenie eto i ego funktsionalnye otonimy* [The pronoun *it* and its functional homonyms]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 168 p.
 4. Gak V.G. Showing hidden meaning. *Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kultura: sb. st.* Moscow, Yazyki slavyanskoy kulturey Publ., 2004, pp. 489–496.
 5. Mikhaylova M.Yu. Semantics of inexpressible studies: topical issues. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 1072–1079.
 6. Etkind E.G. *“Vnutrenniy chelovek” i vneshnyaya rech: ocherki psikhopoetiki russkoy literatury XVIII–XIX vv.* [The “Inside Man” and external speech: essays on psychopoetics of the Russian literature of XVIII–XIX centuries]. Moscow, Yazyki russkoy kulturey Publ., 1998. 448 p.
 7. Pimenova M.V. Categorization of emotions in the naive picture of the world as a reflection of the Russian mentality. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2011, vol. 24, no. 4-2, pp. 352–360.
 8. Nagornaya A.V. *Diskurs nevyrazimogo. Verbalika vnutri telesnykh oshchushcheniy* [The discourse of the inexpressible. Verbalisation in body sensations]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 352 p.
 9. Popova Z.D., Sternin A.I. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 250 p.
 10. Karamzin N.M. Speech delivered at the ceremonial meeting of the Imperial Russian Academy. December 5, 1818. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. Vol. 2, pp. 233–242.
 11. Gofman A.B. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people. New fashion theory and fashion behavior]. Moscow, KD Universitet Publ., 2013. 160 p.
 12. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kulturey Publ., 2008. 145 p.
 13. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language taste of the era. From the observation of the speech practices of the media]. Sankt Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
 14. Krylova O.A. Normative conservatism against language fashion. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*, 2010, no. 3, pp. 9–14.
 15. Ganiev Zh.V. On the mode of pronunciation. *Yazyk i obshchestvo: mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik*. Saratov, Saratovskiy un-t Publ., 1977. Vyp. 4, pp. 97–108.
 16. Mustayoki A., Vepreva T.I. What is it, a fashionable word: the question of the language options of fashion. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2006, no. 2, pp. 45–62
 17. Zhuravleva N.G. *Fenomen “modnogo” slova: lingvopragmaticheskiy aspekt*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The phenomenon of “fashionable” word: linguopragmatic aspect]. Stavropol’, 2010. 20 p.
 18. Krysin L.P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoy leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kulturey Publ., 2008. 320 p.
 19. Vrublevskaya O.V. To the problem of interpreting the concept language fashion in modern linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1-1, pp. 84–88.
 20. Ripyakhova M.M. Characteristics of the language of fashion in the artistic discourse. *Filologicheskaya nauka v usloviyakh diversifikatsii obrazovaniya*, 2014, no. 1, pp. 101–107.
 21. Bichay Yu.V. Attribute components of the language of fashion. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta*, 2007, vol. 1, pp. 27–33.
 22. Klepach E.V. *Yazykovaya moda: evolyutsiya lingvokulturnykh form*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Language fashion: evolution linguocultural forms]. Moscow, 2000. 17 p.
 23. Zhirmunskiy V.M. *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and mod-

- ern mysticism]. Sankt Petersburg, Aksioma Publ., 1996. 230 p.
24. Abramova V.I. *Motiv "nevyrazimogo" v russkoy romanticheskoy kartine mira: ot V.A. Zhukovskogo k K.K. Sluchevskomu*. Diss. kand. filol. nauk [The motive of "inexpressible" in Russian romantic picture of the world: from the V.A. Zhukovsky to K.K. Sluchevsky]. Moscow, 2007. 233 p.
25. Ivanov Vyach. Covenants symbolism. *Sobranie sochineniy*. Bryussel', Foyer Oriental Chrétien Publ., 1974. Vol. 2, pp. 588–603.
26. Ternova T.A. OBERIU: history, aesthetic practices (draft chapter of textbook "History of Russian literature XX century"). *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2014, no. 12, pp. 64–73.

DENOTATIVE FIELD FEATURE OF SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE

© 2016

M.Yu. Mikhailova, PhD (Education), Associate Professor, assistant professor of Chair of Foreign Languages
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Keywords: functional and semantic category; semantics of inexpressible; motive of inexpressible; language fashion.

Abstract: The paper defines semantics of inexpressible as the functional and semantic category, which has an independent meaning and plan of expression – the field of inexpressible; presents a brief overview of its studies in linguistics. The work proves that it is an objective-subjective meaning of the Russian language. The denotative field of semantics of inexpressible consists of constant and variable spheres. There are two constant spheres: the inner world of a man and the world beyond. It is shown that the expansion of elements of the field of inexpressible is observed in the first of the constant spheres. As a result, the overlapping of the field of inexpressible and the field of semantics of an extremely high quality of concentration takes place. The denotative sphere "inner world of a human" in the 21st century was replenished with intracorporal segment. It is shown that the elements of the second constant denotative sphere of semantics of inexpressible "world of the beyond" become less frequent and remain mostly in the language of literature. At the same time, the use of the elements of this sphere implies profanation and mimicking of initially high meanings. As for the variable spheres of the denotative area of semantics of inexpressible, the linguistic units of inexpressible correlate with various objects in broad sense, qualities and phenomena, and are applicable with respect to everything phenomenal – the sensible, and in relation to the noumenal – intelligible, but not observed. In particular, the elements of the field of inexpressible arise when one is operating rational concepts by undeveloped thinking. The element of semantics of inexpressible "to express the inexpressible" is a linguistic manifestation of the theory of the German Romantics, as the representative of the constant spheres of the language. In the Russian language in certain periods of time it became a part of the linguistic fashion in literature: Russian lyrics of the 19th century, symbolism of the early 20th century, creativity of the members of the Real Art Association, and modern Russian post-modernism. Through the example of creativity of A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov, the author shows that the fashion element of the artistic discourse of the 19th century "to express the inexpressible" could have been popular or unclaimed due to the individual preferences of artist in words.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ: СУТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

© 2016

В.А. Никонов, аспирант кафедры правового обеспечения Института экономики и управления
Мичуринский государственный аграрный университет, Мичуринск (Россия)

Ключевые слова: социальная защищенность; социальная защита; социальная политика; социальное государство; социальный стандарт; социальные риски.

Аннотация: В статье анализируется феномен социальной защищенности. Рассмотрены различные подходы в понимании данного термина, его содержания и определении. Выявлены и обозначены наиболее острые проблемы и опасности (угрозы), которые снижают уровень социальной защищенности граждан России. Выделены и описаны характерные особенности, способствующие пониманию различий между терминами «социальная защита» и «социальная защищенность». На основе изучения источников установлен психологический аспект восприятия различными индивидуумами уровня своей защищенности, автор приходит к выводу о взаимосвязи данного аспекта восприятия с конкретными социально-экономическими условиями развития региона проживания индивидуума. В работе рассматривается круг вопросов, связанных с различными пониманиями определения уровня социальной защищенности граждан. Заслуживает внимания предложение автора о воплощении в реальность грамотной государственной политики в сфере реализации социальных льгот и гарантий как важнейшего направления в работе социально ориентированного государства. Автор обращает внимание на необходимость проведения реформ не только в социально-правовых отношениях, но и в иных социально значимых аспектах жизни гражданина.

Проводя анализ исследуемого материала, автор затрагивает тему состояния внутреннего комфорта человека, которое учитывается при выявлении социальной защищенности в результате социальной и духовно-нравственной политики государства, направленной на обеспечение нормальных условий жизнедеятельности человека, реализации его интеллектуального и профессионального потенциала. Используемые методы и источники, сделанные выводы, а также структура и содержание статьи свидетельствуют о творческом подходе автора к затронутым проблемам, проявленном аналитическом мышлении.

В последнее время многие политики нашей страны, чиновники и правозащитные организации все чаще стали обращать внимание на некую социальную напряженность, которая может возникнуть в обществе ввиду сложной экономической обстановки, вызванной санкциями ряда зарубежных стран. Весьма актуально на сегодняшний день звучат призывы обратить взор на дополнительную социальную поддержку населения и в первую очередь на его социальную защищенность.

Возможность для субъектов опираться на действующую структуру общества, формируя тем самым основы необходимых мер его фундаментального положения, которые проявляются в выдвигании и отстаивании своих нужд и потребностей, а также в улучшении своих социальных положений, принято называть социальной защищенностью.

Поскольку само понятие «социальная защищенность» в представлении многих людей весьма сложно и неоднозначно, то необходимо разобраться в сущности данного понятия, условиях и механизме его реализации. Вообще, защищенность – это состояние надежной безопасности, защиты от кого-либо, чего-либо [1, с. 545]. Применение данного термина к социальной среде предполагает более широкое его трактование, нежели просто безопасность в реализации своих естественных потребностей. Е.И. Середа разъясняет защищенность как «способность и умение человека охранять себя от опасности», отстаивать свои права, а также способность и умение других (граждан, государственных лиц) эту защиту ему обеспечить [2].

Человеку свойственно задумываться о своем положении в обществе и оценивать его и условия пребывания в нем. Давая некую оценку обществу как среде проживания, человек основывается на тех жизненных ценностях

и ориентирах, которые, по его мнению, являются ключевыми (оценивающими) факторами, естественно, применительно к конкретному историческому периоду.

Социальная защищенность – объективная социально-психологическая категория, поскольку, во-первых, представляет массово распространенную оценку общественных условий жизни и, во-вторых, формируется на базе конкретно-исторической социокультуры (т. е. отражает тот уровень цивилизованности, развитости, который достигнут обществом и устойчиво им воспроизводится на собственной основе). Она же позволяет определить и меру нарушения этих пределов, а тем самым и меру разрушения социальной защищенности как ценности [3, с. 210].

Необходимость социальной защищенности вытекает из наличия общественной потребности иметь в государстве систему законов, компенсирующих социальное несовершенство организации производства, материальных благ и их распределения. Подмечено, что в правовом регулировании большинства общественных отношений присутствует «социальный компонент». Поэтому, утверждает Э.Г. Тучкова, «право в целом должно быть социальным» [4].

Во многом это определяется социальной политикой государства. Социальная политика регулирует развитие социальной сферы общества, которая представляет собой совокупность отраслей, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние, потребление. Социальная сфера включает в себя главным образом социальное обеспечение, здравоохранение, образование, культуру и сферу услуг.

Основные цели социальной политики многим представляются именно в удовлетворении нужд общества,

не обеспеченных за счет рынка. Это, в частности, регулирование доходов, выплата пособий по безработице и инвалидности, пенсионное обеспечение, а также ликвидация несоответствий между доходами граждан и их потребностями, возникающих на определенных этапах цикла жизнедеятельности.

Первостепенной задачей государства по формированию зрелой социальной политики является налаживание всех механизмов по наиболее полному удовлетворению членами общества своих жизненных потребностей. Поддержка социальной стабильности и сплоченности граждан, проявляющаяся в предоставлении всех необходимых услуг в социальной сфере, в учете их потребностей, в формировании чувства социальной справедливости, – вот одна из ключевых задач социальной политики современного государства [5, с. 208]. Проявляя особое внимание к социальной политике в условиях экономического кризиса, правительство страны может снизить социальную напряженность в обществе, вызванную в первую очередь растущей безработицей, снижением уровня жизни и наступлением других социальных рисков.

Стоит отметить, что все предусмотренные государством меры (программы поддержки градообразующих предприятий, программы трудоустройства молодых специалистов, мониторинг увольнения работников и др.) часто подвергаются критике со стороны специалистов экономического блока, которые низко оценивают эффективность вливания огромных денежных средств в нерентабельные предприятия, подчеркивая неспособность государственных служб занятости справиться со своими задачами, указывая на неправильную организацию переподготовки кадров и крайнюю несостоятельность программ поддержки малого бизнеса.

Почему же значительные меры антикризисной поддержки государства зачастую не воспринимаются населением как эффективные? Практика показывает, что это главным образом связано с отсутствием жесткого контроля со стороны соответствующих органов за целевым и своевременным расходованием средств, а также с игнорированием важности социальных стандартов, присущих современному обществу.

Социальный стандарт – сложившееся представление большинства населения или той или иной общественной группы о приемлемом (нормальном) для них уровне и качестве жизни [1, с. 597]. Несмотря на то, что социальные стандарты могут иметь различный характер исполнения, государству присуще использовать их в качестве механизма управления социальным развитием, устанавливая правила их применения. Действующее законодательство предусматривает использование социальных стандартов в процессе управления социальной сферой.

Общество в процессе своего социально-экономического развития выдвигает соответствующие требования к уровню и качеству жизни, которые могут изменяться в зависимости от степени развития общества, а также принадлежности его представителей к определенной социальной прослойке.

Так, например, государственный социальный стандарт в сфере оплаты труда – это минимальный размер оплаты труда (МРОТ, с 1 июля 2016 года – 7500 рублей в месяц, ст. 1 Федерального закона от 02.06.2016

№ 164-ФЗ); в области пенсионного обеспечения – минимальный размер государственной пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца и т. д.; в области социальной защиты – государственные пособия по безработице, социальные пособия в рамках адресной помощи малоимущим и др.; в области образования – бесплатные услуги государственных и муниципальных образовательных учреждений и т. д.

Формальное отношение, а иногда и просто открытое игнорирование государством сложившихся на данном историческом периоде развития общества его социальных стандартов сводит на нет все начинания в социальной сфере. Для некоторых нормативно-правовых актов, закрепленных в различного рода документах законодательного характера по обеспечению экономических, политических, социальных и иных прав граждан нашего государства, в реальной жизни требуются определенные корректировки, обеспечивающие им большую эффективность применения. Успешное регулирование наиболее актуальных вопросов социальной сферы позволяет гражданам осознавать результативность государственных программ социальной поддержки. Именно поэтому необходимо своевременное и качественное обеспечение закрепленных законодательством прав, формирование эффективной защиты общественных ценностей и социальных стандартов современного здорового общества.

Регулярная деятельность (функция) общества (включая государство и иные субъекты общества) по обеспечению необходимой и достаточной (общественно нормальной) социальной защищенности называется социальной защитой [1, с. 598]. Одним из критериев эффективной политики социальной защиты является создание высокого уровня поддержки социальной защищенности.

Следуя логике, сутью социальной защиты является создание государством системы экономических, правовых и организационных мер, направленных на предотвращение или смягчение неблагоприятных последствий социальной среды, их отрицательного воздействия на людей. При этом социальная защита в различных случаях трансформируется по осуществляемым мерам: от обеспечения безопасности гражданина до оказания ему соответствующей поддержки (материальной, правовой и пр.). Е.В. Нечуйкина обозначает социальную защиту как «более конкретное понятие», которое сводится к социальной работе всех ветвей власти [6].

Диапазон направлений, по которым осуществляется социальная защита, расширялся по мере развития цивилизации. Важнейшими признаками социального государства являются максимально широкий диапазон социальной защиты и наличие эффективных механизмов, обеспечивающих ее. Основные требования, предъявляемые к социальному государству, заключены в «следующей триаде: социальная справедливость, социальное равенство, социальная защита, а одной из главных функций системы социального обеспечения является социальная защита населения» [7]. Как видно, социальная защита и социальная защищенность далеко не одно и то же, как нередко представляется и что даже вошло в официальный лексикон.

Социальная защищенность предполагает также надежную защиту от многих социальных опасностей

(рисков), возникающих по различным причинам в обществе и вне его, защиту непосредственно со стороны государства как организованной части общества. Своевременная защита от набирающих все большую интенсивность проявлений социальных рисков позволяет существенно повысить социальную защищенность.

Социальные риски выражаются в рисках и угрозах разрушения естественного социального положения, аномалии социальной нормы, одной или нескольких ее характеристик. Следует отметить, что данные риски появляются и существуют в нормальных условиях развития общества. До чрезвычайных ситуаций, как показывает мировой опыт, доводит пренебрежительное отношение к социальным опасностям со стороны органов власти. Многообразии социальных опасностей по мере воздействия их на человека позволяет классифицировать их на экономические (кризис, дефолт, инфляция, забастовки), психологические (угрозы, мошенничество, шантаж), опасности физического насилия (войны, вооруженные конфликты, терроризм, бандитизм, массовые беспорядки) и непреднамеренные опасности (стихийные бедствия, неурожай, эпидемии, несчастные случаи) [8, с. 28–32].

Отмечают также социальные опасности, вызванные низкой информационной защищенностью граждан, манипуляцией сознанием современными средствами массовой информации (пропаганда насилия, жестокости, аморального поведения и образа жизни и пр.). Защита от многочисленных социальных рисков является неотъемлемой частью формирования состояния надежной безопасности общества. Особенно это актуально сейчас, когда на фоне усиливающегося экономического кризиса проявляются различные стихийные бедствия и несчастные случаи. Человек, слабо социально защищенный от подобных рисков, способен впасть в отчаяние с худшими последствиями.

Так, оказавшись по ряду причин безработным, человек вдобавок ко всему может подвергнуться разгулу стихии. Подобные ситуации наблюдались в прошлом году в Хакасии, где бушевали пожары. Сотни людей лишились крова, единственного жилья. Конечно, сила воли способствует преодолению трудностей, однако помощь государства в данной ситуации расценивается уже как его необходимая обязанность. Социальные риски, возникающие в жилищной сфере, заслуживают особого внимания со стороны государства, поскольку, как пишет Н.А. Горелов, «отсутствие жилья и невозможность его заработать посредством трудового вклада деформирует всю систему потребностей, лишает работников стимулов к труду. Без реализаций гарантий на получение жилья право на труд, пенсионное обеспечение, отдых и т. д. во многом теряет свой смысл. Поэтому способствование реализации права человека на собственное жилье должно быть отнесено к числу важнейших социальных гарантий» [9, с. 11].

Обеспеченность благоустроенным жильем является для человека главным материальным условием жизнедеятельности. Невозможность самостоятельной реализации человеком этой потребности ставит под сомнение социальную программу государственной поддержки населения и выталкивает граждан за рамки жизненно важных стабилизирующих факторов развития (трудоустройство, создание семьи, приобретение имущества

и т. д.). Поддержка граждан со стороны государства в удовлетворении их потребностей в жилье способствует увеличению социальной защищенности населения.

Надо отметить, что публикаций на тему социальной защищенности населения в последнее время не так много. В своей статье, посвященной социальной защищенности населения России, М.А. Ласточкина выделяет многоплановость данного понятия, а также обращает внимание на его различные толкования в различных отраслях науки. Автор убедительно показывает необходимость учета объективных и субъективных признаков данного термина, подчеркивая, что если в первом случае социальная защищенность определяется экономической состоятельностью государства, то во втором – психологическим состоянием личности, вызванным его оценкой.

Ссылаясь на результаты социологических исследований, проводимых в различных регионах России, автор приводит ряд актуальных проблем, беспокоящих население. Среди них выделяются проблемы криминальной, социально-экономической и административной направленности. Заслуживает внимания упоминание автором статьи такого понятия, как коэффициент социальной защищенности. Анализируя показатели данного коэффициента в разных субъектах РФ, М.А. Ласточкина отмечает разницу в уровнях социальной защищенности граждан. Резюмируя, автор приходит к выводу, что социальная защищенность – это «обобщенная характеристика эффективности системы мер социальной защиты, деятельности органов государственного управления по реализации социальной политики, а также действенности и реальной осуществимости законодательно закрепленных социальных гарантий» [10].

Весьма полезными оказались результаты исследования И.А. Ушакова, который в результате изучения и анализа различных источников делает вывод, что социальная защищенность с позиции психологии есть атмосфера внутреннего комфорта, уверенности и минимизации тревожности. В своей работе он приводит мнение А.С. Макаренко о том, что социальная защищенность «представляет собой совокупность социальных и юридических гарантий, обеспечивающих каждому члену общества реализацию его важнейших социально-экономических прав, в том числе права на уровень жизни, необходимый для нормального воспроизводства». Обобщая различные мнения и подходы к определению социальной защищенности, автор заключает, что характеризовать данный термин следует как явление, процесс и результат. Так, для социальной защищенности как явления требуется открытость и прозрачность всех аспектов жизнедеятельности общества и человека, обоснованность и целесообразность социальных гарантий. Если подразумевать социальную защищенность как процесс, необходима последовательность действий, направленная на обучение человека своим правам и безопасности жизнедеятельности. Для третьего случая следует рассматривать некий достигнутый результат защищенности, а именно удовлетворение собственных потребностей, комфортности, самооценки [11].

Н.А. Горелов в конце 80-х гг. прошлого века отмечал, что должен быть выработан свой механизм функционирования, исходя из общих принципов повышения

социальной защищенности личности, предоставления свободы выбора, а также глубокой социальной дифференциации населения. Он писал: «Чрезвычайно важное значение для обеспечения социальной защищенности имеет создание нормальных условий для реализации личностного потенциала работника, превращение его в активного субъекта всей социально-экономической деятельности». Обращая внимание на необходимость идти от человека с его интересами, Н.А. Горелов настоятельно рекомендует не указывать человеку направления и объемы потребления материальных и духовных благ, а приводить социально-экономическую политику в соответствие с этими интересами [9, с. 11].

Данное мнение разделяют несколько авторов, в частности В.А. Шабашев и Е.А. Морозова, которые рекомендуют рассматривать социальную защищенность как «степень гарантированного обеспечения равного доступа граждан к определенному минимуму социальных благ». На их взгляд, такое определение показывает не только результативность мер, направленных на социальную защиту населения, уровень обеспечения его социальными правами, но и ощущение гарантии получения полагающихся услуг. Здесь авторы также подчеркивают факт сопряжения содержания категории «социальная защищенность» с такими понятиями, как «уровень жизни» и особенно «качество жизни» [12].

Очень часто социальную защищенность многие авторы видят в первую очередь как результат социально-экономических прав человека, выраженный в высоком уровне его благосостояния [13], в закреплении его определенного статуса [14]. Так, например, именно социальные права, по их мнению, обеспечивают человеку достойный уровень жизни и социальную защищенность. Одним из главных является право на социальное обеспечение [15].

Н.В. Шахматова, проведя ряд исследований, заключает, что определенный уровень социальной защищенности обеспечивают человеку высокие протекции и заработная плата: «чем больше заработная плата, тем выше уровень социальной защиты» [16]. В качестве основного вектора антикризисных мероприятий рассматриваются экономическая и социальная защищенность человека [17]. Другие авторы убеждены в том, что социальную защищенность необходимо рассматривать как важнейшую составляющую личной безопасности граждан, представляющую собой совокупность их социальных прав [18], социального самочувствия населения, возникающего при условии создания социально полезных благ на трех уровнях – материальном, нравственном и духовном [19]. Заслуживает быть отмеченной концепция, при которой социальная защищенность включает в себя не только юридическое содержание «как совокупность мер по защите интересов общества и государства», но и «психосоциальное самочувствие людей» [20].

Таким образом, анализ литературы позволяет заключить, что, характеризуя уровень социальной защищенности, необходимо руководствоваться как объективными (условия для удовлетворения основных жизненных потребностей, напрямую зависящих от социальной политики государства), так и субъективными критериями (самооценка человека, восприятие им своего социального статуса, состояние его психологического комфорта).

Социальная защищенность является результатом слаженных действий социальной политики государства, направленных на достижение гарантий, которые обеспечивают гражданам реализацию всех необходимых прав, определяют уровень внешнего и внутреннего комфорта. Другими словами, нормальное существование человека в социальной среде подразумевает под собой комплексное состояние, при котором обеспечивается достойный уровень его социальных гарантий.

Следует отметить, что социальную защищенность нельзя рассматривать в качестве привилегированного положения определенного класса или индивидов, преимуществ, облегчающих восприятие жизненных ситуаций, для лояльных власти категории граждан. Затрагивая каждого субъекта социума, вне зависимости от его социальной, религиозной или этнической принадлежности, социальная защищенность во многом определяется рядом объективных критериев как материального, так и социально-культурного признака. Говоря о социальной защищенности граждан, часто рассматривают ее социально-экономическую направленность, отражающуюся в законодательных гарантиях их экономических, социальных и политических прав и интересов.

Подводя итоги проделанного анализа, можем сказать, что социальная защищенность – это такое состояние социальной безопасности граждан, при котором выполняется весь комплекс гарантируемых государством конституционных, законодательных и социальных обязательств. Если в государстве законодательно не закреплены или в обществе (ввиду его низких этических норм) не поддерживаются определенные положения (права, гарантии, нормы), определяющие степень социальной защищенности граждан, то есть смысл говорить о низкой социальной защищенности граждан и наоборот.

Проблема социальной защищенности граждан в государстве – это проблема не одного года. Для того чтобы действительно говорить о социальной защищенности населения того или иного государства, мало иметь конституционные права и гарантии. Очень многое зависит от самого общества, а именно от его правовой и финансовой грамотности, воспитанности и образованности, наконец, от требовательности к представителям различных ветвей власти (исполнительной, законодательной и пр.) по исполнению ими своих прямых обязанностей.

Государства, которые сильно проявляют себя в социальной сфере, принято называть социальными. Такое государство возлагает на себя обязанность по обеспечению своим гражданам нормальных условий существования, особенно в условиях рыночной экономики, когда необходимо осуществлять регулирование в определенных случаях некой свободы экономической деятельности (регулирование цен, налогов и т. д.).

С юридической точки зрения социальная защищенность предполагает государство с сильной системой социально значимых законов, гарантированными социальными правами и свободами. С точки зрения духовно-нравственного аспекта социальная защищенность предполагает устойчивое внутреннее состояние человека, позволяющее чувствовать себя защищенным от социальных рисков благодаря грамотной социально-экономической и культурной политике государства,

направленной на развитие и нормальное функционирование социально защищенного общества. Таким образом, сущностью социальной защищенности является законодательное обеспечение экономических, социальных, политических и иных прав, свобод и интересов граждан.

Не следует забывать, что основными причинами высокой социальной напряженности в обществе являются, как правило, низкая социальная защищенность граждан, а также низкая эффективность государственных социальных служб и отсутствие веры граждан в реальную помощь этих структур.

Очень часто в погоне за демократическими ценностями мы, к сожалению, забываем, что одной из основных задач государства является способствование повышению благосостояния и качества жизни народа и реальному равенству между соотечественниками в социальной сфере. Это выражается, прежде всего, в установлении социального равенства, расширении прослойки среднего класса, сближении уровня и условий жизни низшего класса со средним, сужении круга нищих и т. д.

Отдавая должное тому, что было сделано предшественниками по изучению понятия социальной защищенности, автор высказывает мнение о необходимости проведения дополнительных исследований по данному вопросу. Понимание работы механизмов, обеспечивающих человеку ощущение защищенности среди окружающей его действительности, глубокий анализ приоритетов его жизнедеятельности позволит более своевременно и направленно реагировать на проявление как внешних, так и внутренних изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А–О. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
2. Серeda Е.И. Целостность и защищенность как основные критерии психологической безопасности личности // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 5. С. 289–298.
3. Социальная политика: энциклопедический словарь / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Академический Проект, 2005. 688 с.
4. Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. М.: Проспект, 2016. 456 с.
5. Василенко И.А. Современная российская политика. М.: Юрайт, 2014. 488 с.
6. Нечуйкина Е.В. Социальная защита: понятие, категории, терминология // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 49. С. 145–147.
7. Смаль С.В. Социальная защита населения как функция современного государства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009. 23 с.
8. Социальные опасности и защита от них / под ред. Л.А. Михайлова. М.: Академия, 2012. 304 с.
9. Горелов Н.А. Социальная защищенность и мотивация деятельности в условиях рынка. Л.: Изд-во ЛФЭИ, 1990. 27 с.
10. Ласточкина М.А. Социальная защищенность населения России: обзор исследования последних лет //

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 2. С. 171–179.

11. Ушаков И.А. Современные подходы к разработке проблемы социальной защищенности личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19. № 1. С. 126–129.
12. Шабашев В.А., Морозова Е.А. Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность – общее и особенное // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6. С. 103–109.
13. Кауров В.Г. Социально-правовая защищенность работника от дискриминации в сфере труда и занятости // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 143–167.
14. Киричек Е.В. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел в современной России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4. С. 21–30.
15. Калманова А.С. Социальные права личности // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 17–19.
16. Шахматова Н.В., Огурцова Н.Н. Социальная защищенность работающих студентов Саратовского региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 1. С. 51–54.
17. Гришин В.В. Экономическая и социальная защищенность человека – основной вектор антикризисных мероприятий // Вестник Росздравнадзора. 2009. № 2. С. 24–29.
18. Тарасова Е.Н. Личная безопасность граждан и ее конституционные гарантии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 361–364.
19. Каргаполов С.В., Каргаполова Е.В. Социальное самочувствие населения региона: опыт мониторингового исследования // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Т. 16. № 5. С. 42–46.
20. Саратовцева М.А. Историко-философский анализ как основа теоретико-методологического изучения социальной защищенности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 117–120.

REFERENCES

1. Efremova T.F. *Noviy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. T. 1: A–O* [New dictionary of Russian language. Explanatory-derivation. Vol. 1: A–O]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1209 p.
2. Sereda E.I. Integrity and protectability as basic criteria of psychological security of a person. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2014, no. 5, pp. 289–298.
3. Volgin N.A., ed. *Sotsialnaya politika. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Social policy. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ., 2005. 688 p.

4. Tuchkova E.G. *Pravo sotsialnogo obespecheniya Rossii* [The right to social security in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 456 p.
5. Vasilenko I.A. *Sovremennaya rossiyskaya politika* [Modern Russian policy]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 488 p.
6. Nechuikina E.V. Social protection: notion, categories and terminology. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 49, pp. 145–147.
7. Smal' S.V. *Sotsialnaya zashchita naseleniya kak funktsiya sovremennogo gosudarstva*. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Public social protection as function of modern state]. S. Petersburg, 2009. 23 p.
8. Mikhaylov L.A., ed. *Sotsialnye opasnosti i zashchita ot nikh* [Social risks and protection against them]. Moscow, Akademiya Publ., 2012. 304 p.
9. Gorelov N.A. *Sotsialnaya zashchishchennost' i motivatsiya deyatel'nosti v usloviyakh rynka* [Social security and motivation to work in market conditions]. Leningrad, LFEI Publ., 1990. 27 p.
10. Lastochkina M.A. Social security of Russia's population: an overview of the past years studies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, no. 2, pp. 152–159.
11. Ushakov I.A. Modern approaches to the issue of social security system of a person. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 126–129.
12. Shabashev V.A., Morozova E.A. The standard of living, quality of life, social security – general and special. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2005, no. 6, pp. 103–109.
13. Kaurov V.G. Social and legal protection of employees against discrimination in labor and employment. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2006, no. 1, pp. 143–167.
14. Kirichek E.V. Social and legal protection of law enforcement officers in modern Russia. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2010, no. 4, pp. 21–30.
15. Kalmanova A.S. The social rights of person. *Biznes v zakone*, 2012, no. 1, pp. 17–19.
16. Shahmatova N.V., Ogurtsova N.N. Social protection of working students in Saratov region. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 51–54.
17. Grishin V.V. Economic and social security of people as the key action of anti-crisis plan. *Vestnik Roszdravnadzora*, 2009, no. 2, pp. 24–29.
18. Tarasova E.N. Personal safety of citizens and its constitutional guarantees in modern society. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 85, pp. 361–364.
19. Kargapolov S.V., Kargapolova E.V. Social state of health the region's population: experience of monitoring researches. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniya*, 2014, vol. 16, no. 5, pp. 42–46.
20. Saratovtseva M.A. Historical and philosophical analysis as the basis of theoretical and methodological study of social protection. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 117–120.

SOCIAL SECURITY: ESSENCE AND SIGNIFICANCE

© 2016

V.A. *Nikonov*, postgraduate student of Chair “Legal coverage”
Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk (Russia)

Keywords: social security; social safety; social policy; social state; social standard; social risks.

Abstract: The paper analyses the phenomenon of social security. Various approaches to the understanding of this term, its content and definition are considered. The author reveals and specifies the most acute problems and dangers that reduce the level of social security of Russian citizens. Special aspects contributing to the understanding of differences between the “social safety” and “social security” terms are specified and described. Basing on the study of the sources, the author determined the psychological aspect of security level understanding by different individuals and made a conclusion about the interrelation of this aspect of understanding with definite social and economic conditions of development of the individual's region of living. The paper considers the range of issues concerned with the different understandings of determination of social security level of citizens. The author's suggestion on the manifestation of adequate state policy in the sphere of social benefits and protection implementation as the most important direction of work of a welfare state deserves attention. The author draws the attention to the necessity of carrying out the reforms not only in the social and legal relations but also in other socially important aspects of the life of a citizen.

While carrying out the analysis of the material under the study, the author addresses the topic of inner comfort status of a person that is taken into account when determining social security in the result of social and spiritual and moral state policy aimed at the provision of normal conditions of human vital activity, his intellectual and professional fulfillment. Methods and sources used, the conclusions made and the paper's structure and content prove the author's innovative approach to the issues under discussion and his analytical thinking.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ НА ПРИМЕРЕ ПЯТИ ЯЗЫКОВ

© 2016

Е.С. Ошанова, старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод и межкультурная коммуникация»
Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашикова, Ижевск (Россия)

Ключевые слова: модальные частицы; коммуникативная значимость; эмфатический элемент; модализированное высказывание; пропозиция.

Аннотация: Статья посвящена изучению концептуальных подходов в определении семантической природы модальных частиц, а также прагматической актуализации частиц в немецком, русском, английском, французском и удмуртском языках. Целью данной работы является функциональная характеристика и систематизация коммуникативно-прагматических значений модальных частиц. В статье отмечено, что модальные частицы рассматриваются в тесной связи с тем речевым актом, в котором актуализируется предложение, содержащее в своем составе частицу. Показано, что модальные частицы взаимосвязаны и зависят от концептуально-когнитивной структуры высказывания. В статье уточнена коммуникативная значимость модальных частиц, которую они выполняют в построении высказывания, что определяет их важную роль в процессе овладения языком. Для изучения и анализа высказываний с данными частицами применялся комплекс методов исследования, направленных на выявление их коммуникативных и прагматических особенностей в русском, немецком, английском, французском и удмуртском языках. Анализ прагматических функций модальных частиц указывает на то, что данные лексические единицы образуют подсистему эмфатических элементов языка и включаются, таким образом, в систему прагматических средств языка. Исследование подтверждает актуальность и перспективность дальнейшей разработки данного направления, так как на сегодняшний день многие из вопросов, связанных с использованием модальных частиц в различных когнитивно-прагматических типах высказываний в разных языках для решения тех или иных коммуникативных задач, остаются нерешенными.

Исследователи, занимающиеся изучением модальных частиц (далее – МЧ), по-разному трактуют данные лексические единицы. Названные слова можно встретить со следующими дефинициями: прагматические, дискурсивные, дискурсивно-модальные, усилительные, иллюкутивные, оттеночные, коммуникативные, пресуппозитивные.

Основным критерием отнесения частиц к группе модальных является их способность выражать отношение говорящего к сообщаемой информации, их релятивная функция заключается в связывании актов речи. Таким образом, совокупность категориальных признаков позволяет отнести данные языковые единицы к лексико-грамматическому классу частиц. Отмечается, что многие модальные частицы образованы в исследуемых языках перекрещиванием периферийных элементов таких разрядов слов, как наречия, модальные слова, союзы, прилагательные, которые на определенном этапе своего развития реализуют ту или иную функцию воздействия.

МЧ отличаются от других частиц и служебных частей речи: они не являются средством синтаксической связи; не изменяют условий истинности предложения, не делают его грамматически неправильным; не обозначают характеристики действий, свойств, признаков; к ним нельзя поставить вопрос; никогда не являются членами предложения; являются неотъемлемой частью разговорного дискурса; отличаются специфической непереводимостью: каждая частица переводится не одним и тем же эквивалентом, а разнообразными способами.

Согласно исследованиям по интересующей нас проблематике, было выявлено, что МЧ исследуются в нескольких направлениях: в прагматическом, коммуникативном и когнитивном аспектах. Прагматика представляет собой комитативные и коннотативные признаки,

отражающие характер отношения коммуникантов к содержанию высказывания и друг к другу. Коммуникативную функцию принято считать ведущей, поскольку именно она, по мнению большинства современных ученых, определяет сущность языка. В случае, когда происходит познавательная деятельность человека, говорят о когнитивной функции [1].

Также необходимо отметить, что когнитивный план исследования МЧ как маркеров и модификаторов речевых действий диктует необходимость обращения к основной единице хранения знаний в структуре языкового сознания – пропозиции. Когда пропозиция включена в речевую ситуацию, она регламентируется коммуникативным заданием и прагматической установкой [2, с. 129].

К основным признакам модальных частиц мы причисляем: 1) связь с коммуникативными целями говорящего; 2) усиление экспрессивного значения предложения; 3) придание высказыванию эмфатического характера.

Лингвисты занимаются исследованием частиц во многих языках, особенно интенсивно частицы изучаются в тех языках, где их количество велико (славянские, романо-германские, финно-угорские языки). В рамках данной статьи мы рассмотрели краткое толкование МЧ на примере разных групп языков: в русском, немецком, английском, французском и удмуртском языках.

В современной лингвистике русского языка МЧ встречаются под названиями «слова-заплаты», «слова-приправы», «слова-заполнители». К ним относятся: *a, -ка, вот, как, даже, уж, лишь, же, жс, -то, ли, ведь, только, да, разве*.

В немецком языке МЧ называются *modale Partikeln, Modalpartikeln, Abtönungspartikeln, Würzwörter, Füllwörter, redeleitende Partikeln*. Такие частицы, как *doch* (же, ведь), *denn* (же, разве), *aber* (же), *schon* (уже), *auch* (также), *ja* (ведь, же), *mal* (-ка), *wohl* (пожалуй, вероятно),

etwa (разве), *bloß* (же), *gar* (совсем), *nur* (только), *eben* (именно), *eigentlich* (собственно), часто встречаются в разговорном языке.

Лингвисты, занимающиеся изучением английских частиц, считают, что в силу их полифункциональности, затруднена функционально-семантическая классификация данного класса слов [3]. Как показывает анализ функций английских иллокутивных частиц, в отношении частиц мы не всегда можем говорить о закономерных, постоянно повторяющихся парах соответствий, даже в рамках одной определенной функции [4]. Однако А. Г. Минченков полагает, что такие частицы, как *even* (даже), *just* (только, же), *only* (только, всего лишь), *not* (не, ни, уж), могут выражать разнообразные эмоции, или же эмотивный компонент может наслаиваться на основное значение частицы [4].

В классе французских частиц выделяется группа лексических единиц, у которых модальное значение является доминантным. Исследователи французского языка причисляют к группе модальных частицы, выражающие отношение говорящего к сообщаемой информации, оценивающие ее в плане достоверности, возможности, невозможности, случайности [5; 6]. В группу данных частиц французского языка включаются следующие лексические единицы: *alors* (тогда, итак), *donc* (же), *enfin* (наконец).

Что касается удмуртского языка, то МЧ как одни из средств выражения языковой модальности представляют на данный момент сложную проблему в удмуртском языкознании, поскольку до настоящего времени категория модальности в удмуртском языке не нашла еще подробного отражения в научных исследованиях [7]. Для усиления значений в удмуртском языке используют усилительные и модально-волевые частицы: *меда* (ли), *мед* (да, пусть), *али* (-ка), *ай* (да, ведь, -ка), *-а* (ли), *ик* (же, ведь), *ук* (ведь, же), *уго* (ведь, же), *но* (уж, же), *я* (ну).

Анализ литературы в отношении статуса МЧ показывает, что русский, немецкий и удмуртский языки располагают развитой системой данного класса слов, количественно несопоставимой с аналогичной системой английского и французского языков.

Следует также отметить, что частицы в структуре модализированного высказывания могут:

– выражать отношение адресанта к адресату или к описываемой ситуации:

“*Just don't drink milk!*” (англ.) – Только не пейте молоко!

«*Да оставь же, Яшвин*», – говорил он, сердясь на Яшвина» (рус.).

“*Nun machen Sie schon!*” (нем.) – Ну сделайте же уже!
«*Бере кылёд ук!*» (удм.) – Ведь останешься позади.

– усиливать эмоциональное воздействие на собеседника, вызывая перлокутивный эффект, представляющий собой результат воздействия, который проявляется в дальнейшем в поведении адресата:

«*Что же это вы раскричались?*» (рус.).

“*Mach doch die Tür zu!*” (нем.) – Да закрой же дверь!

“*Just shut up, now*” (англ.) – Сейчас же замолчи.

“*Gare!... Eh! gare donc!...*” (франц.) – Берегись!.. Эй! Посторонись!

– сигнализировать чувства и поступки, такие как беспокойство, нетерпение или непонимание:

“*Was soll das denn?*” (нем.) – И что бы это значило? [8].

“*Du halt bloß die Fresse!*” (нем.) – Да закрой же свой рот!

“*Regarde donc! Il est sur la table*” (франц.) – Посмотри же! Она на столе.

«*Мын уго, мын*» (удм.) – Иди же, иди.

– устанавливать контакт между адресантом и адресатом:

«*Та книгаез лыдны ай*» (удм.) – Прочти-ка эту книгу.

«*Ну, назови какое-нибудь имя!*» (рус.).

“*Viens donc! dit Grancat en le tirant par la manche*” (франц.) – «Давай же!» – сказал Гранкат, потянув его за рукав.

“*Wir schaffen es schon*”, sagte Petro” (нем.) – «Да мы справимся с этим», – сказал Петр.

– подчеркнуть достоверность и обоснованность какого-либо факта:

“*So ist das nun mal!*” (нем.) – Так уж вышло!

«*И когда успела-то?*» – удивилась опять Любка своим мыслям» (рус.).

«*Эсьмаса со но отын вал*» (удм.) – Даже и он там был.

– сделать известным оценивание чего-либо:

«*Если бы я мог ответить на это!*» (рус.).

“*Enfin, j'entends quelque chose...*” (франц.) – Наконец я слышу, о чем идет речь...

«*Учкы али, учкы, кыце чебересь сяськаос*» (удм.) – Посмотри-ка, посмотри, какие красивые цветы.

– сигнализировать ожидание по отношению к партнеру по коммуникации:

“*Ihr schreibt mir doch?*” (нем.) – Вы же мне напишете?

“*Enfin, monsieur, est-ce vrai, oui ou non?*” (франц.) – И наконец, сэр, это правда или нет?

«*Тон ук ветлы*» (удм.) – Ты же и сходи.

– выражать неуверенность при суждении о положении вещей:

“*Irgendwie verstehe ich das schon, aber...*” (нем.) – В какой то степени мне это понятно, но все же...

«*Ну, мама, ну зачем...*» (рус.).

При этом М. Куммер упоминает, что выражения с МЧ часто произносятся с сильной динамической интонацией, которая однозначно выражает движения, заметно проявляемые чувства и усиливает воздействие всего высказывания [9].

МЧ характеризуются параметром субъективности, так как выделяют объекты не по их собственным, не зависящим от говорящего лица признакам, а наоборот, по случайному признаку соотношения с говорящим субъектом [10].

Лингвисты считают, что МЧ вносят в высказывание разные субъективно-модальные оттенки, самые разнообразные эмоции (удивление, возмущение, злость, раздражение и так далее) [11–21]. При этом одна и та же МЧ способна передавать несколько коммуникативных линий одновременно.

Так, в немецком языке МЧ *doch* способна выражать различные эмоции:

– желание: “*Und das willst du doch? Du willst doch diese fabelhafte Puppe? Du willst sie doch unbedingt, wie?*” (И ты все же хочешь? Ты все же хочешь эту чудесную куклу? Ты во что бы то ни стало ее хочешь, да?);

– убеждение: “*Klar, wird der Papa das machen. Der Papa kann doch alles!*” (Конечно же, папа это сделает. Папа же может все!);

– настоятельность: “*Lasst doch den armen, kleinen Kerl in Ruhe!*” (Да оставь же бедного маленького парнишку в покое!);

– напоминание: “*Wir wollen doch Bruno vom Flughafen abholen*” (Мы же хотели забрать Бруно из аэропорта).

Такую же параллель можно проследить и в русском языке. МЧ *же* выражает:

– размышление: «*Чем же заняться?*»;

– уверенность: «*Мы же хозяйва своего слова*»;

– утверждение: «*Ведь говорил же не делать этого*»;

– требование: «*Иди же в дом скорей!*».

Очень употребительна МЧ *-ка*:

– настоятельность: «*Спой-ка!*»;

– приказ: «*Ну-ка, покажи!*»;

– утверждение: «*Напишу-ка я письмо*»;

– желание: «*Сходим-ка в кино*».

В английском языке данный факт подтверждает частица *just*:

– удивление: “*I was wondering just how we had reached this stage*” (Я размышлял, как же мы достигли такой степени близости);

– возмущение: “*They can't just ignore it*” (Они просто не могут игнорировать это);

– призыв: “*Feel it. Just feel it once*” (Почувствуйте это. Просто почувствуйте это!);

– недовольство: “*Just don't drink milk!*” (Только не пей молоко!).

МЧ *alors* во французском языке также способна выразить разные эмоции:

– любопытство: “*Alors, Bernard?*” (Ну и что, Бернард?);

– нетерпение: “*Alors, ça va? Alors quoi?*” (И что же? Ну и как?);

– грусть: “*Alors, quoi faire?*” (Что же остается делать?);

– безразличие: “*Et alors!*” (Ну и что!);

– удивление: “*Mince alors!*” (Ну и маленький!).

В удмуртском языке, например, частица *мед* выражает:

– пожелание: «*Мед удалтоз тынад кузь сюресэд*» (Пусть тебе повезет в дальнем пути);

– раздражение: «*Мед со но магазине ветлоз, мон акульти!*» (Пусть он в магазин тоже сходит, мне надоедо!);

– согласие: «*Озы мед луоз*» (Пусть будет так);

– призыв: «*Мед учкоз!*» (Пусть посмотрит!).

Как мы видим, МЧ полифункциональны, т. е. они модифицируют различные коммуникативно-прагматические комплексы в зависимости от коммуникативной задачи и установок партнеров по общению. Очевидно, что подобная полифункциональность МЧ подчеркивает контекстную зависимость их значения (семантический аспект) и привязку к концепту и когниции (когнитивный аспект) [22, с. 89].

Из вышеизложенного следует, что, несмотря на различные термины и значения, которые применяются исследователями в разных языках при классификации и характеристике данных лексем, МЧ на определенном этапе реализуют ту или иную функцию воздействия и несут в себе основную массу прагматической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сусов И.П. Введение в языкознание. М.: Восток-Запад, 2006. 382 с.
2. Фефилов А.И. Лингвокогнитология. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2012. 210 с.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
4. Минченков А.Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб.: Антология, 2004. 96 с.
5. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. 216 с.
6. Вадюшина Д.С., Садовская Н.М. О прагматике, семантике и пресуппозициях частиц французского языка // Актуальные проблемы современной лингвистики. Минск: МГЛУ, 1997. С. 8–9.
7. Кибардина Т.М. Средства выражения модальности в удмуртском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 212 с.
8. Linke A., Nussbaumer M., Portmann Paul R. Studienbuch linguistik. Tübingen: Max Niemeyer, 1995. 272 p.
9. Kummer M. Modalpartikeln denn, doch, eben, etwa, eigentlich, ja. Bonn: Inter Nations, 1984. 52 p.
10. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3–12.
11. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.
12. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: МГУ, 1985. С. 3–48.
13. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.
14. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1988. 96 с.
15. Романов А.А. Прагматическая функция частиц в иллокутивной структуре диалогического текста // Текст: структура и анализ: сб. науч. трудов. М.: Просвещение, 1989. С. 118–129.
16. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
17. Пророкова В.М. Слова – «приправы», слова – «заплатки» // Модальные частицы в немецком языке. М.: Высшая школа, 1991. 125 с.
18. Лазуткина Е.М. Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативный стереотип // Филологические науки. 1995. № 5-6. С. 65–78.
19. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки славянской культуры, 1997. 576 с.
20. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
21. Щур М.Г. Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 308 с.
22. Ошанова Е.С. Вклад модальных частиц в коммуникативно-когнитивную перспективу высказывания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 86–90.

REFERENCES

1. Susov I.P. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2006. 382 p.
2. Fefilov A.I. *Lingvokogitologiya* [Linguacogitology]. Ul'yanovsk, UIGU Publ., 2012. 210 p.
3. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 285 p.
4. Minchenkov A.G. *Angliyskie chastitsy: funktsii i perevod* [English particles: functions and translation]. Sankt Petersburg, Antologiya Publ., 2004. 96 p.
5. Shigarevskaya N.A. *Ocherki po sintaksisu sovremennoy frantsuzskoy razgovornoy rechi* [Essays on syntax of modern French conversational speech]. Leningrad, LGU Publ., 1970. 216 p.
6. Vadyushina D.S., Sadovskaya N.M. About pragmatics, semantics and presupposition of French particles. *Aktualnye problemy sovremennoy lingvistiki*. Minsk, MGLU Publ., 1997, pp. 8–9.
7. Kibardina T.M. *Sredstva vyrazheniya modalnosti v udmurtskom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Expressive means of modality in Udmurt]. Izhevsk, 2003. 212 p.
8. Linke A., Nussbaumer M., Portmann Paul R. *Studienbuch linguistik*. Tübingen, Max Niemeyer Publ., 1995. 272 p.
9. Kummer M. *Modalpartikeln denn, doch, eben, etwa, eigentlich, ja*. Bonn, Inter Nations Publ., 1984. 52 p.
10. Kantsnel'son S.D. Verbal and cogitative processes. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1984, no. 4, pp. 3–12.
11. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deystvitel'nostyu. Referentsialnye aspekty semantiki mestoimeniy* [An utterance and its relation to reality: referential aspects of semantics of pronoun]. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p.
12. Arutyunova N.D. Origins, problems and pragmatic categories. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XVI: Lingvisticheskaya pragmatika*. Moscow, MGU Publ., 1985, pp. 3–48.
13. Nikolaeva T.M. *Semantika aktsentnogo vydeleniya* [Semantics of accentual emphasis]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 104 p.
14. Starodumova E.A. *Aktsentiruyushchie chastitsy v russkom yazyke* [Accenting particles in Russian]. Vladivostok, Dal'nevostochnyy un-t Publ., 1988. 96 p.
15. Romanov A.A. Pragmatic functions of particles in the illocutionary structure of a dialogue. *Tekst: struktura i analiz: sb. nauch. trudov*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, pp. 118–129.
16. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p.
17. Prorokova V.M. Words – “condiments”, words – “patches”. *Modalnye chastitsy v nemetskom yazyke*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 125 p.
18. Lazutkina E.M. A syntagmatic class of verbs: linguistic reality, a conceptual phenomenon, a communicative stereotype. *Filologicheskie nauki*, 1995, no. 5-6, pp. 65–78.
19. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1997. 576 p.
20. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1999. 780 p.
21. Shchur M.G. *Slovarnoe predstavlenie russkikh chastits, ikh klassy i funktsionirovanie*. Diss. kand. filol. nauk [Lexicographic representation of the Russian particles, their classes and functioning]. Moscow, 1999. 308 p.
22. Oshanova E.S. Contribution of modal particles to the cognitive-communicative perspective of the utterance. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2014, no. 3, pp. 86–90.

**FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF MODAL PARTICLES
ON THE EXAMPLE OF FIVE LANGUAGES**

© 2016

E.S. Oshanova, senior lecturer of Chair “Scientific and Technical Translation and Intercultural Communication”
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk (Russia)

Keywords: modal particles; communicative significance; emphatic element; modalized statement; proposition.

Abstract: The paper studies conceptual approaches to determination of the semantic nature of modal particles, as well as pragmatic actualization of particles in German, Russian, English, French and Udmurt. The goal of this work is to define functional characteristics and systematize communicative and pragmatic meanings of modal particles. The author notes that the modal particles should be examined in close connection with the speech act when a sentence that contains the particle is actualized. It is shown that modal particles are interconnected and depend on the conceptual and cognitive structure of the utterance. The paper specifies the communicative significance of modal particles which they perform in the construction of an utterance, what defines their important role in the process of language acquisition. To study and analyze the utterances with such particles, the author has used a complex of research methods aimed at identification of their communicative and pragmatic features in Russian, German, English, French, and Udmurt. Analysis of pragmatic functions of modal particles indicates that these lexical units form a subsystem of emphatic elements in the language and, therefore, are included in the system of pragmatic means of the language. The research confirms the importance and prospects for further development of this area, as currently a lot of issues associated with the use of modal particles in a variety of cognitive and pragmatic types of utterances in different languages aimed at solving communication problems remain unsolved.

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ОБЪЕКТНО НЕ ОРИЕНТИРОВАННЫХ АКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

© 2016

Л.В. Стахова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и переводоведения
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург (Россия)

Ключевые слова: акциональный глагол; семантика; морфотемный анализ; синтагма; акциентивный признак.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов глагольной семантики с позиции нетрадиционного подхода к исследованию семантики языковых единиц в рамках морфотемного анализа. В работе анализируются акциональные глаголы, в значении которых признак акциональности является доминирующим. Традиционные трактовки глагольного формата указывают на наиболее общие компоненты глагольной семантики, в частности, на включение в семантику акционального глагола информации о субъекте и объекте действия. Морфотемный анализ глагола позволяет выявить целый ряд признаков, составляющих акциональный комплекс.

Одним из наиболее характерных компонентов акционального комплекса можно считать акциентивный признак, наличие или отсутствие которого в семантической структуре глагола позволяет выделить несколько семантических классов акциональных глаголов.

В настоящей статье рассматривается один из классов акциональных глаголов, в семантике которых акциентивный признак либо не представлен совсем, либо представлен частично, только как интра-объект. Данный класс глаголов был обозначен как объектно не ориентированные глаголы. На основе морфотемного анализа производилась процедура квантования глагольной семантики рассматриваемых единиц с последующей классификацией.

В результате анализа было выявлено, что объектно не ориентированные глаголы представляют собой группу акциональных глаголов, в рамках которой выделяются несколько подгрупп: собственно объектно не ориентированные глаголы; глаголы передвижения; глаголы, объективирующие действие, субъектно ориентированное (действующий субъект выступает как частичный объект воздействия); глаголы, объективирующие отношение субъекта к другому субъекту. Подгруппа собственно объектно не ориентированных глаголов включает в себя самое большое количество единиц.

Глагол на протяжении достаточно долгого времени является объектом исследования со стороны лингвистов различных школ и направлений [1–8], что объясняется той неоднозначной ролью, которую выполняет глагол в языке. Так, А.А. Уфимцева считает, что в отличие от именных лексем значения глагольных лексем «характеризуют не только внешний, но и внутренний мир человека, его отношение к окружающему миру» [9, с. 134]. В лингвистической литературе глагол называют «потенциальной синтагмой» [9, с. 161], так как его семантика во многом определяет синтаксическую структуру предложения [9, с. 102; 10, с. 225]. Значимость глагола характеризуется и фактом наличия в любом предложении предикативного центра, чаще всего выраженного именно глаголом [11, с. 96; 12].

В лингвистике принято выделять глаголы, обозначающие статические явления, и глаголы, обозначающие динамические явления [11, с. 98–101; 13, с. 139; 14]. В рамках каждой группы производится дальнейшее деление глаголов на семантические классы. Так, в группе акциональных глаголов выделяются глаголы передвижения. В отдельный класс выделяют локутивные глаголы, экзистенциальные глаголы и др.

В рамках данной статьи рассматриваются некоторые семантические группы акциональных глаголов. Ю.Д. Апресян относит к таким глаголам единицы, обозначающие динамические явления, отмечая, что одним из основных семантических компонентов лексического значения таких глаголов, является признак акциональности [15, с. 18]. Под акциональностью в лингвистической литературе понимается общий категориальный признак глагола, который включает в себя ряд характеристик: временные, пространственные факторы, способ

протекания действия, темп, направление, манеру исполнения действия и другие [9, с. 142; 16, с. 39]. Отношение глагола в разряд акциональных зависит от соотношения в его семантике категориального значения действия и других значений [17, с. 121].

В отличие от традиционной трактовки, представляющей семантику акционального глагола как выраженную категорией акциональности идею действия, включающую указания на субъект и объект действия (рис. 1), морфотемный анализ [18; 19, с. 10–18] семантической структуры акционального глагола дает возможность выявить неоднородность смыслового центра данной лексемы (рис. 2).

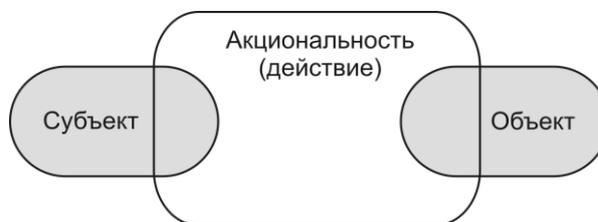

Рис. 1. Традиционное понимание семантики глагола

Идея действия имеет свое формальное воплощение в системе языка в виде акционального комплекса, состоящего из трех компонентов: релятива (идеи отношения), акционала (собственно действия), акциентива (результата действия) – и сопутствующих, модификационных признаков релятива: аспектуальности (предельности/непредельности действия (П/НП)); комплементивных

признаков модитивности (качества протекания действия: фациентивности (шагать, семенить, трусить), инструментальности (резать, расчесывать, мести), орудийности (подмигнуть, облизнуть)); терминативности как частного признака аспектуальности (пространственно-временного признака протекания действия: инхоативности (запеть), процессуальности (жарить, есть), финальности (вытереть) и др.); а также различных модификаций акцентивного признака (создание нового качества известного объекта или вновь создаваемый объект: квалитатив (очищать, охлаждать), конструктив (построить, слепить), транслатив (отодвинуть, уронить, подкинуть), контактив (прикоснуться, потрепать) и др.).

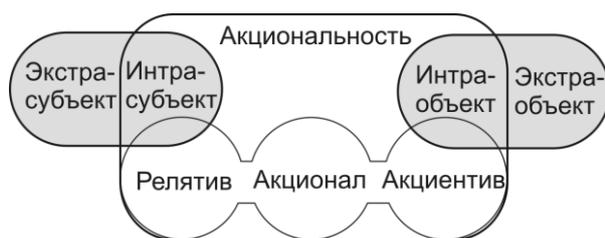

Рис. 2. Квантование семантики глагола на основе морфотемного анализа

Для анализа было отобрано свыше двухсот словоформ. Источниками материала исследования послужили «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, Webster's Dictionary (<http://www.merriam-webster.com/>), Macmillan Dictionary (<http://www.macmillandictionary.com/>).

Анализ глагольных формативов показывает, что при изучении собственно акционального компонента на этапе языковой объективации выделяются два больших класса акциональных глаголов: класс объектно ориентированных глаголов и класс объектно не ориентированных глаголов. В каждом из этих классов выделяются несколько групп и подгрупп. Критерием подобного деления глагольных формативов послужило наличие/отсутствие акцентивного признака или его частичное функционирование в виде интра-объекта. В статье рассматривается группа объектно не ориентированных глаголов, включающая четыре группы лексических единиц: 1) собственно объектно не ориентированные глаголы; 2) глаголы передвижения; 3) глаголы, объективирующие действие, субъектно ориентированное, когда действующий субъект выступает как частичный объект воздействия; 4) глаголы, которые объективируют отношение субъекта к другому субъекту.

В каждой из перечисленных выше групп выделяют несколько подгрупп [20, с. 41–48]. Самым частотным морфотемным типом среди объектно не ориентированных глаголов являются собственно объектно не ориентированные глаголы, составляющие свыше 50 % от всех глагольных формативов данного класса. В соответствии с компонентами своей семантической структуры собственно объектно не ориентированные глаголы были сгруппированы следующим образом.

1 А. Глаголы, обозначающие объектно не ориентированное действие, производимое субъектом, не имеющее результатом создание объекта. Например, синтагма глагола «присесть» включает в себя указание на производителя действия и само действие: присесть = «кто-то» + «осуществить действие, связанное с локализацией субъекта в пространстве»: *присесть – to seat oneself*.

В данную группу могут быть включены следующие глаголы: *встать, приподняться – to rise, вскочить – to spring to one's feet, прыгать – to hop, повернуться – to lean over (towards smb.), опуститься (в кресло) – to relapse (into an armchair), усесться – to seat*.

Категориально-семантический признак (КСП) перечисленных выше и других подобных им глаголов может быть представлен следующим образом: Субь_интра_Релятив (П/НП)_Акционал + Локатив.

Е.В. Падучева рассматривает данную группу глаголов как объектно ориентированные глаголы, в семантике которых объект совпадает с субъектом, т. е. объектом является тело субъекта [5, с. 75]. Подобное отождествление субъекта и объекта представляется нецелесообразным, так как подобное совмещение объекта и субъекта действия не происходит в сознании современного носителя языка.

1 Б. Глаголы, обозначающие объектно не ориентированное действие, производимое субъектом, имеющее результатом создание объекта/явления, но не воздействие на него. Синтагма глагола «кивнуть» представляет следующую структуру: «кто-то» + «осуществить движение головой» => «кивок», т. е. в семантике глагола реализуется имплицитное указание на производителя действия, само действие и возникающее в результате действия явление.

В подгруппу также входят следующие единицы: *зевнуть – to yawn, взмахнуть – to wave, осклабиться – to grin, вздохнуть – to sigh, усмехнуться – to grin, улыбнуться – to smile, поклониться – to bow* (КСП: Субь_интра_Релятив (П/НП)_Акционал + Объект_интра).

1 В. Глаголы, обозначающие объектно не ориентированное действие, производимое субъектом, имеющее результатом создание акустически воспринимаемого объекта/явления, что и отражено в синтагме глагола «смеяться», которая может быть представлена следующим образом: смеяться = «кто-то» + «осуществить действие» => «смех».

Другими примерами являются глаголы: *стучаться – to tap, играть (на пианино) – to play (the piano), петь – to sing, плакать – to weep, хохотать, смеяться – to laugh, хихикать – to joke, чирикать – to twitter, жужжать – to buzz, повизгивать – to whine, скрестись – to scratch, фыркнуть – to giggle, ницать – to start to cry, кричать – to shout, шипеть – to sizzle, дребезжать – to rattle, to tinkle* (КСП: Субь_интра_Релятив (П/НП)_Акционал + Акустический Объект_интра).

1 Г. Глаголы, объективирующие субъектно ориентированное действие, в результате которого субъект приобретает новое качество. Примером может служить синтагма глагола «согреться», включающая указание на субъект действия, само действие и на новое качество субъекта, приобретаемое в результате действия: согреться = «кто-то/что-то» + «совершить действие» => «стать теплым, горячим» + «сам субъект».

В рамках данной подгруппы можно рассматривать такие глаголы, как: *разлиться – to suffuse, разрастись – to bush out, прищуриться – to squint, нахмуриться – to frown, выпрямиться – to draw oneself up, съежиться – to shrink, запылиться – to become dusty, раскрошиться – to crumble, развалиться – to fall to pieces, fall apart* (КСП: Субъ_интра_Релятив (П/НП)_Акционал + Ква-литатив).

Анализ семантики акциональных глаголов позволяет говорить о возможности их группировки как элементов языковой системы в соответствии с определенными критериями, что, в свою очередь, может послужить базой для исследования взаимодействия акциональных форматов различных групп в речевом контексте. Интерес для исследования представляют не только способы взаимодействия и взаимовлияния глагольных форматов в рамках текстового фрагмента, но и определение возможных тенденций модификации их семантической структуры как на этапе языковой объективации, так и в процессе речевой репрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
- Алексеев Ю.Г., Семенов М.Д. Специфика перевода некоторых глаголов широкой семантики в технических текстах с английского языка на русский // Ученые записки Ульяновского государственного университета. 2007. № 1. С. 9–16.
- Коряковцева Е.И. Статус имени действия // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 55–66.
- Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 84–90.
- Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 69–76.
- Розина Р.И. Глаголы с объектом «человек» // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 223–234.
- Стахова Л.В. Вербализация логико-мыслительной категории акциональности // Гуманитарные и социальные науки: электронный научный журнал. 2014. № 5. С. 162–168.
- Фефилов А.И. Содержание немецких и русских глаголов передвижения типа *gehen – идти – ходить* и их аспектологические отношения в речевом контексте (конфронтативный анализ) // Сравнительная типология русского и германского языков: межвузовский тематический сборник. Калинин: Калининский государственный университет, 1978. С. 116–128.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
- Chafe W.L. Meaning and the structure of language. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. 360 p.
- Sandmann M. Subject and predicate. A contribution to the Theory of Syntax. Edinburgh: University Press, 1954. 270 p.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Князев Ю.П. Акциональность и стательность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т. München: Verlag Otto Sagner, 1989. 371 с.
- Апресян Ю.Д. Акциональность и стательность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13–23.
- Фефилов А.И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. Куйбышев: ПИ, 1985. 81 с.
- Падучева Е.В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 121–136.
- Фефилов А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. Ульяновск: УлГУ, 1997. 246 с.
- Фефилов А.И. Методологические основы морфотемного анализа // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Серия Лингвистика. 2002. № 1. С. 10–18.
- Стахова Л.В. Способы репрезентации акциональной когеренции в текстовых фрагментах. Тольятти: ТГУ, 2008. 133 с.

REFERENCES

- Avilova N.S. *Vid glagola i semantika glagolnogo slova* [Verbal aspect and the semantics of the verb]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p.
- Alekseev Yu.G., Semenov M.D. Specifics of the English-Russian translation of some verbs with general semantics in technical texts. *Uchenye zapiski Ulyanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 1, pp. 9–16.
- Koryakovtseva E.I. Status of the action name. *Voprosy yazykoznanija*, 1996, no. 3, pp. 55–66.
- Kubryakova E.S. Action verbs through their cognitive characteristics. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli deystviya*. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 84–90.
- Paducheva E.V. Action verbs: interpretation and collocations. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli deystviya*. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 69–76.
- Rozina R.I. Verbs with a “human” object. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kultura: sb. statey v chest N.D. Arutyunovoy*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004, pp. 223–234.
- Stakhova L.V. Verbalization of logical and category of the actional. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2014, no. 5, pp. 162–168.
- Fefilov A.I. The content of the German and Russian verbs of movement such as *gehen – walk – go* and their aspectological relations within the speech context (confrontive analysis). *Sravnitel'naya tipologiya russkogo i germanskogo yazykov: mezhvuzovskiy tematicheskij sbornik*. Kalinin, Kalininskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1978, pp. 116–128.

9. Ufimtseva A.A. *Leksicheskoe znachenie: printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical Meaning. Principle of semiological description of lexis]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 240 p.
10. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy)* [The sentence and its meaning (the logical-semantic problems)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.
11. Chafe W.L. *Meaning and the structure of language*. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 1970. 360 p.
12. Sandmann M. *Subject and predicate. A contribution to the Theory of Syntax*. Edinburgh, University Press Publ., 1954. 270 p.
13. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1997. 576 p.
14. Knyazev Yu.P. *Aktsionalnost i statalnost: ikh sootnoshenie v russkikh konstruktivnykh s prichastiyami na -n, -t* [Actionality and stativity: their correlation in the Russian constructions with participles -n, -t]. München, Verlag Otto Sagner Publ., 1989. 371 p.
15. Apresyan Yu.D. Actionality and stativity as hidden meanings (hunting for render). *Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kultura: sb. statey v chest N.D. Arutyunovoy*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004, pp. 13–23.
16. Fefilov A.I. *Osnovy konfrontativnogo analiza leksiki nemetskogo i russkogo yazykov* [Basics of confrontive analysis of German and Russian vocabulary]. Kuybyshev, PI Publ., 1985. 81 p.
17. Paducheva E.V. Deictic components in semantics of the verbs of motion. *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa*. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 121–136.
18. Fefilov A.I. *Morfotemnyy analiz edinit yazyka i rechi* [Morphothematic analysis of the units of language and speech]. Ulyanovsk, UIGU Publ., 1997. 246 p.
19. Fefilov A.I. Methodological principles of morphotopical analysis. *Uchenye zapiski Ulyanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika*, 2002, no. 1, pp. 10–18.
20. Stakhova L.V. *Sposoby reprezentatsii aktsionalnoy kogerentsii v tekstovykh fragmentakh* [Methods of representation of actional coherence in text fragments]. Togliatti, TItSU Publ., 2008. 133 p.

SOME SEMANTIC CLASSES OF NON-OBJECT ORIENTED ACTION VERBS

© 2016

L.V. Stakhova, PhD (Philology), Associate Professor,
assistant professor of Chair of practice and theory of translation
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg (Russia)

Keywords: action verb; semantics; morphotopical analysis; syntagmeme; activeness feature.

Abstract: The paper studies some aspects of the verb semantics from the aspect of a nontraditional approach to researching semantics of linguistic units within morphotopical analysis. The paper analyzes the action verbs, which have the meaning of action as the dominant one. Traditional interpretations of the verbal formative reveal the most common components of verbal semantics, in particular, inclusion of the information about the subject and object of the action into the semantics of the action verb. Morphotopical analysis of a verb reveals a number of features that make up the actional complex.

One of the most characteristic components of the actional complex can be considered an action feature, the presence or absence of which in the semantic structure of the verb enables to select a few semantic classes of action verbs.

The paper considers one of the action verbs class, which semantics does not contain actional feature or contains it only partially, as an intra-object. This class of verbs has been defined as non-object oriented verbs. The quantization procedure of verb semantics of the considered units has been performed on the basis of the morphotopical analysis followed by classification.

The analysis has finally revealed that the non-object oriented verbs form a group of action verbs that includes a few subgroups: non-object oriented verbs themselves; verbs of movement; the verbs that objectify a subject-oriented action (an acting subject acts as a partial object of influence); the verbs that objectify attitude of a subject to the other subject. The subgroup of non-object oriented verbs includes the largest number of units.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА

© 2016

А.В. Худяков, аспирант кафедры иностранных языков
Тамбовский государственный технический университет, Тамбов (Россия)

Ключевые слова: президентский дискурс; черты президентского дискурса; интердискурсивность; институциональный дискурс; личностный дискурс; дискурс Ширака; дискурс Путина.

Аннотация: Неотъемлемой частью политической жизни современного мира является институт президентской власти. Президент является лидером страны и в этом качестве использует речь и языковые средства не только на бытовом уровне, но и в процессе выполнения возложенных на него должностных обязанностей. В современном мире президентская власть во многом определяет судьбу государства и избравшего его народа. В свете указанных особенностей в отечественной лингвистике в последние годы наметилась тенденция рассмотрения президентского дискурса в качестве самостоятельной единицы.

В статье проводится анализ лингвокогнитивных особенностей президентского дискурса, который рассматривается как отдельный тип институционального дискурса, которому в то же время присущи черты личностного дискурса.

Исследованы лингвокогнитивные характеристики президентского дискурса, свойственные ему как типу институционального дискурса (институциональная составляющая), а также черты, присущие языковой личности самого президента (личностная составляющая).

В ходе исследования было установлено, что президентский дискурс можно в полной мере рассматривать как самостоятельный тип институционального дискурса на основе того, что он обладает основными чертами институционального дискурса: целью коммуникации, участниками коммуникации, собственным институтом. Стоит отметить, что президентский дискурс разворачивается не только в рамках политической коммуникации, но затрагивает и многие другие сферы жизни (например, образование). Вместе с тем в статье дается обоснование рассмотрения личностной составляющей как неотъемлемой части президентского дискурса, так как каждый президент – языковая личность с присущими ей лингвокультурными особенностями, исключать влияние которых даже на фоне регламентированности президентского дискурса не представляется возможным.

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной статьи является рассмотрение президентского дискурса как самостоятельного типа институционального дискурса, обладающего рядом характеристик личностного дискурса.

В задачи статьи входит рассмотрение лингвокогнитивных характеристик институциональной и личностной составляющей президентского дискурса.

Материалом исследования послужили высказывания двух президентов: российского (В.В. Путина) и французского (Ж. Ширака). Выбор материала исследования определили следующие факторы:

– Ж. Ширак и В.В. Путин оставили наиболее яркий след в медийной и политической среде на стыке XX–XXI веков;

– обоих президентов можно назвать политическими долгожителями: у Ж. Ширака 12 лет президентства, В.В. Путин занимает пост президента 12-й год. Столь долгое нахождение на посту президента предоставляет обширнейший языковой материал для исследования дискурса указанных президентов с различных сторон и в разных политических, экономических и иных ситуациях.

Данным политическим лидерам свойственен яркий и выразительный дискурс, отдельные элементы которого уходят в народ крылатыми фразами. Доказательством этому служит появление и распространение в медийной среде терминов «ширакизмы» (“chiraquismes”) и «путинизмы».

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Президентский дискурс рассматривается многими исследователями как разновидность политического дис-

курса (О.В. Спиридовский [1], Н.Г. Бабич [2], С.Н. Генералова [3]). Вслед за В.И. Карасиком мы понимаем под президентским дискурсом самостоятельный тип институционального дискурса и «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [4]. Президентский дискурс (далее – ПД) направлен на осуществление функций и выполнение обязанностей, возложенных на президента конституцией: политических, экономических, дипломатических, военных, образовательных и т. д. Между тем ПД охватывает гораздо больше сфер, нежели политический дискурс и, соответственно, не может быть его частью, так как не укладывается в рамки, ограниченные коммуникацией в политической сфере. В качестве участников президентского дискурса можно выделить: президента и его «команду» [4]; граждан (в большинстве своем граждане РФ).

Исходя из этого, президентский дискурс, в соответствии с трактовкой В.И. Карасика [5], может быть рассмотрен как тип институционального дискурса, так как обладает собственными участниками и целью.

Исследователями различных типов институционального дискурса выделяются следующие свойства для него лингвокогнитивные характеристики, которые, на наш взгляд, могут быть экстраполированы на ПД: клишированность, регламентированность общения и соответствие нормам данного сообщества [5], прецедентность [6], сверхметафоричность [7], интердискурсивность [8]. Далее рассмотрим данные характеристики применительно к президентскому дискурсу.

Клишированность. Клишированность дискурса мы рассматриваем как использование автором типовых лексических и синтаксических конструкций, а также

моделей коммуникативного поведения в конкретных ситуациях. В ПД клишированность чаще всего проявляется во вступительной части речи. Выступление президента начинается с обращения к аудитории, которое задает общий тон всей речи.

В зависимости от статуса собеседников в ПД распространены следующие обращения-клише: «Уважаемые друзья!», «Добрый день, дорогие друзья», “*Mes chers amis*” («Мои дорогие друзья» – Здесь и далее перевод наш. – А.Х.), “*Mes chers compatriotes*” («Мои дорогие соотечественники») и т. д.

Отметим, что для французской риторики характерно использование более жесткой клишированности, большинство выступлений президента заканчиваются лозунгом-клише: “*Vive la République! Vive la France!*” («Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!»).

Регламентированность. Под регламентированностью мы понимаем строгое подчинение дискурса заданным правилам развертывания и заключение его в определенные рамки, обусловленные конкретной коммуникативной ситуацией и целью. Обычно регламент контролирует элементы публичных выступлений: длительность, очередность, поведение оратора и аудитории, содержание выступления и т. д. Ярким примером регламентированности является церемония инаугурации президентов. В России присягу дает каждый президент в рамках установленного регламента (место, время, текст присяги и т. д.), например:

«Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу» [9].

Во Франции президенты не произносят единый текст присяги при инаугурации; каждый президент готовит собственное выступление, однако их речь не менее регламентирована:

– единое место произнесения речи – Елисейский дворец;

– инаугурационная речь президента занимает четко регламентированное место во всей церемонии инаугурации: произносится после вручения цепи магистра Ордена Почетного легиона, после выступления президента идет смотр гвардии и прослушивание «Марсельезы»;

– выступления президентов разворачиваются в соответствии с установленными традициями, зачастую используется много отсылок к прошлому, к предыдущим лидерам Франции. Ниже приведена цитата из инаугурационной речи Ж. Ширака после его победы на выборах 1995 года:

“*Je ferai tout pour que notre démocratie soit affermie et mieux équilibrée, par un juste partage des compétences entre l'exécutif et le législatif, ainsi que l'avait voulu le Général de Gaulle, fondateur de la Ve République*” («Я сделаю все, для того чтобы наша демократия была тверда и лучше сбалансирована, для справедливого распределения полномочий между исполнительной и законодательной властью, как этого хотел генерал де Голль – основатель Пятой республики») [10].

Основой регламентированности ПД является сам институт президентства, он налагает на президента ряд

полномочий и обязанностей, в рамках которых в дальнейшем и разворачиваются его выступления. Полномочия и обязанности президента закреплены в конституции, например:

“*Le Président de la République veille au respect de la Constitution. Il assure, par son arbitrage, le fonctionnement régulier des pouvoirs publics ainsi que la continuité de l'État.*» («Президент Республики следит за соблюдением Конституции. Он обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей, а также преемственность государства.»)

Il est le garant de l'indépendance nationale, de l'intégrité du territoire et du respect des traités («Он гарант национальной независимости, целостности территории и соблюдения соглашений») [11].

Прецедентность. Основываясь на определении прецедентного текста Ю.Н. Карауловым, мы понимаем прецедентность как использование в дискурсе сформированных ранее интеллектуально-эмоциональных блоков, которые имеют сверхличностный характер для представителей конкретной лингвокультурной общности [8]. Например:

«И, наконец, средний класс – это люди, которые могут выбирать политику. У них, как правило, уровень образования такой, что позволяет осознанно относиться к кандидатам, а не «голосовать сердцем» [12].

Фраза «голосовать сердцем» использовалась в качестве основного лозунга избирательной кампании Бориса Ельцина в 1996 году, в приведенном примере Путин использует ее с уничижительным оттенком, противопоставляя тем самым свою избирательную кампанию и кампанию Ельцина.

“*C'est le combat pour la justice, celui de Voltaire dans l'affaire Callas, celui de Zola quand il accuse les calomnieurs du Capitaine Dreyfus*” («Это битва за справедливость, как у Вольтера в деле Каласа, как у Золя, когда он обвиняет клеветников капитана Дрейфуса») [13] – в данном примере Жак Ширак делает отсылку к битвам в защиту справедливости, которые были в прошлом и известны в лингвокультурной традиции Франции:

– “*Voltaire dans l'affaire Callas*” («Вольтер в деле Каласа») – писатель выступал в защиту торговца, который стал жертвой предвзятости суда из-за своих религиозных убеждений;

– “*Zola quand il accuse les calomnieurs du Capitaine Dreyfus*” («Золя, когда он обвиняет клеветников капитана Дрейфуса») – писатель выступал в защиту французского офицера, приговоренного к пожизненной ссылке на основе фальшивых доказательств и на волне сильных антисемитских настроений.

Сверхметафоричность. Под сверхметафоричностью по отношению к президентскому дискурсу мы понимаем использование ярких, креативных, авторских метафор, употребляемых в выступлениях президента для повышения их эффективности и экспрессивности. Как показало проведенное исследование, для ПД характерными являются метафоры, основанные на сопоставлении родной страны с домом, а любые посягательства на нанесение ему вреда и насильственные вторжения рассматриваются через метафоры как военные посягательства: «...Мы против того, чтобы военная организация хозяйничала возле нашего

забора, рядом с нашим домом или на наших исторических территориях» [14].

В данном высказывании используются следующие метафоры:

– «хозяйничать» – заниматься военной деятельностью, развертывать военные базы;

– «возле нашего забора» – возле границ нашей страны;

– «рядом с нашим домом» – рядом с нашими городами, страной.

В другом примере с помощью метафоры дома показано влияние окружающей среды:

“*Notre maison brûle et nous regardons ailleurs. La nature, mutilée, surexploitée, ne parvient plus à se reconstituer et nous refusons de l’admettre*” («Наш дом горит, а мы смотрим в другое место. Природа, искалеченная, истощенная, больше не может восстанавливаться, и мы отказываемся это признать») [15].

Здесь выявляются метафоры:

– “notre maison” («наш дом») – окружающая среда, природа;

– “brûle” («горит») – испытывает влияние глобального потепления;

– “la nature mutilée” («искалеченная природа») – загрязненная, испытавшая влияние негативных последствий технического прогресса.

Интердискурсивность. Под интердискурсивностью мы понимаем использование в одном дискурсе вкраплений другого вида дискурса, зачастую в новом контексте и в новой интерпретации. Дискурс любого президента богат интердискурсивными вкраплениями во многом по причине того, что лидеры в той или иной мере вынуждены заимствовать лексику или выражения из других видов дискурса в целях увеличения аргументации собственных речей и усиления воздействия на аудиторию. Ниже будут рассмотрены примеры проявления интердискурсивности в ПД.

В.В. Путин: «"Обнажил я бицепс ненароком, даже снял для верности пиджак" – это Высоцкий не про Вас пел, нет?» [16].

В приведенном высказывании ПД переключается в песенный дискурс со ссылкой на исполнителя песни.

Ж. Ширак: “*Le combat pour la sécurité routière est en vérité un combat pour la vie*” («Битва за безопасность дорожного движения – это в действительности битва за жизнь») [17].

Говоря о безопасности дорожного движения, Жак Ширак использует вкрапления военного дискурса: “*le combat pour la sécurité*” («битва за безопасность») и “*un combat pour la vie*” («битва за жизнь»).

На основе представленного анализа мы устанавливаем, что ПД может быть в полной мере отнесен к институциональному дискурсу, так как он обладает характеристиками, присущими данному типу дискурса, а именно: в нем выявляется цель коммуникации, есть участники коммуникации и собственный институт, в рамках которого разворачивается данный дискурс, – институт президентства. ПД обладает лингвокогнитивными характеристиками, способствующими выполнению коммуникативных задач.

Однако мы не можем забывать, что среди участников президентского дискурса есть яркая языковая личность – сам президент, и, конечно, его образ и особен-

ности мышления, интеллекта, воспитания и т. п. не могут не проявиться в ПД, они будут представлять его вторую составляющую – личностную, анализ которой представлен ниже.

ЛИЧНОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [18].

Далее будут рассмотрены лингвокогнитивные характеристики, свойственные для личностной составляющей ПД.

Эмоционально-экспрессивная лексика. Любая личность подтверждена в той или иной степени эмоциональным переживанием, наличие и характер которых отражается на дискурсе соответствующей языковой личности. Говоря о личностной составляющей ПД, нельзя не рассмотреть эмоционально-экспрессивную лексику, которая в большинстве своем является порождением спонтанной речи и субъективных оценок, следовательно, в ней наиболее полно раскрывается языковая личность президента:

В.В. Путин: «Я не побоюсь и не постесняюсь в этой аудитории сказать, иногда кажется, что своими бы руками их задушил (говорит о преступниках. – А.Х.). Но это, конечно, все только эмоции» [19].

Ж. Ширак: “*Si vous ajoutez à cela le bruit et l’odeur (шум и вонь) eh bien le travailleur français sur le palier devient fou (сойдет с ума)*” [20]. (Полный перевод: «Добавьте к этому шум и вонь, и французский рабочий на лестничной площадке сойдет с ума (говорит о некоторых иммигрантах. – А.Х.).»)

Юмористические высказывания. Вкрапления юмора проявляются либо в минимально регламентированной обстановке (встречи с журналистами, ответы на вопросы зрителей и т. д.), либо в рамках какого-либо официального мероприятия, в моменты, когда президенты позволяют себе выйти за рамки установленного регламента, как в указанных ниже примерах.

«Знаете, как в шутку спрашивали и отвечали, чем ЦК, видимо, отличается от ЧК: ЦК цыкает, а ЧК чикает» [21].

В данном высказывании Путин не только привел известную ранее шутку, но и намекнул на свое профессиональное прошлое, что тоже усилило юмористический эффект.

“*Bien sûr que je suis de gauche! Je mange de la choucroute, je bois de la bière...*” [22] (перевод дан ниже).

Когда Жаку Шираку задали вопрос, придерживается ли он левых политических взглядов, он отшутился: «Конечно, я левый! Я ем кислую капусту, я пью пиво...».

Аффектация дискурса. Языковые личности президентов являются яркими и запоминающимися во многом за счет аффектации речи, в частности, многим президентам свойственно широкое употребление сниженной лексики, характерной для деклассированных элементов, например:

«Пока все санкции сводятся к тому, чтобы выбрать из моего личного окружения каких-то близких мне людей, моих друзей и их, как у нас в кругах интеллигенции говорят, уконтропупить...» [23].

Путин использовал сниженную лексику, чтобы охарактеризовать санкционные меры в отношении его приближенных, тем самым показывая свое уничижительное отношение к подобным методам.

“*Mais qu’est-ce qu’elle veut de plus, cette ménagère? Mes couilles sur un plateau?*” (Ну чего еще хочет эта домохозяйка? Мои яйца на подносе?) [24] – таким образом Жак Ширак отреагировал на постоянно возрастающие требования уступок для Великобритании, которые предъявляла Маргарет Тэтчер зарождающемуся тогда Европейскому Союзу.

Неологизмы и крылатые выражения. Президент является одной из центральных политических фигур в стране, зачастую самой главной (в зависимости от политического устройства). Такое положение притягивает внимание не только к любому действию лидера, но и к каждому слову, и нередко оговорка лидеров или использованная ими необычная конструкция становится крылатым выражением и уходит в народ. Для наиболее ярких и богатых на подобные крылатые выражения политических лидеров существуют специальные термины, обозначающие целые пласты крылатых выражений, в данном случае «ширакизмы» и «путинизмы». Например:

“*Aujourd’hui, on rapporte une histoire abracadabrantisque*” («Сегодня сообщается абракадабрастическая история») [25];

«...Мы будем преследовать террористов везде, в аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно» [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, объем статьи не позволяет подробно рассмотреть все особенности институциональной и личностной составляющих ПД, но и на основе проанализированного материала можно сделать вывод, что ПД можно рассматривать как отдельный самостоятельный тип институционального дискурса, включающий в себя многие сферы коммуникации помимо политики: экономику, образование, военное дело и т. д. Это его институциональная составляющая. С другой стороны, ПД не может абстрагироваться от влияния языковых личностей его носителей – президентов, которые, являясь непосредственными участниками построения и развертывания ПД, формируют его личностную составляющую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 255 с.
2. Бабич Н.Г. Жанровая специфика президентского дискурса // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 437–439.
3. Генералова С.Н. Коннотативные смыслы в дискурсе как отражение личностной концептосферы политика (на материале американского президентского дискурса) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 201 с.
4. Худяков А.С. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-2. С. 206–208.

5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 44–48.
7. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Метафоры в языке экономики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2014. Т. 20. № 2. С. 372–380.
8. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. URL: rastko.rs/cms/files/books/49e590dc8ea68.
9. Владимир Путин вступил в должность Президента России // Официальный сайт Кремля. URL: kremlin.ru/events/president/news/15224.
10. Discours d’investiture de Jacques Chirac – 17 mai 1995 // Официальный сайт Елисейского дворца. URL: www.elysee.fr/la-presidence/discours-d-investiture-de-jacques-chirac-17-mai-199/.
11. Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur // Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur.5074.html#preambule.
12. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: er.ru/news/71745/.
13. Les grands discours du Panthéon // Официальный сайт “Institut National de l’Audiovisuel” (INA). URL: ina.fr/contenus-editoriaux/articles-editoriaux/les-grands-discours-du-pantheon/.
14. Обращение Президента Российской Федерации // Официальный сайт Кремля. URL: kremlin.ru/events/president/news/20603.
15. Écologie: le discours de Jacques Chirac à Johannesburg // Le Figaro. URL: lefigaro.fr/politique/le-scan/2014/03/27/25001-20140327ARTFIG00120-ecologie-le-discours-de-jacques-chirac-a-johannesburg.php.
16. Совещание с членами Правительства // Официальный сайт Кремля. URL: kremlin.ru/events/president/news/51214.
17. Allocution de Monsieur Jacques Chirac ... // Сайт объединения “Avec le Président Chirac”. URL: jacqueschirac-asso.fr/fr/wp-content/uploads/2010/04/Les-Echarpes-dOr-2006.pdf.
18. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–10.
19. Выдержки из стенографического отчета ... // Официальный сайт Кремля. URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/21280.
20. Le Figaro. URL: efigaro.fr/politique/le-scan/citations/2016/01/14/25002-20160114ARTFIG00147-se-defendant-d-etre-un-bisounours-juppe-revient-sur-le-bruit-et-l-odeur.php.
21. «ЦК цыкает, а ЧК чикает» // Forbes. URL: forbes.ru/ekonomika/vlast/66936-tsk-tsikaet-chk-chikaet.

22. Les 10 citations les plus savoureuses de Chirac // Le Figaro. URL: lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/03/19/25002-20150319ARTFIG00277-les-10-citations-les-plus-savoureuses-de-chirac.php.
23. Путин: Запад вводит санкции, чтобы «уконтропить» людей из моего окружения // Московский комсомолец. URL: mk.ru/politics/2014/05/23/putin-zapad-vvodit-sanktsii-chtobyi-ukontropupit-lyudey-iz-moego-okruzheniya.html.
24. Gaffes et dérapages // Libération. URL: liberation.fr/evenement/1995/05/09/gaffes-et-derapages_133848.
25. Citations et proverbes // Французский электронный информационный ресурс. URL: citations.savoir.fr/une-histoire-abracadabrantese/.
26. 20 высказываний Путина, ставших афоризмами // РИА Новости. URL: ria.ru/politics/20080507/106744531.html.
10. Discours d'investiture de Jacques Chirac – 17 mai 1995. URL: www.elysee.fr/la-presidence/discours-d-investiture-de-jacques-chirac-17-mai-199/.
11. Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur. URL: www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur.5074.html#preambule.
12. Putin V.V. Russia concentrates – challenges we should meet. URL: er.ru/news/71745/.
13. Les grands discours du Panthéon. URL: ina.fr/contenus-editoriaux/articles-editoriaux/les-grands-discours-du-pantheon/.
14. Address by President of the Russian Federation. URL: kremlin.ru/events/president/news/20603.
15. Écologie: le discours de Jacques Chirac à Johannesburg. URL: lefigaro.fr/politique/le-scan/2014/03/27/25001-20140327ARTFIG00120-ecologie-le-discours-de-jacques-chirac-a-johannesburg.php.
16. President of Russia. Meeting with Government members. URL: kremlin.ru/events/president/news/51214.
17. Allocution de Monsieur Jacques Chirac. URL: jacqueschirac-asso.fr/fr/wp-content/uploads/2010/04/Les-Echarpes-dOr-2006.pdf.
18. Karaulov Yu.N., Krasilnikova E.V. Russian linguistic personality and tasks of its studying. *Yazyk i lichnost'*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–10.
19. Excerpts from the Transcript. URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/21280.
20. *Le Figaro*. URL: efigaro.fr/politique/le-scan/citations/2016/01/14/25002-20160114ARTFIG00147-se-defendant-d-etre-un-bisounours-juppe-revient-sur-le-bruit-et-l-odeur.php.
21. *Forbes*. URL: forbes.ru/ekonomika/vlast/66936-tsk-tsikaet-chk-chikaet.
22. Les 10 citations les plus savoureuses de Chirac. *Le Figaro*. URL: lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/03/19/25002-20150319ARTFIG00277-les-10-citations-les-plus-savoureuses-de-chirac.php.
23. Putin: West introduces sanctions to “deep-six” people from my environment. *Moskovskiy komsomolets*. URL: mk.ru/politics/2014/05/23/putin-zapad-vvodit-sanktsii-chtobyi-ukontropupit-lyudey-iz-moego-okruzheniya.html.
24. Gaffes et dérapages. *Libération*. URL: liberation.fr/evenement/1995/05/09/gaffes-et-derapages_133848.
25. Citations et proverbes. URL: citations.savoir.fr/une-histoire-abracadabrantese/.
26. 20 Putin's statements having become aphorisms. URL: ria.ru/politics/20080507/106744531.html.

REFERENCES

1. Spiridovsky O.V. *Lingvokulturnye kharakteristiki amerikanskoy prezidentskoy ritoriki kak vida politicheskogo diskursa*. Diss. kand. filol. nauk [Linguocultural characteristics of American presidential rhetoric as a kind of political discourse]. Voronezh, 2006. 255 p.
2. Бабич Н.Г. Genre specificity of the presidential discourse. *Molodoy ucheniy*, 2013, no. 9, pp. 437–439.
3. Generalova S.N. *Konnotativnye smysly v diskurse kak otrazhenie lichnostnoy kontseptsosfery politika (na materiale amerikanskogo prezidentskogo diskursa)*. Diss. kand. filol. nauk [Connotative meanings in the discourse as the reflection of personal sphere of concepts of a politician (on the material of American Presidential Discourse)]. Ufa, 2014. 201 p.
4. Khudyakov A.S. Modern studies of presidential discourse: theoretical backgrounds and prospects. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 2-2, pp. 206–208.
5. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
6. Nakhimova E.A. Precedent names in Presidential discourse. *Politicheskaya lingvistika*, 2007, no. 22, pp. 44–48.
7. Borodulina N.Yu., Makeyeva M.N. Metaphors in the language of Economics. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2014, vol. 20, no. 2, pp. 372–380.
8. Chernyavskaya V.E. *Otkryty tekst i otkryty diskurs: intertekstualnost' – diskursivnost' – interdiskursivnost'* [Open text and open discourse: intertextuality – discoursivity – interdiscoursivity]. URL: rastko.rs/cms/files/books/49e590dc8ea68.
9. Vladimir Putin inaugurated as President of Russia. URL: en.kremlin.ru/events/president/news/15224.

LINGUOCOGNITIVE FEATURES OF PRESIDENTIAL DISCOURSE

© 2016

A.V. Khudyakov, postgraduate student of Chair of foreign languages
Tambov State Technical University, Tambov (Russia)

Keywords: presidential discourse; features of presidential discourse; interdiscursiveness; institutional discourse; personal discourse; Chirac's discourse; Putin's discourse.

Abstract: Presidential power institute is an integral part of the modern world life. President, being the leader of the country, uses speech and linguistic means not only at the mundane level but also in the process of performance of his official duties. In the modern world, presidential power determines largely the future of the state and the nation that elected him. In relation to specified features, the tendency of considering presidential discourse as a separate unit appeared in Russian linguistics in recent years.

The paper analyses the linguocognitive features of the presidential discourse, which is considered as a separate kind of institutional discourse and, at the same time, has characteristics peculiar for personal discourse.

The author studied the linguocognitive characteristics of presidential discourse typical for it as for a kind of institutional discourse (institutional component) and characteristics typical for the linguistic persona of the president himself (personal component).

During the study, it was determined that the presidential discourse can be fully considered as an independent type of the institutional discourse basing on the fact that it has main characteristics of the institutional discourse: communication goal, communication participants, own institute. It should be mentioned that the presidential discourse develops not only within political communication but also affects many other spheres of life (for example, education). At the same time, the paper proves the considering personal component as an integral part of the presidential discourse as each president is a linguistic persona with its linguocultural features, which influence cannot be ruled out even against the presidential discourse due process.

НАШИ АВТОРЫ

Бочкарёва Ирина Олеговна, ведущий инженер разработки ходовой части автомобиля.

Адрес: NISSAN Manufacturing Russia, 194362, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский пр-т, 140.

Тел.: 8 981 785-84-74

E-mail: ir.bochkareva@rambler.ru

Гуренков Илья Алексеевич, инженер, магистрант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-92-71

E-mail: ilya-gurenkov@yandex.ru

Гурова Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры дошкольного образования.

Адрес: Самарский государственный социально-гуманитарный университет, 444690, Россия, г. Самара, ул. Блюхера, 25.

Тел.: (846) 224-17-28

E-mail: gurovaiv2009@yandex.ru

Дьякова Вера Валерьевна, ассистент кафедры «Социология и психология».

Адрес: Астраханский государственный технический университет, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16.

Тел.: +7 927 568-28-59

E-mail: vvdyakova@yandex.ru

Касимов Артем Тагирович, студент кафедры «Оборудование и технологии машиностроительного производства».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-92-85

E-mail: kasim1200000@yandex.ru

Краснопевцев Александр Ювенальевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий секцией «Пайка» кафедры «Сварка, обработка материалов давлением и родственные процессы».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-92-71

E-mail: A.Krasnopevtsev@tltsu.ru

Краснопевцева Ирина Васильевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Управление инновациями и маркетинг».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-91-14

E-mail: i.krasnopevtseva@mail.ru

Мамедов Андрей Артурович, аспирант кафедры «Теория и история социологии» факультета социологии, экономики и права.

Адрес: Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 88.

Тел.: 8 926 999-07-87

E-mail: zharomizokna@gmail.com

Матосов Кирилл Анатольевич, магистр, инженер.

Адрес: Открытое акционерное общество «АВТОВАЗ», 445024, Россия, г. Тольятти, Южное шоссе, 36.

Тел.: (8482) 93-23-53

E-mail: kirill-mat@mail.ru

Михайлова Марина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Тел.: 8 927 763-13-81

E-mail: marinamikhailova44@gmail.com

Никонов Владимир Александрович, аспирант кафедры «Правовое обеспечение».

Адрес: Мичуринский государственный аграрный университет, 393760, Россия, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101.

Тел.: 8 926 875-71-26

E-mail: nikon561@yandex.ru

АВТОРЫ

Ошанова Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод и межкультурная коммуникация».

Адрес: Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

Тел.: 8 912 857-07-84

E-mail: oshanova_katja@mail.ru

Резников Лев Аронович, кандидат технических наук, доцент кафедры «Оборудование и технологии машиностроительного производства».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-92-85

E-mail: levrez@mail.ru

Стахова Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и переводоведения.

Адрес: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

Тел.: +7 931 338-72-87

E-mail: alfalfahay@mail.ru

Худяков Александр Вячеславович, аспирант кафедры иностранных языков.

Адрес: Тамбовский государственный технический университет, 392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106.

Тел.: +7 953 724-98-93

E-mail: frozenman68@mail.ru

OUR AUTHORS

Bochkareva Irina Olegovna, Chassis Senior Engineer.

Address: NISSAN Manufacturing Russia, 194362, Russia, Saint Petersburg, Komendantskiy Prospect, 140.

Tel.: 8 981 785-84-74

E-mail: ir.bochkareva@rambler.ru

Diakova Vera Valerievna, assistant of Chair “Sociology and psychology”.

Address: Astrakhan State Technical University, 414000, Russia, Astrakhan, Tatischev Street, 16.

Tel.: +7 927 568-28-59

E-mail: vvdyakova@yandex.ru

Gurenkov Ilya Alekseevich, engineer, graduate student.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-92-71

E-mail: ilya-gurenkov@yandex.ru

Gurova Irina Vladimirovna, senior lecturer of Chair of preschool education.

Address: Samara State University of Social Sciences and Humanities, 444690, Russia, Samara, Blyukher Street, 25.

Tel.: (846) 224-17-28

E-mail: gurovaiv2009@yandex.ru

Kasimov Artem Tagirovich, student of Chair “Equipment and Technology of Engineering Production”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-92-85

E-mail: kasim1200000@yandex.ru

Khudyakov Aleksandr Vyacheslavovich, postgraduate student of Chair of foreign languages.

Address: Tambov State Technical University, 392000, Russia, Tambov region, Tambov, Sovetskaya Street, 106.

Tel.: +7 953 724-98-93

E-mail: frozenman68@mail.ru

Krasnopevtsev Aleksandr Yuvenalievich, PhD (Engineering), Associate Professor, Head of section “Soldering” of Chair “Welding, pressure materials processing and related processes”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-92-71

E-mail: A.Krasnopevtsev@tltsu.ru

Krasnopevtseva Irina Vasilievna, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of Chair “Innovation management and marketing”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-91-14

E-mail: i.krasnopevtseva@mail.ru

Mamedov Andrey Arturovich, postgraduate student of Chair “Theory and history of sociology” of Department of sociology, economics and law.

Address: Moscow State Pedagogical University, 119991, Russia, Moscow, Vernadskogo Prospect, 88.

Tel.: 8 926 999-07-87

E-mail: zharomizokna@gmail.com

Matosov Kirill Anatolievich, master, engineer.

Address: Public Joint-Stock Company “AVTOVAZ”, 445024, Russia, Togliatti, Yuzhnoye Shosse, 36.

Tel.: (8482) 93-23-53

E-mail: kirill-mat@mail.ru

Mikhailova Marina Yurievna, PhD (Education), Associate Professor, assistant professor of Chair of Foreign Languages.

Address: Samara State University of Social Sciences and Education, 443099, Russia, Samara, M. Gorky Street, 65/67.

Tel.: 8 927 763-13-81

E-mail: marinamikhailova44@gmail.com

Nikonov Vladimir Aleksandrovich, postgraduate student of Chair “Legal coverage”.

Address: Michurinsk State Agrarian University, 393760, Russia, Tambov region, Michurinsk, Internatsionalnaya Street, 101.

Tel.: 8 926 875-71-26

E-mail: nikon561@yandex.ru

Oshanova Ekaterina Sergeevna, senior lecturer of Chair “Scientific and Technical Translation and Intercultural Communication”.

Address: Kalashnikov Izhevsk State Technical University, 426069, Russia, Izhevsk, Studencheskaya Street, 7.

Tel.: 8 912 857-07-84

E-mail: oshanova_katja@mail.ru

Reznikov Lev Aronovich, PhD (Engineering), assistant professor of Chair “Equipment and Technology of Engineering Production”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-92-85

E-mail: levrez@mail.ru

Stakhova Larisa Vladimirovna, PhD (Philology), Associate Professor, assistant professor of Chair of practice and theory of translation.

Address: Pushkin Leningrad State University, 196605, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10.

Tel.: +7 931 338-72-87

E-mail: alfalfahay@mail.ru